

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков

АКТ I

Сцена I

Комната. Шторы опущены. Пылает камин. В кресле у огня, закутанный в пятнистый плед, дремлет Тременс. Он тяжело просыпается.

ТРЕМЕНС:

Сон, лихорадка{1}, сон; глухие смены
двух часовых, стоящих у ворот
моей бессильной жизни...

На стенах

цветочные узоры образуют
насмешливые лица; не огнем,
а холодом змеиным на меня
шипит камин горящий... Сердце, сердце,
заполыхай! Изыди, змий озноба!..
Бессилен я... Но, сердце, как хотел бы
я передать мой трепетный недуг
столице этой стройной и беспечной,
чтоб площадь Королевская потела,
пылала бы, как вот мое чело;
чтоб холодели улицы босые,
чтоб сотрясались в воздухе свистящем
высокие дома, сады, статуи
на перекрестках, пристани, суда
на судорожной влаге!..
(Зовет.)

Элла!.. Элла!..

Входит Элла, нарядно причесанная, но в халатике.

ТРЕМЕНС:

Портвейна дай, и склянку, ту, направо,
с зеленым ярлыком...

Так что же, едешь

плясать?

ЭЛЛА:

(открывает графин)

Да.

ТРЕМЕНС:

Твой клиян там будет?

ЭЛЛА:

Будет.

ТРЕМЕНС:

Любовь?

ЭЛЛА:

(садится на ручку кресла)

Не знаю.. Странно это все..
Совсем не так, как в песнях.. Этой ночью
мне чудилось: я – новый, белый мостик,
сосновый, кажется, в слезах смолы, –
легко так перекинутый над бездной..
И вот я жду. Но – не шагов пугливых,
нет, – жаждал мостик сладко поддаваться,
мучительно хрустеть – под грубым громом
слепых копыт.. Ждала – и вот, внезапно,
увидела: ко мне, ко мне, – пылая,
рыдая, – мчится облик Минотавра,
с широкой грудью и с лицом Клияна!
Блаженно поддалась я, – и проснулась..

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

ТРЕМЕНС:
Я понял, Элла... Что же, мне приятно:
то кровь моя воскликнула в тебе, –
кровь жадная...

ЭЛЛА:
(готовит лекарство)

Кап... кап... пять, шесть... кап... семь... Довольно?

ТРЕМЕНС:
Да. Одевайся, поезжай... уж время...
Стой, – помешай в камине...

ЭЛЛА:

Угли, угли,

румяные сердечки... Чур – гореть!
(Смотрится в зеркало.)

Я хорошо причесана? А платье
надену газовое, золотое.
Так я пойду...
(Пошла, остановилась.)

...Ах, мне Клиян наведни
стихи принес; он так смешно поет
свои стихи! Чуть раздувая ноздри,
прикрыв глаза, – вот так, смотри, ладонью
поглаживая воздух, как собачку...
(Смеясь, уходит.)

ТРЕМЕНС:
Кровь жадная... А мать ее была
доверчивая, нежная такая;
да, нежная и цепкая, как цветень,
летающий по ветру – ко мне на грудь...
Прочь, солнечный пушок!.. Спасибо, смерть,
что от меня взяла ты эту нежность:
свободен я, свободен и безумен...
Еще не раз, услужливая смерть,
столкуемся... О, я тебя пошлю
вон в эту ночь, в те огненные окна
над темными сугробами – в дома,
где пляшет, вьется жизнь... Но надо ждать...
Еще не время... надо ждать.

Задремал было. Стук в дверь.

ТРЕМЕНС:
(встрепенувшись)

Войдите!..

СЛУГА:
Там, сударь, человек какой-то – темный,
оборванный – вас хочет видеть...
ТРЕМЕНС:

Имя?

СЛУГА:
Не говорит.
ТРЕМЕНС:

Впусти.

Слуга вышел. В открытую дверь вошел человек, остановился на пороге.

ТРЕМЕНС:

Что вам угодно?

ЧЕЛОВЕК:
(медленно усмехнувшись)

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
...и на плечах все тот же пестрый плед.

ТРЕМЕНС:
(всматривается)

Позвольте... Муть в глазах... но – узнаю,
но узнаю... Да, точно... Ты, ты? Ганус?

ГАНУС:
Не ожидал? Мой друг, мой вождь, мой Тременс,
не ожидал?..
ТРЕМЕНС:

Четыре года, Ганус!..

ГАНУС:
Четыре года? Каменные глыбы –
не годы! Камни, каторга, тоска –
и вот – неопишное бегство!..
Скажи мне, что – жена моя – Мидия...

ТРЕМЕНС:
Жива, жива... Да, узнаю я друга –
все тот же Ганус, легкий, как огонь,
все та же страстность в речи и в движениях...
Так ты бежал? А что же... остальные?

ГАНУС:
Я вырвался – они еще томятся...
Я, знаешь ли, к тебе, как ветер, – сразу,
еще не побывал я дома... Значит,
ты говоришь, Мидия...
ТРЕМЕНС:

Слушай, Ганус,

мне нужно объяснить тебе... Ведь странно,
что главный вождь мятежников... Нет, нет,
не прерывай! Ведь это, правда, странно,
что смею я на воле быть, когда
я знаю, что страдают в черной ссылке
мои друзья? Ведь я живу, как прежде;
меня молва не именует; я
все тот же вождь извилистый и тайный...
Но, право же, я сделал все, чтоб с вами
гореть в аду: когда вас всех схватили,
я, неподкупный, написал донос
на Тременса... Прошло два дня; на третий
мне был ответ. Какой? А вот послушай:
был, помню, вечер ветренный и тусклый.
Свет зажигать мне было лень. Смеркалось.
Я тут сидел и зыблился в ознобе,
как отражение в проруби. Из школы
еще не возвращалась Элла. Вдруг – стучат,
и входит человек: лица не видно
в потемках, голос – глуховатый, тоже
как бы подернут темнотой... Ты, Ганус,
не слушаешь!..

ГАНУС:
Мой друг, мой добрый друг,
ты мне потом расскажешь. Я взволнован,
я не слежу. Мне хочется забыть,
забыть все это: дым бесед мятежных,
ночные подворотни... Посоветуй,
что делать мне: идти ль сейчас к Мидии,
иль подождать? Ах, не сердись! не надо!..
Ты – продолжай...

ТРЕМЕНС:
Пойми же, Ганус, должен
я объяснить! Есть вещи поважнее
земной любви...
ГАНУС:

...так этот незнакомец... –
рассказывай...
ТРЕМЕНС:

...был очень странен. Тихо

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

он подошел: «Король письмо прочел и за него благодарит», – сказал он, перчатку сняв, и, кажется, улыбка скользнула по туманному лицу. «Да... – продолжал посланец, театрально перчаткою похлопывая, – вы – крамольник умный, а король карает одних глупцов; отсюда вывод, вызов: гуляй, магнит, и собирай, магнит, рассеянные иглы душ мятежных, а соберешь – подчистим, и опять – гуляй, блистай, притягивай...» Ты, Ганус, не слушаешь...

ГАНУС:

Напротив, друг, напротив...

что было дальше?

ТРЕМЕНС:

Ничего. Он вышел, спокойно поклонившись... Долго я глядел на дверь. С тех пор бешусь я в страстном бездействии... С тех пор я жду; упорно жду промаха от напряженной власти, чтоб ринуться... Четыре года жду. Мне снятся сны громадные... Послушай, срок близится! Послушай, сталь живая, пристанешь ли опять ко мне?..

ГАНУС:

Не знаю...

Не думаю... Я, видишь ли... Но, Тременс, ты не сказал мне про мою Мидию! Что делает она?..

ТРЕМЕНС:

Она? Блудит.

ГАНУС:

Как смеешь, Тременс! Я отвык, признаться, от твоего кощунственного слога, – и я не допущу...

В дверях незаметно появилась Элла.

ТРЕМЕНС:

...В другое время ты рассмеялся бы... Мой твердый, ясный, свободный мой помощник – нежен стал, как девушка стареющая...

ГАНУС:

Тременс,

прости меня, что шутки я не понял, но ты не знаешь, ты не знаешь... Очень измучился я... Ветер в камышах шептал мне про измену. Я молился. Я подкупал ползучее сомнение воспоминаньем вынужденным, – самым крылатым, самым сокровенным, – цвет свой теряющим при перелете в слово, – и вдруг теперь...

ЭЛЛА:

(подходя)

Конечно, он шутил!

ТРЕМЕНС:

Подслушала?

ЭЛЛА:

Нет. Я давно уж знаю – ты любишь непонятные словечки, загадки, вот и все...

ТРЕМЕНС:

Ты дочь мою

узнал?

ГАНУС:

Как, неужели это – Элла?

Та девочка, что с книгою всегда
плашмя лежала вот на этой шкуре,
пока мы тут миры испепеляли?..

ЭЛЛА:

И вы пылали громче всех, и так
накурите, бывало, что не люди,
а будто привиденья плещут в сизых
волнах... Но как же это вы вернулись?

ГАНУС:

Двух часовых поленом оглушил
и проплутал полгода... А теперь,
добравшись, наконец, – беглец не смеет
войти в свой дом...

ЭЛЛА:

я там бываю часто.

ГАНУС:

Как хорошо...

ЭЛЛА:

Да, очень я дружна

с женою вашей. Мы в гостинной темной
о вашей горькой доле не однажды
с ней говорили... Правда, иногда
мне было трудно: ведь никто не знает,
что мой отец...

ГАНУС:

я понимаю...

ЭЛЛА:

Часто,

вся в тихом блеске, плакала она,
как, знаете, Мидия плачет, – молча
и не мигая... Летом мы гуляли
по городским окраинам – там, где вы
гуляли с ней... На днях она гадала,
на месяц глядя сквозь бокал вина...
Я больше вам скажу: как раз сегодня
я на вечер к ней еду, – будут танцы,
поэты...
(Указывает на Тременса.)

Задремал, смотрите...

ГАНУС:

Вечер –

но без меня...

ЭЛЛА:

Без вас?

ГАНУС:

Я – вне закона:

поймают – крышка... Слушайте, записку
я напишу – вы ей передадите,
а я внизу ответа подожду...

ЭЛЛА:

(закружившись)

Придумала! Придумала! Вот славно!
Я, видите ли, в школе театральной
учусь: тут краски у меня, помады
семи цветов... Лицо вам так размажу,
что сам Господь в день Страшного Суда
вас не узнает! Что, хотите?

ГАНУС:

Да...

Пожалуй, только...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ЭЛЛА:

Просто я скажу,
что вы актер, знакомый мой, и грима
не стерли – так он был хорош.. Довольно!
Не рассуждать! Сюда садитесь, к свету.
Так, хорошо. Вы будете Отелло –
курчавый, старый, темнолицый Мавр.
Я вам еще отцовский дам сюртук
и черные перчатки...

ГАНУС:

Как занятно:

Отелло – в сюртуке!..

ЭЛЛА:

Сидите смирно.

ТРЕМЕНС:

(морщась, просыпается)

Ох... Кажется, заснул я... Что вы оба,
с ума сошли?

ЭЛЛА:

Иначе он не может
к жене явиться. Там ведь гости.

ТРЕМЕНС:

Странно:

приснилось мне, что душит короля
громадный негр...

ЭЛЛА:

Я думаю, в твой сон
наш разговор случайный просочился,
смешался с мыслями твоими...

ТРЕМЕНС:

Ганус,

как полагаешь, скоро ль?.. скоро ль?..

ГАНУС:

Что?..

ЭЛЛА:

Не двигайте губами – пусть король
повременит...

ТРЕМЕНС:

Король, король, король!

Им все полно: людские души, воздух,
и ходит слух, что в тучах на рассвете
играет герб его, а не заря.

Меж тем – никто в лицо его не знает.

Он на монетах – в маске. Говорят,
среди толпы, неузнанный и зоркий,
гуляет он по городу, по рынкам.

ЭЛЛА:

Я видела, как ездит он в сенат
в сопровожденьи всадников. Карета
вся синим лаком лоснится. На дверце
корона, а в окошке занавеска
опущена...

ТРЕМЕНС:

...и, думаю, внутри
нет никого. Пешком король наш ходит..
А синий блеск и кони вороные
для виду. Он обманщик, наш король!
Его бы...

ГАНУС:

Стойте, Элла, вы мне в глаз
попали краской... Можно говорить?

ЭЛЛА:

Да, можете. Я поищу парик...

ГАНУС:

Скажи мне, Тременс, непонятно мне:
чего ты хочешь? По стране скитаясь,
заметил я, что за четыре года

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
блистательного мира – после войн
и мятежей – страна окрепла дивно.
И это все свершил один король.
Чего ж ты хочешь? Новых потрясений?
Но почему? Власть короля, живая
и стройная, меня теперь волнует,
как музыка... Мне странно самому, –
но понял я, что бунтовать – преступно.

ТРЕМЕНС:
(медленно встает)

Ты как сказал? Ослышался я? Ганус,
ты... каешься, жалеешь и как будто
благодаришь за наказание!

ГАНУС:

Нет.

Скорбей сердечных, слез моей Мидии
я королю вовеки не прощу.
Но посуди: пока мы выкликали
великие слова – о притеснениях,
о нищете и горестях народных,
за нас уже сам действовал король...

ТРЕМЕНС:

(тяжело зашагал по комнате, барабаня на ходу по мебели)

Постой, постой! Ужель ты правда думал,
что вот с таким упорством я работал
на благо выдуманного народа?
Чтоб всякая навозная душа,
какой-нибудь пьянчуга-золотарь,
корявый конюх мог бы наводить
на ноготки себе зеркальный лоск
и пятый палец отгибать жеманно,
когда он стряхивает сопли? Нет,
ошибся ты!..

ЭЛЛА:

Чуть голову направо...
каракуль натяну вам...

Папа,
садись, прошу я... Ведь в глазах рябит.

ТРЕМЕНС:

Ошибся ты! Бунты бывали, Ганус...
Уже не раз на площадях времен
сходились – низколобая преступность,
посредственность и пошлость... Их слова
я повторял, но разумел другое, –
и мнилось мне, что сквозь слова тупые
ты чувствуешь мой истинный огонь,
и твой огонь отвечает. А ныне
он сузился, огонь твой, он ушел,
в страсть к женщине... Мне очень жаль тебя.

ГАНУС:

Чего ж ты хочешь? Элла, не мешайте
мне говорить...

ТРЕМЕНС:

Ты видел при луне
в ночь ветреную тени от развалин?
Вот красота предельная, – и к ней
веду я мир.

ЭЛЛА:

Не возражайте... Смирно!..
Сожмите губы. Черточку одну
высокомерья... Так. Кармином ноздри
снутри – нет, не чихайте! Страсть – в ноздрах.
Они теперь у вас, как у арабских
коней. Вот так. Прошу молчать. К тому же
отец мой совершенно прав.

ТРЕМЕНС:

король – высокий чародей. Согласен.
Набухли солнцем житницы тугие,
доступно всем наук великолепье,
труд облегчен игрою сил сокрытых,
и воздух чист в поющих мастерских –
согласен я. Но отчего мы вечно
хотим расти, хотим взбираться в гору,
от единицы к тысяче, когда
наклонный путь – к нулю от единицы –
быстрее и слаще? Жизнь сама пример –
она несется опрометью к праху,
все истребляет на пути своем:
сперва перегрызает пуповину,
потом плоды и птиц рвет на клочки,
и сердце бьет снутри копытом жадным,
пока нам грудь не выбьет... А поэт,
что мысль свою на звуки разбивает?
А девушка, что молит об ударе
мужской любви? Все, Ганус, разрушенье.
И чем быстрее оно, тем слаще, слаще...
ЭЛЛА:

Теперь сюртук, перчатки – и готово!
Отелло, право, я довольна вами...
(Декламирует.)

«Но все же я тебя боюсь. Как смерть,
бываешь страшен ты, когда глазами
вращаешь так. Зачем бы мне бояться, –
не знаю я: вины своей не знаю,
и все же чувствую, что я боюсь{2}...»
А сапоги потерты, да уж ладно...

ГАНУС:
Спасибо, Дездемона...
(Смотрится в зеркало.)

Вот каков я!

Давно, давно... Мидия... маскарад...
огни, духи... скорее, ах, скорее!
Поторопитесь, Элла!
ЭЛЛА:

Едем, едем...

ТРЕМЕНС:

Так ты решил мне изменить, мой друг?

ГАНУС:

Не надо, Тременс! Как-нибудь потом
поговорим... Сейчас мне трудно спорить...
Быть может, ты и прав. Прощай же, милый...
Ты понимаешь...

ЭЛЛА:

Я вернусь не поздно...

ТРЕМЕНС:

Иди, иди. Кляня давно клянет
тебя, себя и остальное. Ганус,
не забывай...

ГАНУС:

Скорей, скорее, Элла...

Уходят вместе.

ТРЕМЕНС:

Так мы одни с тобою, змий озноба?
Ушли они – мой выскользнувший раб
и бедная кружащаяся Элла...
Да, утомленный и простейшей страстью
охваченный, свое призванье Ганус
как будто позабыл... Но почему-то

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
сдается мне, что скрыта в нем та искра,
та запятая алая заразы,
которая по всей моей стране
распространит пожар и холод чудной,
мучительной болезни: мятежи
смертельные; глухое разрушение;
блаженство; пустота; небытие.

Занавес

Сцена II

Вечер у Мидии. Гостиная; налево проход в залу. Освещенная ниша направо у
высокого окна. Несколько гостей.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:

Морн говорит, – хоть сам он не поэт, –
«Должно быть так: в мельканьи дел дневных,
нежданно, при случайном сочетаньи
луча и тени, чувствуешь в себе
божественное счастье зачатья:
схватило и прошло; но знает муза,
что в тихий час, в ночном уединеньи,
забьется стих и с языка слетит
огнем и лепетом...»

КЛИЯН:

Мне не случалось
так чувствовать... Я сам творю иначе:
с упорством, с отвращеньем, мокрой тряпкой
обвязываю голову... Быть может,
поэтому и гений я...

Оба проходят.

ИНОСТРАНЕЦ:

КТО ЭТОТ –

похожий на коня?{3}

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Поэт Клиян.

ИНОСТРАНЕЦ:

Искусный?

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Тсс... Он слушает...

ИНОСТРАНЕЦ:

А ТОТ –

серебряный, со светлыми глазами, –
что говорит в дверях с хозяйкой дома?

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Не знаете? Вы рядом с ним сидели
за ужином – беспечный Дандилио,
седой любитель старины.

МИДИЯ:

(к старику)

Так как же?

Ведь это – грех: Морн, Морн и только Морн.

И кровь поет...

ДАНДИЛИО:

Нет на земле греха.

Люби, гори – все нужно, все прекрасно...
Часы огня, часы любви из жизни
выхватывай, как под водою раб
хватает раковины – слепо, жадно:
нет времени расклеить створки, выбрать
больную, с опухолью драгоценной...
Блеснуло, подвернулось, так хватай
горстями, что попало, как попало, –

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
чтоб в самый миг, как лопается сердце,
пятою судорожно оттолкнуться
и вывалить, шатаясь и дыша,
сокровища на солнечную сушу
к ногам Творца – он разберет, он знает...
Пускай пусты разломанные створки,
зато гудёт все море в перламутре.
А кто искал лишь жемчуг, отстраняя
за раковиной раковину, тот
придет к Творцу, к Хозяину, с пустыми
руками – и окажется в раю
глухонемым...
ИНОСТРАНЕЦ:
(подходя)

Мне в детстве часто снился

ваш ГОЛОС...
ДАНДИЛИО:

Право, никогда не помню,
кому я снился. Но улыбку вашу
я помню. Все хотелось мне спросить вас,
учтивый путешественник: откуда
приехали?

ИНОСТРАНЕЦ:

Приехал я из Века
Двадцатого, из северной страны,
зовущейся...
(шепчет.)

МИДИЯ:

Как? Я такой не знаю...

ДАНДИЛИО:

Да что ты! В детских сказках, ты не помнишь?
Виденья... бомбы... церкви... золотые
царевичи... Бунтовщики в плащах...
метели...

МИДИЯ:

Но я думала, она
не существует?

ИНОСТРАНЕЦ:

Может быть. Я в грезу
вошел, а вы уверены, что я
из грезы вышел... Так и быть, поверю
в столицу вашу. Завтра – сновиденьем
я назову ее...

МИДИЯ:

Она прекрасна...

(Отходит.)

ИНОСТРАНЕЦ:

Я нахожу в ней призрачное сходство
с моим далеким городом родным, –
то сходство, что бывает между правдой
и вымыслом возвышенным...

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Она,

поверьте мне, прекрасней всех столиц.

Слуги разносят кофе и вино.

ИНОСТРАНЕЦ:

(с чашкой кофе в руке)

Я поражен ее простором, чистым,
необычайным воздухом ее:
в нем музыка особенно звучит;
дома, мосты и каменные арки,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
все очертанья зодческие – в нем
безмерны, легкие, как переход
счастливейшего вздоха в тишину
высокую... Еще я поражен
всегда веселой поступью прохожих;
отсутствием калек; певучим звуком
шагов, копыт; полетами полозьев
по белым площадям... И, говорят,
один король все это сделал...
ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Да,

один король. Ушло и не вернется
былое лихолетье. Наш король –
гигант в бауте{4}, в огненном плаще –
престол взял приступом, – и в тот же год
последняя рассыпалась волна
мятежная. Был заговор раскрыт:
отброшены участники его –
и, между прочим, муж Мидии, только
не следует об этом говорить –
на прииски далекие, откуда
их никогда не вызовет закон;
участники, я говорю, но главный
мятежник, безымянный вождь, остался
ненайденным... С тех пор в стране покой.
Уродство, скука, кровь – все испарилось.
Ввысь тянутся прозрачные науки,
но, красоту и в прошлом признавая,
король сберег поэзию, волненье
былых веков – коней, и паруса,
и музыку старинную, живую, –
хоть вместе с тем по воздуху блуждают
сквозные, электрические птицы...
ДАНДИЛИО:

В былые дни летучие машины
иначе строились: взмахнет, бывало,
под гром блестящего винта, под взрывы
бензина, чайным запахом пахнёт
в пустое небо... Но позвольте, где же
наш собеседник?..
ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Я и не заметил,

как скрылся он...

МИДИЯ:
(подходит)

Сейчас начнутся танцы...

Входит Элла и за нею Ганус.

МИДИЯ:
А вот и Элла!..
ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:
(Второму)

Кто же этот черный?

Страшилище какое!
ВТОРОЙ ГОСТЬ:

В сюртуке,

подумайте!..
МИДИЯ:

Озарена... воздушна...

Как твой отец?
ЭЛЛА:

Все то же: лихорадка.

Вот – помнишь, говорила? – трагик наш..
Я упростила грим оставить... Это

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Отелло...

МИДИЯ:
Очень хорошо!.. Клян,
идите же... Скажите скрипачам,
чтоб начали...

Гости проходят в залу.

МИДИЯ:
Что ж Морн не едет?

Не понимаю... Дандилио!

ДАНДИЛИО:

Надо

любить и ожиданье. Ожиданье –
полет в ночи. И сразу – свет, паденье
в счастливый свет, – но нет уже полета...
А, музыка! Позвольте же вам руку
калачиком подать.

Элла и Клян проходят.

ЭЛЛА:
Ты недоволен?

КЛИЯН:
Кто спутник твой? Кто этот чернорожий
твой спутник?

ЭЛЛА:

Безопасный лицедей,

Клян. Ревнуешь?

КЛИЯН:

Нет. Нет. Нет. Я знаю,

ты мне верна, моя невеста... Боже!
Войти в тебя, войти бы, как в чехол
тугой и жгучий, заглянуть в твою
кровь, кости проломить, узнать, постичь,
ощупать, сжать между ладоней сущность
твою!{5}.. Послушай, приходи ко мне!
Ждать долго до весны, до нашей свадьбы!..

ЭЛЛА:

Клян, не надо... ты мне обещал...

КЛИЯН:

О, приходи! Дай мне в тебя прорваться!
Не я молю – голодный гений мой,
тобой томясь, коробится во прахе,
хрустит крылами, молит... О, пойми,
не я молю, не я молю! То – руки
ломает муза... ветер в олимпийских
садах... Зарей и кровью налились
глаза Пегаса... Элла, ты придешь?

ЭЛЛА:

Не спрашивай, не спрашивай. Мне страшно,
мне сладостно... Я, знаешь, белый мостик,
я – только легкий мостик над потоком...

КЛИЯН:

Так завтра – ровно в десять – твой отец
ложится рано. В десять. Да?

Проходят гости.

ИНОСТРАНЕЦ:

А кто же,

по-вашему, счастливей всех в столице?

ДАНДИЛИО:

(нюхая табак)

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Конечно – я... Я выработал счастье,
установил его – как положение
научное...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:

А я внесу поправку.

В столице нашей всякий так ответит:

«Конечно – я!»

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Нет. Есть один несчастный:

тот темный, неизвестный нам, крамольник,

который не был пойман. Где-нибудь

теперь живет и знает, что виновен...

Вон этот бедный негр несчастен тоже.

Всех удивить хотел он видом страшным, –

да вот никто его не замечает.

Сидит в углу Отелло мешковатый,

угрюмо пьет...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:

...и смотрит исподлобья.

ДАНДИЛИО:

А что Мидия думает?

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Позвольте,

опять пропал наш иностранец! Словно

меж нас пройдя, скользнул он за портьеру...

МИДИЯ:

Я думаю, счастливей всех король...

А, Морн!

Со смехом входит Господин Морн, за ним Эдмин.

МОРН:

(на ходу)

великолепные блаженны!{6}..

ГОЛОСА:

Морн! Морн!

МОРН:

Мидия! Здравствуйте, Мидия,

сияющая женщина! Дай руку,

Клян, громоголосый сумасшедший,

багряная душа! А, Дандилио,

веселый одуванчик... Звуков, звуков,

мне нужно райских звуков!..

ГОЛОСА:

Морн приехал, Морн!

МОРН:

великолепные блаженны! Снег

какой, Мидия... Снег какой! Холодный,

как поцелуи призрака, горячий,

как слезы на ресницах... Звуков, звуков!

А это кто? Посол с Востока, что ли?

МИДИЯ:

Актер, приятель Эллы.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:

Мы без вас

решить старались: кто всего счастливей

в столице нашей; думали – король;

но вы вошли: вам первенство, пожалуй...

МОРН:

Что счастье? Волнение крыльев звездных.

Что счастье? Снежинка на губе{7}...

Что счастье?..

МИДИЯ:

(тихо)

Послушай, отчего

Страница 13

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
так поздно ты приехал? Скоро гости
разъедутся: выходит так, как будто
нарочно мой возлюбленный приехал
к разъезду...

МОРН:
(тихо)

Счастье мое, прости мне:
дела... Я очень занят...

ГОЛОСА: Танцы, танцы!

МОРН:
Позвольте, Элла, пригласить вас...

Гости проходят в залу. Остались: Дандилио и Ганус.

ДАНДИЛИО:

Отелло заскучал по Дездемоне.
О, демон в этом имени{8}...

Вижу,

ГАНУС:
(глядя вслед Морну)

Какой

горячий господин...

ДАНДИЛИО: Что делать, Ганус.

ГАНУС:
Вы как сказали?

ДАНДИЛИО: Говорю, давно ли
покинули Венецию?{9}

ГАНУС: Оставьте
меня, прошу...

Дандилио проходит в залу. Ганус поник у стола.

ЭЛЛА:
(быстро входит)

Здесь никого нет?..

ГАНУС: Элла,

мне тяжело...

ЭЛЛА:
Что, милый?..

ГАНУС: Я чего-то
не понимаю. Этот душный грим
мне словно сердце сводит...

ЭЛЛА: Бедный мавр...

ГАНУС:
Вы давеча мне говорили... Был я
так счастлив... Вы ведь говорили правду?

ЭЛЛА:
Ну, улыбнитесь... Слышите, из залы
смычки сверкают!

ГАНУС: Скоро ли конец?

Тяжелый, пестрый сон...

ЭЛЛА: Да, скоро, скоро...

Ганус проходит в залу.

ЭЛЛА:
(одна)

Как это странно... Сердце вдруг пропело:
всю жизнь отдать, чтоб этот человек
был счастлив... И какой-то легкий ветер
прошел, и вот я чувствую себя
способною на самый тихий подвиг.
Мой бедный мавр! И, глупая, зачем
я привела его с собою? Прежде
не замечала – только вот теперь,
ревнуя за него, я поняла,
что тайным звоном связаны Мидия
и быстрый Морн... Все это странно...

ДАНДИЛИО:
(выходит, ища кого-то)

не видела? Тут этот иностранец
не проходил?

Ты

ЭЛЛА:

Не видела...

ДАНДИЛИО:

Чудак!

Скользнул, как тень... Мы только что вели
беседу с ним...

Элла и Дандилио проходят.

ЭДМИН:
(подводит Мидию к стулу)

Сегодня вам, Мидия,
не пляшется.

МИДИЯ:

А вы, как и всегда,
таинственно безмолвны, – не хотите
мне рассказать, чем занят Морн весь день?

ЭДМИН:

Не все ль равно? Делец ли он, ученый,
художник, воин, просто человек
восторженный – не все ли вам равно?

МИДИЯ:

Да сами вы чем заняты? Оставьте –
охота пожимать плечами!.. Скучно
мне с вами говорить, Эдмин...

ЭДМИН:

Я знаю..

МИДИЯ:

Скажите мне, когда здесь Морн, один
вы сторожите под окном, а после
уходите с ним вместе... Дружба дружбой,
но это ведь...

ЭДМИН:

Так нравится мне...

МИДИЯ:

Разве

нет женщины – неведомой, – с которой
вы ночи коротали бы приятней,
чем с призраком чужого счастья, – в час,
когда здесь Морн?.. Вот глупый – побледнел...

МОРН:

(входит, вытирая лоб)

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
что счастье? Клян пронесся мимо
и от меня, как ветер, Эллу взял...
(К Эдмину.)

Друг, прояснись! Сощурился тоскливо,
как будто собираешься чихнуть...
Поди, танцуй...

Эдмин выходит.

МОРН:

...О, как же ты похожа
на счастье, моя Мидия! Нет,
не двигайся, не нарушай сиянья...
Мне холодно от счастья. Мы – на гребне
прилива музыкального... Пстой,
не говори. Вот этот миг – вершина
двух вечностей...

МИДИЯ:

Всего-то прокатилось
два месяца с того живого дня,
когда ко мне таинственный Эдмин
тебя привел. В тот день сквозным ударом
глубоких глаз ты покорила меня.
В них желтым светом пристальная сила
вокруг зрачка лучится... Иногда
мне кажется, ты можешь, проходя
по улицам, внушать прохожим – ровным
дыханьем глаз – что хочешь: счастье, мудрость,
сердечный жар... Вот я скажу, – не смейся:
к твоим глазам душа моя прилипла,
как в детстве прилипаешь языком
к туманному металлу, если в шутку
лизнешь его, когда мороз пылает...
Теперь скажи, чем занят ты весь день?

МОРН:

А у тебя глаза, – нет, покажи, –
какие-то атласные, слегка
раскосые... О, милая... Мне можно
поцеловать лучи твоих ключиц?

МИДИЯ:

Стой, осторожно, – этот черный трагик
за нами наблюдает... Скоро гости
уйдут... Ты потерпи...

МОРН:

(смеется)

Да мне нетрудно:

ты за ночь надоешь мне...

МИДИЯ:

Не шути,

я не люблю...

Музыка смолкла. Из залы идут гости.

ДАНДИЛИО:

(к иностранцу)

Куда вы исчезали?

ИНОСТРАНЕЦ:

Я просыпался. Ветер разбудил.
Оконницу шарахнуло. С трудом
заснул опять...

ДАНДИЛИО:

С трудом вам здесь поверят.

МОРН:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
А, Дандилио... Не успел я с вами
поговорить... Что нового собрали?
Какие гайки ржавые, какие
жемчужные запястья?
ДАНДИЛИО:

Плохо дело:

на днях я огненного попугая –
громадного и сонного, с багряным
пером в хвосте – нашел в одной лавчонке,
где вспоминает он туннель дымящий
тропической реки... Купил бы, право,
да кошка у меня – не уживутся
загадочные эти божества...
Я каждый день хожу им любоваться:
он попугай святой, не говорящий.
ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:
(ко Второму)

Пора домой. Взгляни-ка на Мидию:
мне кажется, ее улыбка – скрытый
зевок.

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Нет, подожди, несут еще
вина. Попьем.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:

А стало скучновато...

МОРН:

(открывая бутылку)

Так! Вылетай, космическая пробка,
в лепные небеса! Взрываись, пена,
как хаос бьющий, прущий... тпру... меж пальцев
Творца.
ГОСТИ:

За короля! За короля!

ДАНДИЛИО:

Вы что же, Морн? Не пьете?

МОРН:

Нет, конечно.

Жизнь отдают за короля; а пить –
зачем же пить?

ИНОСТРАНЕЦ:

За этот край счастливый!

КЛИЯН:

За Млечный Путь!

ДАНДИЛИО:

От этого вина

и в голове польются звезды...

ЭЛЛА:

Залпом

за огненного попугая!

КЛИЯН:

Элла,

за наше «завтра»!

МОРН:

За хозяйку дома!

ГАНУС:

Хочу спросить... Неясно мне... Что, выпить
за прежнего хозяина нельзя?

МИДИЯ:

(роняет бокал)

Так. Всё на платье.

Пауза.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Солью..

ДАНДИЛИО:

Есть поверье:

слезами счастья! Всякое пятно
мгновенно сходит...

МИДИЯ:

(к Элле, тихо)

Слушай, твой актер

пьян, вероятно...
(И трет платье.)

МОРН:

Я читал в одном
трактате редкостном – вот, Дандилио,
вы книжечий, – что, сотворяя мир,
БОГ пошутил некстати...

ДАНДИЛИО:

В той же книге,

я помню, было сказано, что дому
приятен гость и нужен, как дыханье,
но ежели вошедший воздух снова
не выйдет – посинеешь и умрешь.
Поэтому, Мидия...

МИДИЯ:

Как? так рано?

ДАНДИЛИО:

Пора, пора. Ждет кошка...

МИДИЯ:

Заходите...

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ:

И мне пора, прелестная Мидия.

МИДИЯ:

Нехорошо! Остались бы...

ЭЛЛА:

(к Ганусу, тихо)

Прошу вас,

вы тоже уходите... Завтра утром
зайдете к ней... Она устала.

ГАНУС:

(тихо)

Я...

не понимаю?

ЭЛЛА:

(тихо)

Где же радость встречи,
когда спать хочется?..

ГАНУС:

(тихо)

Нет, я останусь...

Отходит в полутьму к столу круглому. Одновременно прощались гости.

ИНОСТРАНЕЦ:

(к Мидии)

Я не забуду пребывания в вашей
столице колдовской: чем сказка ближе
к действительности, тем она волшебней.

Но я боюсь чего-то... Здесь незримо
тревога зреет... В блеске, в зеркалах,
я чувствую...

КЛИЯН:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Да вы его, Мидия,
не слушайте! Он к вам попал случайно.
Хорош волшебник! Знаю достоверно –
он у купца на побегушках... возит
образчики изделий иноземных...
Не так ли? Ускользнул!

МИДИЯ:

Какой смешной..

ЭЛЛА:

Прощай, Мидия...

МИДИЯ:

Отчего так сухо?

ЭЛЛА:

Нисколько... Я немножечко устала...

ЭДМИН:

Пойду и я... Спокойной ночи.

МИДИЯ:

Глупый!..

(Смеется.)

ВТОРОЙ ГОСТЬ:

Прощайте. Если правда, гость – дыханье,
то выхожу отсюда, как печальный,
но кроткий вздох...

Все вышли, кроме Морна и Гануса.

МИДИЯ:

(в дверях)

До будущей недели.

(И возвращается на середину гостиной.)

А! Наконец-то!

МОРН:

Тсс... Мы не одни.

(Указывает на Гануса, сидящего незаметно.)

МИДИЯ:

(к Ганусу)

Я говорю, что вы добрее прочих
моих гостей; остались...
(Садится рядом.)

Расскажите,

вы где играли? Этот грозный грим
прекрасен... Вы давно знакомы с Эллой?
Ребенок... ветер... блеск воды... В нее
влюблен Клиян, тот, с кадыком и с гривой, –
плохой поэт... Нет, это даже страшно –
совсем, совсем араб!.. Морн, перестаньте
свистеть сквозь зубы...

МОРН:

(в другом конце комнаты)

Тут у вас часы

хорошие...

МИДИЯ:

Да... старые... Играет
в их глубине хрустальный ручеек.

МОРН:

Хорошие... Немного отстают,
не правда ли?

МИДИЯ:

Да, кажется...

(к Ганусу.)

А вы..

вы далеко живете?

ГАНУС:

Близко. Рядом.

МОРН:

(у окна, с зевком)

Какие звезды...

МИДИЯ:

(нервно)

В нашем переулке,
должно быть, скользко... Снег с утра кружил..
Я на катке была сегодня... Морн,
как птица, реет по льду... Что же люстра
горит напрасно...
(На ходу, тихо, к Морну.)

Погляди – он пьян...

МОРН:

(тихо)

Да... угостила Элла...

(Подходит к Ганусу.)

Очень поздно!

Пора и по домам. Пора, Отелло!

Вы слышите?

ГАНУС:

(тяжело)

Ну, что ж... я вас не смею

удерживать... идите...

МИДИЯ:

Морн... мне страшно...

Он говорит так глухо... словно душит!..

ГАНУС:

(встает и подходит)

Довольно... голос оголю... довольно!

Ждать дольше мочи нет. Долой перчатку!

(К Мидии.)

Вот эти пальцы вам знакомы?

МИДИЯ:

Ах!..

Морн, уходите.

ГАНУС:

(страстно)

Здравствуй! Ты не рада?

Ведь это я – твой муж! Воскрес из мертвых!

МОРН:

(совершенно спокойно)

Воистину.

ГАНУС:

Вы здесь еще?

МИДИЯ:

Не надо!

Обоих вас прошу!..

ГАНУС:

Проклятый фат!..

МОРН:

Горячий свист твоей перчатки черной

приятен мне. Отвечу тем же...

МИДИЯ:

Она бежит в глубину сцены, к нише, и распахивает рывками окно. Морн и Ганус дерутся на кулаках.

МОРН:
Стол, стол смахнешь!.. Вот мельница!.. Не так
размашисто! Стол... ваза!.. Так и знал!..
Ха-ха! Не щекочи! Ха-ха!..
МИДИЯ:
(кричит в окно)

Эдмин!

Эдмин! Эдмин!..
МОРН:

Ха-ха! Стекает краска!..
Так, рви ковер!.. Смелее! Не сопи,
не гакай!.. Чище, чище! Запятая
и точка!

Ганус рухнул в углу.

МОРН:
Олух... Развязал мне галстук.

ЭДМИН:
(вбегает, в руке пистолет)

Что было?

МОРН:
Только два удара: первый
зовется «крюк»{10}, второй – «прямая шуйца».
А между прочим, этот господин –
Мидийн муж...

ЭДМИН:
Убит?

МОРН:
Какое там...
Смотри, сейчас очнется. А, с приходом!
Мой секундант к услугам вашим..
(И замечает, что Мидия лежит в обмороке в глубине, у окна.)

Боже!

О, бедная моя!.. Эдмин... постой...
Да позвони... О, бедная... Не надо,
не надо же... Ну, право... Мы играли...

Вбегают две служанки: они и Морн ухаживают за Мидией в глубине сцены.

ГАНУС:
(тяжело поднимается)

Я... вызов... принимаю. Гадко... Дайте
платок мне... Что-нибудь. Как гадко..
(Вытирает лицо.)

Десять

шагов и первый выстрел – мой... по праву:
я – оскорбленный...

ЭДМИН:
(оглянувшись, порывисто)

Слушайте... постойте...
Покажется вам странно... но я должен...
просить вас... отказаться от дуэли...
ГАНУС:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Не понимаю?..

ЭДМИН:

Если вам угодно,
я – за него – под выстрел ваш.. готов я..
Хотя б сейчас...

ГАНУС:

По-видимому, я
с ума схожу.

ЭДМИН:

(тихо и быстро)

Так вот, нарушу слово!..

Открою вам.. мне долг велит.. Но вы
должны поклясться мне – своей любовью,
презрением, ненавистью, чем хотите,
что никогда вы этой страшной тайны..

ГАНУС:

..Извольте, но к чему все это?

ЭДМИН:

Вот,

открою вам: он – этот человек –
он.. не могу!..

ГАНУС:

Скорей!..

ЭДМИН:

Э, будь что будет!

Он..

(И шепчет ему на ухо.)

ГАНУС:

Это ложь!

(Эдмин шепчет.)

Нет, нет.. Не может быть!

О, Господи.. что делать?..

ЭДМИН:

Отказаться!

Нельзя иначе.. Отказаться!..

МИДИЯ:

(к Морну в глубине)

Радость,

не уходи..

МОРН:

Постой.. сейчас я..

ГАНУС:

(твердо)

Нет!

ЭДМИН:

Зачем же я нарушил..

МОРН:

(подходит)

Что, решили?

ГАНУС:

Решили, да. Я не гожусь в убийцы:
мы драться будем á la courte paille.{11}

МОРН:

Великолепно.. Выход найден. Завтра
подробности решим. Спокойной ночи.

Еще могу добавить, что дуэли

не обсуждают с женщиной. Мидия

не выдержит. Молчите до конца.

Пойдем, Эдмин.

(к Мидии.)

Я ухожу, Мидия.

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Ты будь спокойна...

МИДИЯ:

Подожди... мне страшно...

чем кончилось?

МОРН:

Ничем. Мы помирились.

МИДИЯ:

Послушай, увези меня отсюда!..

МОРН:

Твои глаза – как ласточки под осень,
когда кричат они: «На юг!..» Пусты же...

МИДИЯ:

Постой, постой... смеешься ты сквозь слезы!..

МОРН:

Сквозь радуги, Мидия! Я так счастлив,
что счастье, сияя, через край
переливается. Прощай, Эдмин,
пойдем. Прощай. Все хорошо...
Морн и Эдмин уходят.

Пауза.

ГАНУС:

(медленно подходит к Мидии)

Мидия, что же это? Ах... скажи
мне что-нибудь – жена моя, блаженство
мое, безумие мое, – я жду...
Не правда ли, все это – шутка, пестрый,
злой маскарад, как господин во фраке
бил крашеного мавра... Улыбнись!
Ведь я смеюсь... мне весело...
МИДИЯ:

Не знаю,

что мне сказать тебе...

ГАНУС:

Одно лишь слово;

всему поверю я... всему поверю...
Меня пустая ревность опьянила –
не правда ли? – как после долгой качки
вино в порту. О, что-нибудь...
МИДИЯ:

Послушай,

я объясню... Ушел ты – это помню.
Бог видел, как я тосковала. Вещи
твои со мною говорили, пахли
тобой... Болела я... Но постепенно
мое воспоминанье о тебе
теряло теплоту... Ты застывал
во мне – еще живой, уже бесплотный.
Потом ты стал прозрачным, стал каким-то
привычным призраком; и, наконец,
на цыпочках, просвечивая, тихо
ушел, ушел из сердца моего...
Я думала: навеки. Я смирилась.
И сердце обновилось и зажглось.
Мне так хотелось жить, дышать, кружиться.
Забвенье подарило мне свободу...
И вдруг, теперь, вернулся ты из смерти,
и вдруг, теперь, врываешься так грубо
в тебе чужую жизнь... Не знаю, что
сказать тебе... Как с призраком ожившим
мне говорить? Я ничего не знаю...

ГАНУС:

В последний раз я видел сквозь решетку
твое лицо. Ты подняла вуаль,
чтоб нос – комком платочка – так вот, так вот...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

МИДИЯ:

Кто виноват? Зачем ушел? Зачем бороться было – против счастья, против огня и правды, против короля?..

ГАНУС:

Ха-ха... Король!.. О, Господи... Король!.. Безумие... Безумие!..

МИДИЯ:

Мне страшно, –

ты так не смейся...

ГАНУС:

Ничего... Прошло...

Три ночи я не спал... устал немного. Всю осень я скитался. Понимаешь, Мидия, я бежал: не вынес кары... Я знал бессонный шум ночной погони. Я голодал. Я тоже не могу сказать тебе...

МИДИЯ:

...И это для того, чтоб выкрасить лицо себе, а после...

ГАНУС:

Но я хотел обрадовать тебя!

МИДИЯ:

...а после быть избитым и валяться, как пьяный шут, в углу, и все простить обидчику, и, в шутку обратив обиду, унижаться предо мною... Ужасно! На, бери подушку эту, души меня! Ведь я люблю другого!.. Души меня!.. Нет, только может плакать... Довольно... Я устала... уходи...

ГАНУС:

Прости меня, Мидия... Я не знал... Так вышло, будто я четыре года подслушивал у двери – и вошел, и – никого. Уйду. Позволь мне только видеть тебя. В неделю раз – не боле. Я буду жить у Тременса. Ты только не уезжай...

МИДИЯ:

Оставь мои колени!

Уйди... не мучь меня... Довольно... Я с ума сойду!..

ГАНУС:

Прощай... Ты не сердись...

прости меня – ведь я не знал. Дай руку, – нет, только так – пожать. Я, вероятно, смешной – размазал грим... Ну вот... Я ухожу... Ты ляг... Светает... (Уходит.)

МИДИЯ:

шут!..

Занавес

АКТ II

Комната Тременса. Тременс в той же позе, как в I сцене I акта. У стола сидит Ганус, рассыпает карты.

ТРЕМЕНС:

Блаженство пустоты... Небытие... Так буду повторять тебе, покамест дрожащими руками не сожмешь взрывающейся головы; покамест твоей души не оглушу громами

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
моей опустошительной мечты!..

Терзаюсь я бездействием; но знаю:
моя глухая воля – как вода,
что, каплю за каплю спадая
на темя осужденного, рождает
безумие, протачивая череп
и проедавая разум; как вода,
что, каплю за каплю сквозь камень
просачиваясь в огненные недра
земные, вызывает извержение
вулкана – сумасшествие земли...
Небытие... Я, сумрак возлюбивший,
сам должен жить и жизнью быть язвимым,
чтоб людям дать усладу вечной смерти –
но стойкая душа моя не стонет,
распятая на костяном кресте
скелета человеческого, – на черной,
на громовой Голгофе бытия...
Ты бледен, Ганус... Перестань же карты
раскладывать, ерошить волос буйный,
в лицо часам заглядывать... Чего же
бояться?

ГАНУС:

Замолчи, прошу тебя!
Без четверти... Невыносимо! Стрелки,
как сгорбленные, идут; как вдовица
и сирота за катафалком...

ТРЕМЕНС:

Элла!

Лекарство!..

ГАНУС:

Тременс... нет... пускай не входит!..

О, Господи...

ЭЛЛА:

(лениво входит, волоча шаль)

Тут холодно... Не знаю,
верны ли...
(Смотрит на стенные часы.)

ТРЕМЕНС:

А тебе-то что?

ЭЛЛА:

Так. Странно:

камин горит, а холодно...

ТРЕМЕНС:

Мой холод,

мой холод, Элла! Зябну я от жизни,
но подожди – я скоро распушу
такой огонь...

ГАНУС:

Невыносимо!.. Элла,
вы склянками звените... ради Бога,
не надо... Что хотел сказать я? Да:
вы мне намедни обещали дать{12}
конверт и марку...

ТРЕМЕНС:

...С человеком в маске...

ЭЛЛА:

Я принесу... Тут холодно... Быть может,
мне кажется... Сегодня все зеваю...
(Уходит.)

ГАНУС:

Ты что сказал?

ТРЕМЕНС:

Я говорю: на марке
изображен наш добрый...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ГАНУС:

Тременс, Тременс,
о, если бы ты знал!.. Не то. Послушай,
нарочно Эллу я просил... Ты должен
услать ее, куда-нибудь, на час...
Они сейчас придут: решили в десять,
ведь сам ты проверял картель{13}... Прошу,
дай порученье ей...
ТРЕМЕНС:

Напротив, Ганус.
Пусть учится. Пусть видит страх и смелость.
Смерть – зрелище, достойное богов.
ГАНУС:
Ты – изверг, Тременс! Как же я могу
под взглядом детских глаз ее... О, Тременс,
прошу тебя!..
ТРЕМЕНС:

Довольно. Это входит
в мой замысел. Сегодня открываю
мой небывалый праздник. Твой противник –
как бишь его? – забыл я...
ГАНУС:

Тременс! Друг мой!
Осталось шесть минут! Я умоляю!
Они сейчас придут... Ведь Эллы... жалко!
ТРЕМЕНС:
...противник твой – какой-нибудь летучий,
блестящий шлопай; но если смерть
он вытянет за белое ушко
из кулака, – доволен буду: меньше
одной душой на этом свете... Спать
как хочется...
ГАНУС:

Пять, пять минут осталось!..
ТРЕМЕНС:
Да: это час, когда я спать ложусь...

Возвращается Элла.

ЭЛЛА:
Берите, вот. Насилу отыскала...
Мое лицо плывет из полутьмы
навстречу мне, как смутная медуза,
а зеркало – как черная вода...
А волосы устало растрепались...
А я – невеста. Я – невеста... Ганус,
вы рады за меня?..
ГАНУС:

Не знаю... Да,
конечно, – рад...
ЭЛЛА:

Ведь он – поэт, он – гений,
не то что вы...
ГАНУС:

Да, Элла...
Так... так... сейчас пробьют... пробьют мне душу...
Э, все равно!..
ЭЛЛА:

Мне можно вас спросить –
вы ничего мне, Ганус, не сказали, –
что было там, когда ушли мы? Ганус!
Ну, вот – молчит... Ужели на меня
вы сердитесь? Ведь, право, я не знала,
что маскарад наш маленький не выйдет...
Как мне помочь? Быть может, есть слова
цветут они в тени высоких песен, –
я их найду. Какой надутый, глупый,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
кусает губы, знать меня не хочет...

Я все пойму... Взгляните же... Со мною
грешно молчать. Как мне еще просить?

ГАНУС:

Что, Элла, что вам нужно от меня?
Вам говорить угодно? О, давайте,
давайте говорить! О чем хотите!
О женщинах неверных, о поэтах,
о духах, о потерянных очках
слепой кишки, о моде, о планетах, –
шептаться, хохотать, наперебой
болтать, болтать – без умолку! Ну, что же?
Я веселюсь!.. О, Господи...

ЭЛЛА:

Не надо

Мне больно... Вы не можете понять.

Не надо... А! Бьет десять...

ГАНУС:

Элла – вот –

я вам скажу... я попросить вас должен...
послушайте...

ЭЛЛА:

Какая карта? Чет?

ГАНУС:

Чет – все равно... Послушайте...

ЭЛЛА:

Восьмерка.

Я загадала. В десять ждет Клиян.
Когда пойду – все кончено. Мне вышло –
остаться...

ГАНУС:

Нет – идите! ах, идите!

Так суждено! Поверьте мне!.. Я знаю –
любовь не ждет!..

ЭЛЛА:

Безвольная истома

и холодок... Любовь ли это? Впрочем,
я поступлю, как скажете...

ГАНУС:

Идите,

скорей, скорей! – пока он не проснулся...

ЭЛЛА:

Нет, почему же, он позволит мне...

Отец, проснись. Я уйду.

ТРЕМЕНС:

Ох... тяжело...

Куда же ты так поздно? Нет, останься,
ты мне нужна.

ЭЛЛА:

(к Ганусу)

Остаться?

ГАНУС:

(тихо)

Нет, нет, нет...

я умоляю, умоляю!..

ЭЛЛА:

Вы...

вы... жалкий.

(Уходит, накинув меховой плащ.)

ТРЕМЕНС:

Элла! Стой! А ну ее...

ГАНУС:

Ушла, ушла... Дверь ухнула вниз
стеклянным громом... Ах, теперь мне легче...

(Пауза.)

Одиннадцатый час... Не понимаю...

ТРЕМЕНС:

Опаздывать – дуэльный этикет.

А может быть, он струсил.

ГАНУС:

И другое

есть правило: не оскорблять чужого противника...

ТРЕМЕНС:

А я скажу тебе

вот так: душа должна бояться смерти,

как девушка любви боится. Ганус,

что чувствуешь?

ГАНУС:

Огонь и холод мести,

и пристально гляжу в глаза кошачьи

стального страха: знает укротитель,

что только отвернется, – вспрыснет зверь{14}.

Но, кроме страха, есть другое чувство,

угрюмо стерегущее меня...

ТРЕМЕНС:

(зевает)

Проклятая дремота...

ГАНУС:

Чувство это

страшней всего... Вот, Тременс, – деловое –

пошлешь по почте; вот – письмо к жене –

сам передашь... О, как ударит в небо,

о, как ударит!.. Смирно...

ТРЕМЕНС:

Так. А марку

ты рассмотрел? Под пальцами всегда

я чувствую тугое горло это...

Ты помоги мне, Ганус, если смерть

тебя минует... Помоги... Отыщем

неистовых наемников... Проникнем

в глухой дворец...

ГАНУС:

Не отвлекай меня

безумным и дремотным бормотаньем.

Мне, Тременс, очень трудно...

ТРЕМЕНС:

Сон всегдашний...

Сон сладостный... Слипаются ресницы.

Разбудишь...

ГАНУС:

Спит. Спит... Пламенный слепец!

Открыть тебе? Открыть?.. О, как они

опаздывают! Это ожиданье

меня погубит... Господи!.. Открыть?

Так просто все: не встреча, не дуэль,

а западня... один короткий выстрел...

сам Тременс это сделает, не я,

и скажет сам, что ставлю выше чести

холодный долг мятежника, и станет

благодарить... Прочь, прочь, соблазн дрожащий!

Один ответ, один ответ тебе, –

презрительный ответ: неблагородно.

А вот – идут... О, этот смех беспечный

за дверью... Тременс! Просыпайся! Время!

ТРЕМЕНС:

Что? А? Пришли? Кто это там смеется?

Знакомый перелив...

Входят Морн и Эдмин.

ЭДМИН:

Позвольте вам
представить господина Морна.
ТРЕМЕНС:

Счастлив

вам услужить. Мы с вами не встречались?

МОРН:
(смеется)

Не помню.

ТРЕМЕНС:

Мне спросонья показалось...
но это все равно... А где посредник?
Тот старичок воздушный – Эллин крестный
как звать его... вот память!

ЭДМИН:

Дандилио

сейчас придет. Он ничего не знает.
Так лучше.

ТРЕМЕНС:

Да: судьба слепая. Шутка
не новая. Дрема долит{15}. Простите,
я нездоров...

Две группы: направо, у камина, Тременс и Ганус; налево – в более темной части
комнаты – Морн и Эдмин.

ГАНУС:

Ждать... Снова ждать... Слабею,
не вынесу...
ТРЕМЕНС:

Эх, Ганус, бедный Ганус!

Ты – зеркало томления, дохнуть бы
теплом в тебя, чтоб замутить стекло.
Вот, например: какой-то тенью теплой
соперник твой окутан. На картины
мои глядит, посвистывает тихо...
Не вижу я, но, кажется, спокойно
его лицо...

МОРН:
(к Эдмину)

Смотри: зеленый луг,
а там, за ним, чернеет маслянисто
еловый бор, – и золотом косым
пронизаны два облака... а время
уж к вечеру... и в воздухе, пожалуй,
церковный звон... толчется мошкара...
Уйти бы – а? – туда, в картину эту{16},
в задумчивые краски травяные,
воздушные...

ЭДМИН:

Спокойствие твое –
залог бессмертья. Ты прекрасен.
МОРН:

Знаешь,

забавно мне: ведь я уж здесь бывал.
Забавно мне, все хочется смеяться...
Противник мой несчастный мне не смеет
в глаза глядеть... Напрасно, повторяю,
ты рассказал ему...

ЭДМИН:

Но я полмира

хотел спасти!..

ТРЕМЕНС:
(с кресел)

Какая там картина
вам нравится? Не вижу я... Березы
над заводью?
МОРН:

Нет, – вечер, луг зеленый...

Кто написал?
ТРЕМЕНС:

Он умер. Кость осталась
холодная. На ней распято что-то –
лохмотье, дух{17}... О, право, я не знаю,
зачем храню картины эти. Бросьте,
не нужно их смотреть!
ГАНУС:

А! В дверь стучат!

Нет, человек с подносом... Тременс, Тременс,
не смейся надо мной!..

ТРЕМЕНС:
(слуге)

Поставь сюда.

На, выпей, Ганус.
ГАНУС:

Не хочу.

ТРЕМЕНС:

Как знаешь.

Не откажитесь, судари мои,
прошу.

МОРН:

Спасибо. Но скажите, Тременс,
с каких же пор писать вы перестали?

ТРЕМЕНС:

С тех пор, как овдовел.

МОРН:

И вас теперь

не тянет вновь просунуть палец в пройму
палитры?

ТРЕМЕНС:

Слушайте, мы собрались,
чтоб смерть решать, – вопрос отменно важный;
не к месту здесь цветные разговоры.
Поговорим о смерти. Вы смеетесь?
Тем лучше; но поговорим о смерти.
Что – упоенье смерти? Это – боль,
как молния. Душа подобна зубу,
и душу Бог выкручивает – хрясь! –
и кончено... Что дальше? Тошнота
немыслимая и потом – зиянье,
спирали сумасшествия – и чувство
кружащегося живчика, – и тьма,
тьма, – гробовая бархатная бездна,
а в бездне...

ЭДМИН:

Перестаньте! Это хуже,
чем о плохой картине рассуждать!
Вот. Наконец-то.

Слуга вводит Дандилио.

ДАНДИЛИО:

Добрый вечер! Ух,
как жарко тут! А мы давненько, Тременс,
не виделись – отшельником живете.
Я изумлен был вашим приглашением:
мудрец-де приглашает мотылька.
Для Эллы – вот – коробка глянцевиных
засахаренных слив – она их любит.

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Морн, здравствуйте! Эдмин, вы дурно спите
бледны, как ландыш.. Ба! Неужто – Ганус?

Ведь мы знакомы были. Это – тайна,
не правда ли, что вы к нам воротились?
Когда вечер мы с вами.. как узнал я?

Да по клейму, по синей цифре – тут –
повыше кисти: заломили руки,
и цифра обнажилась. Я заметил
и, помнится, сказал, что в Дездемоне..
ТРЕМЕНС:

Вот вам вино, печенья.. Скоро Элла
вернется.. Видите, живу я тихо,
но весело. И мне налейте. Кстати,
тут вышел спор: вот эти господа
решить хотят, кому из них платить
за ужин.. в честь одной плясуньи модной.
Вот если б вы..

ДАНДИЛИО:

Конечно! Заплачу

с охотой!

ТРЕМЕНС:

Нет, нет, не то.. Сожмите
платок и выпустите два конца, –
один с узлом..

МОРН:

..невидимым, конечно.
Ведь он дитя, – все объясняй ему!
Вы помните, беспечный одуванчик,
я ночью раз на уличный фонарь
вас посадил: просвечивал седой
ваш хохолок, и вы цилиндр мохнатый
старались нахлобучить на луну
и чмокали так радостно..

ДАНДИЛИО:

И после

в цилиндре пахло молоком. Шутник,
прощаю вам!

ГАНУС:

Скорей же.. вас просили..
ведь надо кончить..

ДАНДИЛИО:

Полно, полно, друже,
терпенье.. Вот платок мой. Не платок,
а знамя разноцветное. Простите.
Спиною стану к обществу.. Готово!

ТРЕМЕНС:

Платить тому, кто вырвет узел. Ганус,
тяни..

ГАНУС:

Пустой!

МОРН:

Вам, как всегда, везет..

ГАНУС:

Я не могу.. что сделал я!.. не надо..

ТРЕМЕНС:

Сжал голову, бормочет.. Ведь не ты –
он проиграл!

ДАНДИЛИО:

Позвольте, что такое..
ошибся я.. узла и вовсе нет,
не завязал, смотрите, вот так чудо!

ЭДМИН:

Судьба, судьба, судьба решила так!..
Послушайтесь судьбы! Так и выходит!
Прошу вас – я прошу вас – помиритесь!
Все хорошо!..

ДАНДИЛИО:

(нюхает <табак>)

...И я плачу за ужин.

ТРЕМЕНС:

Знаток картин волнуется... Довольно с судьбой шутить: давай сюда платок!

ДАНДИЛИО:

Как так – давай? Он нужен мне – чихаю, он в табаке, он сыроват; к тому же простужен я.

ТРЕМЕНС:

Э, проще мы устроим!

Вот – с картами...

ГАНУС:

(бормочет)

Я не могу...

ТРЕМЕНС:

Скорей,

какая масть?

МОРН:

Ну что же, я люблю цвет алый – жизнь, и розы, и рассветы..

ТРЕМЕНС:

Показываю! Ганус, стой! вот глупый – бух в обморок!..

ДАНДИЛИО:

Держите, ух, тяжелый!

Держите, Тременс, – кости у меня стеклянные. А, вот – очнулся.

ГАНУС:

Боже,

прости меня...

ДАНДИЛИО:

Пойдем, пойдем... приляжем...

(Уводит его в спальню.)

МОРН:

Он рокового повторенья счастья не вынес. Так. Восьмерка треф. Отлично. (К Эдмину.)

Бледнеешь, друг? Зачем? Чтоб выделять отчетливее черный силуэт моей судьбы? Отчаянье подчас – тончайший живописец... Я готов. Где пистолет?

ТРЕМЕНС:

Пожалуйста, не здесь.

Я не люблю, чтоб в доме у меня сорили.

МОРН:

Да, вы правы. Спите крепко, почтенный Тременс. Дом мой выше. Выстрел звучнее в нем расплещется, и завтра заря взойдет без моего участия{18}. Пойдем, Эдмин. Я буду ночевать у Цезаря.

Морн и Эдмин, первый поддерживая второго, уходят.

ТРЕМЕНС:

(один)

Спасибо... Мой озноб текучею сменился теплотой... Как хороши – предсмертная усмешка и отсвет гибели в глазах! Бодрится,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
играет он... До самого актера
мне дела нет, но – странно – вот опять
сдается мне, что слышу голос этот
не в первый раз: так – вспомнится напев,
а слов к нему не вспомнишь; может случиться
их вовсе нет; одно движение мысли –
и сам напев растаял... Я доволен
сегодняшним разнообразным действием,
личинами неведомого. Так!
Доволен я – и ощущаю в жилах
живую томность, оттепель, капли...
Так! Вылезай, бубновая пятерка,
из рукава! Не знаю, как случилось,
но, жалости мгновенной повинуюсь,
я подменил ту карту, что схватил –
малиновые ромбы – той, другой,
что показал. Раз-два! Восьмерка треф! –
пожалуйста! – и выглянула смерть
из траурного клевера на Морна!
Пока глупцы о розах говорят –
мазком ладони, перелетом пальцев
так быстрая свершается судьба.
Но никогда мой Ганус не узнает,
что я схитрил, что выпала ему,
счастливцу, смерть...

Из спальни возвращается Дандилио.

ДАНДИЛИО:

Ушли? А вот проститься

со мной забыли... Эта табакерка –
старинная... Три века табаку
не нюхали: теперь опять он в моде.
Желаете?

ТРЕМЕНС:

Что с Ганусом? Припадок?

ДАНДИЛИО:

Так, пустяки. Приник к постели, что-то
бормочет и выбрасывает руки,
как будто ловит за края одежд
невидимых прохожих.

ТРЕМЕНС:

Пусть, – полезно.

Научится.

ДАНДИЛИО:

Да, всякое зерно
годится в житницу души, вы правы...

ТРЕМЕНС:

Я разумел иначе... А, шаги
моей влюбленной Эллы! Знаю, знаю,
куда она ходила...

Входит Элла.

ЭЛЛА:

Дандилио!

ДАНДИЛИО:

Что, милая, что, легкая моя?..

ЭЛЛА:

Остались щепки... щепки!.. Он... Клян...
О, Господи... Не трогайте! Оставьте...
Я – липкая... Я вся холодной болью
пропитана. Ложь! Ложь! Не может быть,
чтоб это вот звалось блаженством. Смерть,
а не блаженство! Гробовую крышкой
задели душу... прищемили... больно...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ТРЕМЕНС:

То – кровь моя. Пускай она поплачет.

ДАНДИЛИО:

Ну вот... Ну вот... Дай отодвину локон...
Жемчужины и розы на щеках,
блеск, волосы, росистые от снегу...
Ты – глупая. Все хорошо. Играя,
ребенок поцарапался – и плачет.
Жизнь обежит, шумя летучим платьем,
все комнаты, как молодая мать,
падет перед ребенком на колени,
царапинку со смехом поцелует...

Занавес

АКТ III

Сцена I

Громадный кабинет. В высоких окнах – ночь звездная, но сцена в темноте. И осторожно входят две фигуры.

МОРН:

Итак – конец. Я буду ночевать
у Цезаря!.. Итак – конец, мой милый...
В последний раз, как два цареубийцы,
мы за полночь по тайным переходам
прокрались в мой дворец... Зажги свечу.
Воск потечет – ты вставь ее прямее.
Еще одну... Так. Вместо лампы трезвой!
Теперь послушай. Я возможность смерти
предусмотрел. Вот тут, в столе, в дубовых
и малахитовых глубинах спят
мои бумаги – договоры, планы,
черновики законов... и сухие
цветы... Ключи передаю тебе.
Передаю и это завещанье,
где сказано, что в приступе видений
слепительных и сладких я решил
склониться в смерть. Пускай мою корону, –
как мяч тугой, откинутый пинком, –
поймает и сожмет в охапку юный
племянник мой, пускай седые совы –
сенаторы, что пестуют его –
моей страной повластвуют бесшумно,
покамест на престоле – только мальчик,
болтающий ногами... А народ
не должен знать. Пускай моя карета,
блистая синим лаком и гербом,
по площади и через мост, как прежде,
проносится. Я призраком пребуду.
А подрастет наследник мой – хочу,
чтоб он открыл, как умер я: он сказку
начнет со сказки. Мантия моя,
расшитая пожарами, быть может,
ему придется впору... Ты, Эдмин,
советник мой, наперсник мой тишайший,
ты светлюю своею тишиной
смягчай углы, прохладой окружай
движенья власти... Понял?

ЭДМИН:

Все исполню...

МОРН:

Еще одно: сегодня в час раздумья
ребяческий, но нужный мне указ
составил я – что всяк, кому удастся
бежать из ссылки, будет за отвагу
помилван...

ЭДМИН:

Исполню все. И если б

ты намекнул одним движеньем век,
чтоб я тебе в неведомую вечность
сопутствовал...

МОРН:

...Зажги и эти свечи.

Пусть зеркала виденьями, ветрами
наполнятся... Сейчас вернусь. Иду я
в ту горницу, где вот четыре года
горит и дышит в бархатном гнезде
моя корона огненная; пусть
она сожмет брильянтового болью
мне голову, чтоб с головы скатиться,
когда я навзничь...

ЭДМИН:

...Государь мой, друг

бесценный мой!..

МОРН:

...Не выстрел, нет, не выстрел!

Взрыв музыки! как бы на миг открылась
дверь в небеса... А тут – какие струны
звук удлинят! Какую сказку людям
дарю!.. Знаешь, в темноте коленом
об кресло я ударился. Болит.

Уходит.

ЭДМИН:

(Один)

О, я подобен воску!.. Не забудет
мне летопись вот этого бессилья..
Виню я... Зачем не порываюсь
его спасти?.. Встань, встань, душа моя!
Нет, вязкая дремота... Я бы мог
мольбами, убежденьями, – я знаю,
такие есть, – остановить... И что же?
Как человек во снах не может двинуть
рукою, – я не в силах и продумать
то, что сейчас случится... Вот оно –
возмездие!.. Когда, однажды, в детстве,
мне запретили к пчельнику пойти,
я в помыслах на миг себе представил
смерть матери и то, как без надзора
ем светлый мед, – а мать свою любил я
до слез, до сердцебенья... Вот оно –
возмездие. Теперь я к сладким сотам
опять прилип. Одно теперь я вижу,
одно горит мне в сумраке: поутру
весть об измене принесу! Как некий
преступник, отуманенный вином,
войду, скажу, – Мидия будет плакать..
И слов своих не слыша, и дрожа,
и лаской утешенья лицемерной
к ней прикасаясь незаметно, буду
ей лгать, дабы занять чужое место.
Да, лгать, рассказывать – о чем? – о мнимой
неверности того, перед которым
мы с нею – пыль! Когда б он жить остался,
я до конца молчал бы... Но теперь
мой бог уйдет... Один останусь, слабый
и жадный... Лучше смерть! О если бы
он приказал мне умереть!.. Гори,
безвольный воск... Дышите, зеркала,
пыланьем погребальным..
(Зажигает свечи. Их много.)

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
МОРН:
(входя обратно)

Вот корона.

Моя корона. Капли водопадов
на остриях... Эдмин, пора мне. Завтра
ты созовешь сенат... объявишь... тайно...
Прощай же... мне пора... Перед глазами
столбы огня проносятся... Да, слушай –
последнее... пойдешь к Мидии, скажешь,
что Морн – король... нет, не король, не так.
Ты скажешь: умер Морн... постой... нет... скажешь
уехал... нет, не знаю я! Ты лучше
сам что-нибудь придумай, – но не надо
про короля... И очень тихо скажешь,
и очень мягко, как умеешь... Что же
ты плачешь так? Не надо... Встань с колен,
встань... у тебя лопатки ходят, словно
у женщины... Не надо плакать, милый...
Поди... в другую комнату: когда
услышишь выстрел – возвращайся... Полно,
я умираю весело... прощай...
поди... постой! Ты помнишь, как однажды
мы из дворца во мраке пробирались,
и часовой пальнул в меня, и ворот
мне прострелил?... Как мы тогда смеялись...
Эдмин? Ушел... Один я, а кругом
пылающие свечи, зеркала
и ночь морозная... Светло и страшно...
Я с совестью наедине. Итак,
вот пистолет... старинный... шесть зарядов...
мне одного достаточно... Эй, кто там
над крышами? Ты, Боже? Так прости мне,
что люди не простят! Как лучше – стоя
иль сидя?... Лучше – сидя. Живо. Только
не думать!.. Хлоп – входи, обойма! Дуло –
в грудь. Под ребро. Вот сердце. Так. Теперь
предохранитель... Грудь в пупырьках. Дуло
прохладно, словно лаковая трубка,
приставленная доктором: сопит
он, слушает... и лысина, и трубка
в лад с грудью поднимаются...

Нет, стой!

Так люди не стреляются... Ведь нужно
осмыслить... Раз. Два. Три. Четыре. Пять.
Шесть. Шесть шагов от кресла до окна.
Снег светится. Как вывездило! Боже,
дай силы мне, дай силы мне, прошу –
дай силы мне... Вон спит моя столица,
вся в инее, вся в синей поволоке.
О, милая!.. Прощай, прости меня...
Я царствовал четыре года... создал
век счастья, век полнозвучья... Боже,
дай силы мне... Играючи, легко
я царствовал; являлся в черной маске
в звенящий зал к сановникам моим,
холодным, дряхлым... властно оживлял их –
и снова уходил, смеясь... смеясь...
А иногда, в заплатанных одеждах,
сидел я в кабаке и крякал вместе
с румяными хмельными кучерами:
пес под столом хвостом стучал, и девка
меня тащила за рукав, хоть нищим
я с виду был... Прошло четыре года,
и вот теперь, в мой лучезарный полдень,
я должен кинуть царство, должен прыгнуть
с престола в смерть – о, Господи, – за то,
что женщину пустую целовал

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и глупого ударил супостата!

Ведь я бы мог его... О, совесть, совесть –
холодный ангел за спиною мысли:
мысль обернется – никого; но сзади
он встал опять... Довольно! Должен, должен
я умереть! О, если б можно было
не так, не так, а на виду у мира,
в горячем урагане боевом,
под гром копыт, на потном скакуне, –
чтоб встретить смерть бессмертным восклицаньем
и проскакать с разлету через небо
на райский двор, где слышен плеск воды,
и серафим скребет коня Святого
Георгия! Да, смерть тогда – восторг!..
А тут – один я... только пламя свеч –
тысячеокий соглядатай – смотрит
из подозрительных зеркал... Но должен
я умереть! Нет подвига – есть вечность
и человек... К чему корона эта?
Впилась в виски, проклятая! Долой!
Так... так... катись по темному ковру,
как колесо огня... Теперь – скорее!
Не думать! Разом – в ледяную воду!
Одно движенье: вогнутый курок
нажать... одно движенье... сколько раз
я нажимал дверные ручки, кнопки
звонков... А вот теперь... а вот теперь...
я не умею! Палец на курке
слабей червя... Что царство мне? Что доблесть?
Жить, только жить... О, Господи... Эдмин!
(Подходит к двери; как дитя, зовет.)

Эдмин!..

Тот входит. Морн стоит к нему спиною.

я не могу...

(Пауза.)

Что ж ты стоишь,
что смотришь на меня! Иль, может быть,
ты думаешь, что я... Послушай, вот
я объясню... Эдмин... ты понимаешь...
люблю ее... люблю Мидию! Душу
и царство я готов отдать, чтоб только
не расставаться с нею!.. Друг мой, слушай,
ты не вини меня... ты не вини...

ЭДМИН:

Мой государь, я счастлив... Ты – герой...

Я не достоин даже...

МОРН:

Правда? Правда?..

Ну, вот... я рад... Любовь земная выше,
сильнее доблести небесной... Впрочем,
не любишь ты, Эдмин... понять не можешь,
что человек способен сжечь миры
за женщину... Так значит – решено.
Бегу отсюда... нет пути иного.
Ведь правда же – беспечною я правил.
Беспечность – власть. Она ушла. О, как же
мне царствовать, когда лукавый сам
на бедной голове моей корону
расплавил?.. Скроюсь... Понимаешь,
я скроюсь, буду тихо доживать
свой странный век, под тайные напевы
воспоминаний царственных. Мидия
со мною будет... Что же ты молчишь?

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Ведь я же прав? Мидия без меня
умрет. Ты знаешь.

ЭДМИН:

Государь мой, я

одно прошу: мучительная просьба,
преступная пред родиной... пускай!

Прошу тебя: возьми меня с собою..

МОРН:

О, как меня ты любишь, как ты любишь,
мой милый!.. Я не властен отказать
тебе... Я сам преступник... Слушай, помнишь,
как я вступил на царство, – вышел в маске
и в мантии на золотой балкон, –
был ветер, пахло почему-то морем,
и мантия сползала все, и сзади
ты поправлял... Но что же я... Скорей,
часы бегут... тут это завещанье...
Как изменить?... Что делать нам? как быть-то?
Я там пишу, что... Жги! Жги! Благо свечи
горят. Скорей! А я пока иначе
составлю... Как? Ум опустел. Пером
вожу, как по воде... Эдмин, не знаю.
Ты посоветуй – надо нам спешить,
к рассвету кончить... Что с тобой?

ЭДМИН:

Шаги...

Сюда идут... По галерее...

МОРН:

Живо!

Туши огни! В окно придется! Ах,
поторопись! Я не могу ни с кем
встречаться... Будь что будет... Что же взять-то?
да, пистолет... туши, туши... бумаги,
алмазы... так. Отпахивай! Скорее...
Плащ зацепился – стой! Готово! Прыгай!..

На сцене темнота. Старик в ливрее, сутулясь, входит со свечой в руке.

СТАРИК:

Никак возились тут... Горелым пахнет.
Стол не на месте... Эвона – корону
куды забросили. Тьфу... тьфу... Блести...
потру... Опять же и окошко настезь.
Не дело... Дай послушаю у двери.
(Сонно пересекает сцену и слушает.)

Спит сорванец... спит государь. Ведь пятый
часок, поди... Ох, Господи Иисусе!
Вот так и ломит, так и ломит. Повар
совался с мазью, – говорит, попробуй,
помажь... Толкуй там... Очень нужно... Старость
не рожь на заборе... не замажешь...
(И, бормоча, уходит.)

Занавес

Сцена II

Та же декорация, что и в предыдущей сцене: кабинет короля. Но теперь ковер
местами прорван и одно зеркало разбито. Сидят Четверо Мятежников. Раннее утро. В
окне солнце, яркая оттепель.

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

Еще пальба у западных ворот
распахивает быстрые объятия,
чтоб подхватить – то душу, то напев,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
то звон стекла... Еще дома дымятся,
горбатые развалины сената,
музей монет, музей знамен, музей
старинных изваяний... Мы устали...
Ночь напролет – работа, бури... Час
уже восьмой, должно быть... Вот так утро!
Сенат пылал, как факел... Мы устали,
запутались... Куда нас Тременс мчит?

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Сквозной костяк облекся в плоть и в пламя.
Он ожил. Потирает руки. Черни
радушно отпирает погреба.
Любуется пожарами... Не знаю,
не знаю, братья, что замыслил он...

ТРЕТИЙ МЯТЕЖНИК:

Не так, не так мы думали когда-то
отчизну осчастливить... Я жалею
бессонницы изгнанья...

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

Он безумен!

Он приказал летучие машины
сжечь на потеху пьяным! Но нашлись
герои неизвестные, схватились
за рычаги и вовремя...

ЧЕТВЕРТЫЙ МЯТЕЖНИК:

Вот этот

приказ, что переписываю, страшен
своей игривостью тигриной...

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Тише...

Вот зять его...

Поспешно входит Кляян.

КЛЯЯН:

Блистательная весть!

В предместьи веселая толпа
взорвала школу; ранцы и линейки
по площади рассыпаны; детей
погибло штук триста. Очень Тременс
доволен.

ТРЕТИЙ МЯТЕЖНИК:

Он... доволен! Братья, братья,
вы слышите? Доволен он!..

КЛЯЯН:

Ну, что ж,

я доложу вождю, что весть моя
не очень вас порадовала... Все,
все доложу!

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Мы говорим, что Тременс
мудрее нас: он знает цель свою.
Как сказано в последней вашей оде,
он – гений.

КЛЯЯН:

Да. В грома моих напевов
достойн он войти. Однако... солнце...
в глазах рябит.
(Смотрит в окно.)

А вот – предатель Ганус!

Там, меж солдат, стоящих у ограды:
смеются. Пропустили. Вон идет
по тающему снегу.

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

(Смотрит)

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Как он бледен!

Наш прежний друг неузнаваем! Все в нем
взгляд, губы сжатые, – как у святых,
написанных на стеклах... Говорят,
его жена сбежала...

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Был любовник?

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

Нет, кажется.

ЧЕТВЕРТЫЙ МЯТЕЖНИК:

По слухам, он однажды
вошел к жене, а на столе – записка,
что так и так, решила переехать
одна к родным... Клян, что тут смешного?
КЛИЯН:

Все доложу! Вы тут плетете сплетни,
как кумушки, а Тременс полагает,
что вы работаете... Там пожары,
их нужно раздувать, а вы... скажу,
все, все скажу...
(Ганус стал в дверях.)

А! Благородный Ганус...

Желанный Ганус... Мы вас ждали... рады...
пожалуйте...

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

Наш Ганус...

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Здравствуй, Ганус...

ТРЕТИЙ МЯТЕЖНИК:

Ты нас не узнаешь? Твоих друзей?

Четыре года... вместе... в ссылке...

ГАНУС:

Прочь,

наемники лукавого!.. Где Тременс?

Он звал меня.

КЛИЯН:

Допрашивает. Скоро

сюда придет...

ГАНУС:

Да он не нужен мне.

Сам приглашал, и если... нет его...

КЛИЯН:

Постойте, позову...

(Направляется к двери.)

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

И мы пойдём...

Не так ли, братья? Что тут оставаться...

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Да, столько дел...

ТРЕТИЙ МЯТЕЖНИК:

Клян, мы с вами!

(Тихо.)

Братья,

мне страшно...

ЧЕТВЕРТЫЙ МЯТЕЖНИК:

Допишу я после...

Пойду...

ТРЕТИЙ МЯТЕЖНИК:

(тихо)

Брат, брат, что совершаем мы...

Клян и мятежники ушли. Ганус один.

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ГАНУС:
(оглядывается по сторонам)

...Здесь жил герой...

Пауза.

ТРЕМЕНС:
(входит)

Спасибо, что пришел,
мой Ганус! Знаю, жизненной печалью
ты отуманен был. Едва ль заметил,
что с месяц – да, сегодня ровно месяц –
я обладаю пьяною страной.
Я звал тебя, чтоб ты сказал мне прямо,
чтоб объяснил... – но дай сперва счастливцу
поговорить о счастии своем!
Ты знаешь сам – всех лучше знаешь, Ганус, –
дня моего я ждал в бреду, в ознобе...
Мой день пришел – неожиданно, как любовь!
Слух пламенем промчался, что в стране
нет короля... Когда и как исчез он,
кто задушил его, в какую ночь,
и как давно мертвец страну правил,
никто теперь не знает. Но народ
обмана не прощает: склеп – сенат –
злым топотом наполнился. Как пышно,
как строго умирали старики,
и как кричал – о, слаще страстной скрипки –
мальчишка, их воспитанник! Народ
мстил за обман, – я случай улучил,
чтоб полыхнуть, и понял, что напрасно
я выжидал так долго: короля
и вовсе не было, – одно преданье,
волшебное и властное! Очнувшись,
чернь ворвалась сюда, и только эхо
рассыпалось по мертвому дворцу!..
ГАНУС:

Ты звал меня.

ТРЕМЕНС:

Ты прав, давай о деле:
в тебе я, Ганус, угадал когда-то
мне родственную огненность; тебе
я одному все помыслы доверил.
Но ты был женщиной гоним; теперь
она ушла; я спрашиваю, Ганус,
в последний раз: что, помогать мне будешь?

ГАНУС:

Напрасно ты призвал меня...

ТРЕМЕНС:

Обдумай,

не торопись, я срок даю...

Поспешно входит Кляян.

КЛЯЯН:

Мой вождь,

там этих самых, что наемни пели
на улицах, пытаются... Никого нет,
кто б допросил... Помощников твоих –
как бы сказать – подташников...

ТРЕМЕНС:

Ладно,

иду, иду... Ты у меня, Кляян,
ведь молодец!.. Давно известно... Кстати,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
на днях я удивлю тебя: велю
повесить.

КЛИЯН:

Тременс... Вождь мой...

ТРЕМЕНС:

Ты же, Ганус,

подумай, я прошу тебя, подумай...

Тременс и Клиян уходят.

ГАНУС:

(один)

Меня томит единственная дума:
здесь жил герой... Вот эти зеркала –
священные: они его видали...
Он тут сидел, в могучем этом кресле.
Его шаги остались во дворце,
как в памяти – смолкающая поступь
гекзаметра... Где умер он? Где выстрел
его раздался? Кто слышал? Быть может,
там – за городом, в траурной дубраве,
в снегах ночных... и бледный друг в сугробе
похоронил горячий труп... Грех, грех
немыслимый, как искуплю тебя?
Вся кровь моя благодарит за гибель
соперника и вся душа клянет
смерть короля... Мы двойственны, мы слепы,
и трудно жить, лишь доверяя жизни:
земная жизнь – туманный перевод
с божественного подлинника; общий
понятен смысл, но нет в его словах
их первородной музыки... Что страсти?
Ошибки перевода... Что любовь?
Утраченная рифма в передаче
на несозвучный наш язык... Пора мне
за подлинник приняться!.. Мой словарь?
Одна простая книжечка с крестом
на переплете... Каменные своды
я отыщу, где отгулы молитв
и полный вздох души меня научат
произношенью жизни...

Вон в дверях

остановилась Элла, и не смотрит,
задумалась, концы перебирая
ленивой шали... Что бы ей сказать?
Тепла ей нужно. Милая. Не смотрит...

ЭЛЛА:

(в сторону)

Вот весело!.. Я вскрыла и прочла
письмо чужое... Почерк, словно ветер,
и запах юга... Склеила опять,
как мне, шутя, показывал однажды
отец... Морн и Мидия вместе! Как же
мне дать ему? Он думает, – она
живет в глуши родимой, старосветской...
Как дать ему?..

ГАНУС:

(подходит)

Вы встали спозаранку,
я тоже... Мы теперь не часто, Элла,
встречаемся: иное торжество
совпало с вашей свадьбой...

ЭЛЛА:

Утро – чудо
Страница 42

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
лазурное – не утро... каплет... шепчет...

Ушел Клиян?

ГАНУС:

Ушел... Скажите, Элла,

вы счастливы?

ЭЛЛА:

Что счастье? Шум крыльев,
а может быть, снежинка на губе –
вот счастье... Кто это говорил?
Не помню я... Нет, Ганус, я ошиблась,
вы знаете... Но как светло сегодня,
совсем весна! Все каплет...

ГАНУС:

Элла, Элла,

вы думали когда-нибудь, что дочь
бунтовщика беспомощного будет
жить во дворце?

ЭЛЛА:

О, Ганус, я жалею
былые наши комнатки, покой,
камин, картины... Слушайте: на днях
я поняла, что мой отец безумен!
Мы даже с ним поссорились; теперь
не говорим... Я верила вначале...
Да что! Мятеж во имя мятежа
и скучен, и ужасен – как ночные
объятия без любви...

ГАНУС:

Да, Элла, верно

вы поняли...

ЭЛЛА:

На днях глядели в небо
все площади... Смех, крики, гул досады...
От пламени спасаясь, летуны
со всех сторон взмывали, собирались,
как ласточки хрустальные, и тихо
скользила прочь блистающая стая.
Один отстал и замер на мгновение
над башнею, как будто там оставил
свое гнездо, и нехотя догнал
печальных спутников, – и все они
растаяли хрустальной пылью в небе...
Я поняла, когда они исчезли,
когда в глазах заплывали – от солнца –
слепые кольца, вдруг я поняла...
что вас люблю.

Пауза. Элла смотрит в окно.

ГАНУС:

Я вспомнил!.. Элла, Элла...

Как страшно!..

ЭЛЛА:

Нет, нет, нет – молчите, милый.
Гляжу на вас, гляжу в дворцовый сад,
в себя гляжу, и вот теперь я знаю,
что все одно: моя любовь и солнце
сырое, ваше бледное лицо
и яркие текучие сосульки
под крышею, янтарное пятно
на сахаре сугроба ноздреватом,
сырое солнце и моя любовь,
моя любовь...

ГАНУС:

Я вспомнил: было десять
часов, и вы ушли, и я бы мог
вас удержать... Еще один слепой,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
мгновенный грех...

ЭЛЛА:

Мне ничего не нужно
от вас... Я, Ганус, больше никогда
вам не скажу. – А если вот сейчас
сказала вам, так только потому,
что нынче снег такой сквозистый... Право,
все хорошо... За днями дни... А после
я буду матерью... другие мысли
меня займут невольно. Но сейчас
ты – мой, как это солнце! Протекут
за днями дни. Как думаешь – быть может,
когда-нибудь... когда твоя печаль...

ГАНУС:

Не спрашивайте, Элла! Не хочу
и думать о любви! Я отвечаю,
как женщина... простите. Но иным
пылаю я, иного я исполнен...
Мне снятся только строгие крыла,
прямые брови ангелов. На время
я к ним уйду – от жизни, от пожаров,
от жадных снов... Я знаю монастырь,
опутанный прохладой глициний.
Там буду жить, сквозь радужные стекла
глядеть на Бога, слушать, как меха
органа выдыхают душу мира
в торжественную вышину, и мыслить
о подвигах напрасных, о герое,
молящемся во мраке спящих миртов
среди гефсиманских светляков...

ЭЛЛА:

Ах, Ганус...

Забыла... вот письмо вчера пришло...
на имя моего отца, с припиской,
что это вам...

ГАНУС:

Письмо? Мне? Покажите...

А! Так и знал! Не надо...

ЭЛЛА:

Значит, можно

порвать?

ГАНУС:

Конечно.

ЭЛЛА:

Дайте...

ГАНУС:

Подождите...

не знаю... этот запах... Этот почерк,
летающий опрометью в память, в душу
ко мне... Стой! Не впущу.

ЭЛЛА:

Ну что ж, прочтите...

ГАНУС:

Впустить? Прочесть? Чтоб снова расклубилась
былая боль? Когда-то вы спросили,
идти ли вам... Теперь я вас спрошу,
прочесть? Прочесть?

ЭЛЛА:

Отвечу: нет.

ГАНУС:

Вы правы!

Так! На клочки... И эту горсть сухих
падучих звезд сюда... Под стол... в корзину
с гербом витым... Духами пахнут руки...
Вот. Кончено.

ЭЛЛА:

О, как светло сегодня!..
Сквозит весна... Чириканье... Снег тает.

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
На черных сучьях капельки... Пойдемте,
пойдемте, Ганус, погулять... хотите?

ГАНУС:

Да, Элла, да! Свободен я, свободен!

Пойдем!

ЭЛЛА:

Вы подождите здесь... Оденусь...

недолго мне...

(Уходит.)

ГАНУС:

(один, смотрит в окно)

А правда – хорошо;
прекрасный день! Вон голубь пролетел...
Блеск, сырость... Хорошо! Рабочий
забыл лопату... Как-то ей живется
там, у сестры, в далеком захолустье?
Известно ль ей о смерти... Бес лукавый,
покинь меня! Из-за тебя отчизну
я погубил... Довольно! Ненавижу
я эту женщину... Ко мне, назад,
о музыка раскаянья! Молитвы,
молитвы... Я свободен, я свободен...

Медленно возвращаются Тременс, Четверо Мятежников, сзади – Клиян.

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

Будь осторожней, Тременс, не сердись,
пойми – будь осторожней! Путь опасный...
Ведь ты слышал: они под пыткой пели
о короле... все тоньше, все блаженней...
Король – мечта... король не умер в душах,
а лишь притих... Мечта сложила крылья,
мгновенье – и раскинула...

КЛИЯН:

Мой вождь,

девятый час; проснулся город, плещет...

Тебя народ на площадь призывает...

ТРЕМЕНС:

Сейчас, сейчас...

(К Первому мятежнику.)

Так что ж ты говоришь?

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

Я говорю – летит, кренясь, на солнце,
крылатая легенда! Детям сказку
нашептывают матери... За брагой
бродяги именуют короля...
Как ты поставишь вне закона – ветер?
Ты слишком злобен, слишком беспощаден.
Опасный путь! Будь осторожней, просим,
нет ничего сильнее мечты!..

ТРЕМЕНС:

Я шею

скручу ей! Вы не смеете меня
учить! Скручу. Иль, может быть, и вам
она мила?

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Ты нас не понял, Тременс,
хотели мы предупредить...

КЛИЯН:

Король –

соломенное пугало.

ТРЕМЕНС:

Довольно!

Отстаньте, траурные трусы! Ганус,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ну что же, ты... обдумал?

ГАНУС:

Тременс, право,
не мучь меня... сам знаешь. Мне молитву,
мне только бы молитву...

ТРЕМЕНС:

Уходи,
и живо! Долго я терпел тебя...
Всему есть мера... Помоги, Кляян,
он дверь открыть не может, теребит...

КЛЯЯН:

Позвольте, вот – к себе...

ГАНУС:

...Но, может быть,
она меня зовет! А!
(Бросается к столу.)

КЛЯЯН:

Стойте... Тише...
Спасайся, Тременс, он...

ГАНУС:

Пусти! Ты только
меня не трогай, понимаешь – трогать
не надо... Где корзина? Отойдите.
Корзину!..

ТРЕМЕНС:

Сумасшедший...

ГАНУС:

Вот... клочки...
в ладонях... серебро... о, этот почерк
стремительный!
(Читает.)

Вот... вот... «Мой веер... выслать...
Замучил он»... Кто он? Кто он? Клочки
все спутаны... «Прости меня»... Не то.
Опять не то... Какой-то адрес... странно...
на юге...

КЛЯЯН:

Не позвать ли стражу?

ГАНУС:

Тременс!..
Послушай... Тременс! Я, должно быть, вижу
не так, как все... Взгляни-ка... После слов
«и я несчастна»... Это имя... Видишь?
Вот это имя... Разбираешь?

ТРЕМЕНС:

«Марк
со мною» – нет, не Марк... «Морн», что ли? Морн...
Знакомый звук... А, вспомнил! Вот так славно!
Вот так судьба! Так этот шелопай
тебя надул? Куда? Постой...

ГАНУС:

Морн жив,
Бог умер. Вот и все. Иду я Морна
убить.

ТРЕМЕНС:

Постой... Нет, нет, не вырывайся...
Мне надоело... слышишь? Я тебе
о безднах говорил, об исполинах –
а ты... как смеешь ты сюда вносить
дух маскарада, лепет жизни, писк
мышинной страсти? Стой... Мне надоело,
что ставишь ты свое... томленье – сердце,
червонный туз, стрелой пробитый, – выше
моих, моих грохочущих миров!
Довольно жить тебе в томленье этом!
Ревную я! Нет, подними лицо!

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Гляди, гляди в глаза мне, как в могилу.
Так, значит, хочешь пособить судьбе?
Не вырывайся! Слушай-ка, ты помнишь
один веселый вечерок? Восьмерку
треф? Так узнай, что я – проклятый Тременс –
твою судьбу...

ЭЛЛА:
(в дверях)

Отец, оставь его!

ТРЕМЕНС:
...твою судьбу... жалею. Уходи.
Эй, кто-нибудь! Он ослабел – под локти!
ГАНУС:
Прочь, воронье! Труп Морна – мой!
(Уходит.)

ТРЕМЕНС:

Ты двери

закрой за ним, Клиян. Плотнее. Дует.
ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:
(тихо)

Я говорил, что есть любовник...

ПЕРВЫЙ МЯТЕЖНИК:

Тише,

мне что-то страшно...

ТРЕТИЙ МЯТЕЖНИК:

Как нахмурен Тременс.

ВТОРОЙ МЯТЕЖНИК:

Несчастный Ганус...

ЧЕТВЕРТЫЙ МЯТЕЖНИК:

Он счастливей нас...

Клиян:
(громко)

Вождь! Я осмелюсь повторить. Народ
на площади собрался. Ждет тебя.

ТРЕМЕНС:

Сам знаю... Эй, за мной, бараны! Что вы
притихли так? Живей! Я речь такую
произнесу, что завтра от столицы
останется лишь пепел. Нет, Клиян,
ты с нами не пойдешь: кадык твой слишком
открыто на веревку намекает.

Тременс и мятежники уходят. На сцене Клиян и Элла.

Клиян:

Ты слышала? Отец твой славно шутит.
Люблю. Смешно.
(Пауза.)

Ты, Элла, в белой шляпе,

куда-нибудь уходишь?
ЭЛЛА:

Никуда.

Раздумала...

Клиян:

Жена моя прекрасна.

Не успеваю говорить тебе,
как ты прекрасна. Только иногда
в моих стихах...

ЭЛЛА:

Я их не понимаю.

За сценой крики.

КЛИЯН:
Чу! Гул толпы... Приветственный раскат!

Занавес

АКТ IV

Гостиная в южной вилле. Стеклянная дверь на террасу, в причудливый сад. Посредине сцены накрытый стол с тремя приборами. Ненастное весеннее утро. Мидия стоит спиной, смотрит в окно. Где-то слуга бьет в гонг. Звуки затихли. Мидия все неподвижна. Входит слева Эдмин с газетами.

ЭДМИН:
Опять нет солнца... Как вы спали?
МИДИЯ:

Навзничь,

и на боку, и даже в положеньи
зародыша...

ЭДМИН:

Мы кофе пьем в гостиной?

МИДИЯ:

Да,

как видите. В столовой мрачно.

ЭДМИН:

Вести

еще страшнее прежних... Не газеты,
а саваны, пропитанные смертью,
могильной сыростью...

МИДИЯ:

Их промочило

у почтальона в сумке. Дождь с утра
и темен гравий. И поникли пальмы.

ЭДМИН:

Вот, слушайте: горят окраины... толпы
разграбили музеи... жгут костры
на площадях... и пьют, и пляшут... Казни
за казнями... И в пьяную столицу
вошла чума...

МИДИЯ:

Как думаете, скоро
дождь кончится? Так скучно...

ЭДМИН:

Между тем,

их дикий вождь... вы дочь его знавали...

МИДИЯ:

Да, кажется... не помню... Что мне гибель,
разгромы, кровь, когда я так тоскую,
что некуда деваться! Ах, Эдмин,
он бриться перестал, в халате ходит,
и сумрачен, и резок, и упрям...
Мы словно переехали из сказки
в пошлейшую действительность. Все больше
тускнеет он, сутулится, с тех пор
как тут живем, в болоте этом... Пальмы
мне, знаете, всегда напоминают
прихожие купцов богатых... Бросьте,
Эдмин, газеты... глупо... Вы со мною
всегда так сдержанны, как будто я
блудница или королева...

ЭДМИН:

Нет же...

Я только... Вы не знаете, Мидия,
что делаете!.. Господи, о чем же
нам говорить?

МИДИЯ:

я смех его любила:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
он больше не смеется... А когда-то
казалось мне, что этот вот высокий,
веселый, быстрый человек, должно быть,
какой-нибудь художник, дивный гений,
скрывающий свои виденья ради
любви моей ревнивой, – и в незнаньи
был для меня счастливый трепет... Ныне
я поняла, что он пустой и скучный,
что в нем мечта моя не обитает,
что он погас, что разлюбил меня...

ЭДМИН:

Так сетовать не нужно... Кто же может
вас разлюбить? Такая вы... ну, полно,
ну, улыбнитесь же! Улыбка ваша –
движенье ангела... Прошу!.. Сегодня
у вас и пальцы неподвижны... тоже
не улыбаются... Ну вот!..

МИДИЯ:

Давно ли?

ЭДМИН:

Давно ли что, Мидия?

МИДИЯ:

Так. Занятно...

Я вас таким не видела. Нет, впрочем,
однажды я спросила вас, что толку
вам сторожить на улице...

ЭДМИН:

Я помню,

я помню только занавеску в вашем
мучительном окне! Вы проплывали
в чужих объятьях... Я в метели плакал...

МИДИЯ:

Какой смешной... И весь растрепан... Дайте,
приглажу. Вот. Теперь смеются пальцы?
Оставьте... ах, оставь... не надо...

ЭДМИН:

Счастье

мое... позволь мне... только губы... только
коснуться... как касаются пушка,
биенья бабочки... позволь мне... счастье...

МИДИЯ:

Да нет... постой... мы у окна... садовник...

.....

МИДИЯ:

Мой маленький... не надо так дышать...
Стой, покажи глаза. Так, ближе... ближе...
Душе бы только нежиться и плавать
в их мягкой тьме... Постой... потише... после...
Вот! Гребень покотился...

ЭДМИН:

Жизнь моя,

любовь моя...

МИДИЯ:

Ты – маленький... Совсем,
совсем... Ты – глупый мальчик... Что, не думал,
я так умею целовать? Постой,
успеешь ты, ведь мы с тобой уедем
в какой-нибудь громадный, шумный город
и будем ужинать на крыше... Знаешь,
внизу, во тьме, весь город, весь – в огнях;
прохлада, ночь... Румяный отблеск рюмки
на скатерти... И бешеный скрипач,
то скрюченный, то скрипку в вышину
взвывающий! Ты увезешь меня?
Ты увезешь? Ах... шарканье... пусти же...
он... отойди...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Входит Господин Морн, в темном халате, взъерошенный.

МОРН:

Ночь? Утро? Перехода
не замечаю. Утро – продолженье
бессонницы. Виски болят. Как будто
мне в голову вдавили, завинтили
чугунный куб. Сегодня выпью кофе
без молока.
(Пауза.)

Опять газеты всюду
валяются! Однако... ты невесел,
Эдмин!.. Вот удивительно: мне стоит
войти, и сразу вытянуты лица –
как тени при вечернем солнце... Странно...

МИДИЯ:

Ненастная весна...

МОРН:

Я виноват.

МИДИЯ:

...и новости ужасные...

МОРН:

И В ЭТОМ

я виноват, не правда ли?

МИДИЯ:

Столица

горит. Все обезумело. Не знаю,
чем кончится... Но, говорят, не умер
король, а в подземелье замурован
крамольниками.

МОРН:

Э, Мидия, будет!

я, знаешь, запрещу, чтоб приносили
газеты. Мне покоя нет от этих
догадок, слухов, новостей кровавых
и болтовни досужей. Надоело!
Передо мной, поверь, Мидия, можешь
не умничать... Скучай, томись, меняй
прически, платья, удлиняй глаза
чертою синей, в зеркало глядись, –
но умничать... Да что с тобой, Эдмин?

ЭДМИН:

(встает из-за стола)

Я не могу...

МОРН:

Что с ним? Что с ним? Куда ты?

Там на террасе сыро...

МИДИЯ:

Ты его

оставь. Я все скажу тебе. Послушай,
я тоже больше не могу. Его
я полюбила. С ним уеду. Ты
привыкнешь. Я тебе ведь не нужна.
Друг друга мы замучим. Жизнь зовет...
Мне нужно счастья...

МОРН:

Я понимаю,

где сахарница?.. А, вот. Под салфеткой.

МИДИЯ:

Ты что ж, не хочешь слушать?..

МОРН:

Нет, напротив

я слушаю... вникаю, постигаю,
чего же боле? Ты сегодня хочешь
уехать?

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
МИДИЯ:

Да.

МОРН:

Мне кажется, тебе
пора и собираться.

МИДИЯ:

Да. Ты можешь

не гнать меня.

МОРН:

По правилам разрывов –
через плечо еще должна ты кинуть:
«Я проклинаяю день...»

МИДИЯ:

Ты не любил...

Ты не любил!.. Да, проклинать я вправе
неверный день, когда в мой тихий дом
твой смех вошел... Зачем же было...

МОРН:

Кстати,

скажи, Мидия, ты писала мужу
отсюда?

МИДИЯ:

Я... Я думала – не стоит
докладывать... Да, мужу написала.

МОРН:

Что именно? Гляди же мне в глаза.

МИДИЯ:

Так, ничего... Что я прошу прощенья,
что ты со мной, что не вернусь к нему...
что тут дожди...

МОРН:

И адрес свой послала?

МИДИЯ:

Да, кажется... Просила веер выслать...
там, у себя, забыла...

МОРН:

Ты когда же

отправила?

МИДИЯ:

Недели две тому.

МОРН:

Отлично...

МИДИЯ:

Я пойду... там надо... вещи...

Уходит направо.

Морн один. На террасе, сквозь стеклянную дверь видна неподвижная спина Эдмина.

МОРН:

Отлично... Ганус, получив письмо,
мой долг напомнит мне. Он проберется
из марева столицы сумасшедшей,
из сказки исковерканной, сюда,
на серый юг, в мои глухие будни.
Недолго ждать. Должно быть, он в пути.
Мы встретимся опять, и, протянув
мне пистолет, он, стиснутый и бледный,
потребуется, чтоб я себя убил,
и буду я готов, быть может: смерть
созреет в одиночестве...

Мне дивно...

не верится... так резко жизнь меня
покинула. И только бы не думать
о родине, – не то метаться буду
в темнице с тюфяками вместо стен
и с цифрой безумия над дверью...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Не верится... Как жить еще? Эдмин!
Поди сюда! Эдмин, ты слышишь? Руку,
дай руку мне... Мой верный друг, спасибо.

ЭДМИН:

Что мне сказать? Не кровь – холодный стыд
течет по жилам... Чувствую: ты должен
глядеть теперь в глаза мне, как глядят
на те срамные снимки, что за грош
увидеть можно в щелку... Стыдно сердцу...

МОРН:

Нет, ничего... Я только изумлен...
Смерть – изумление. В жизни иногда
нас так же изумляют: океан,
цвет облака, изгиб судьбы... Как будто
на голове стою. Все вижу так,
как, говорят, младенцы видят: пламя
свечи, концом направленное вниз...

ЭДМИН:

Мой государь, что мне сказать тебе?
За женщину ты царство предал; дружбу
я предаю за женщину – все ту же...
Прости меня. Я только человек,
мой государь...

МОРН:

А я, я – Господин
Морн – вот и все; пустое место, слог
неударяемый в стихе без рифмы.
О, королю никто бы никогда
не изменил... Но – Господину Морну...
Ты уходи. Я понял – это кара.
Я не сержусь. Но уходи. Мне тяжело
с тобою говорить. Одно мгновение,
и словно в трубке стеклышки цветные
встряхнул, взглянул – и жизнь переменялась..
Прощай. Будь счастлив.

ЭДМИН:

Я вернусь к тебе,

лишь позовешь...

МОРН:

Тебя я встречу только
в раю. Не раньше. Там, в тени оливы,
тебя представлю Бруту. Уходи...

Эдмин уходит.

МОРН:

(один)

Так. Кончено.

Пауза.

Проходит слуга.

МОРН:

Тут надо со стола
убрать. Живей... Заказана коляска?

СЛУГА:

Да, сударь.

МОРН:

Завтра утром чтоб пришел
из города цирюльник – тот, усатый,
неразговорчивый. Все.

Слуга уходит. Пауза. Морн смотрит в окно.

Небо мутно.

В саду дрожат цветы... Чернеет грот
искусственный: по черному струнами
протянут дождь... Теперь одно осталось:
ждать Гануса. Душа почти готова.
Как лоснится сырая зелень... Дождь
играет, точно в старческой дремоте...
А дом проснулся... Суетятся слуги...
Стук сундуков... Вот и она...

Входит Мидия с открытым чемоданом.

Мидия,

ты счастлива?
МИДИЯ:

Да. Отойди. Мне нужно

тут уложить...
МОРН:

Знакомый чемодан:

я нес его однажды на заре.
И снег хрустел. И мы втроем спешили.

МИДИЯ:

Сюда пойдут вот эти вещи – книги,
портреты...

МОРН:

Это хорошо... Мидия,

ты счастлива?

МИДИЯ:

Есть поезд ровно в полдень:

я улечу в чужой чудесный город...
Бумаги бы – пожалуй, разобьется...
А это чье? твое? мое? не помню,
не помню я...

МОРН:

Не надо только плакать,

прошу...

МИДИЯ:

Да, да... ты прав. Прошло... не буду...

Не знала я, что так легко, покорно
меня отпустишь... Я рванула дверь...
Я думала, ты крепко держишь ручку
с той стороны... Рванула что есть сил, –
ты не держал, легко открылась дверь,
и падаю я навзничь... Понимаешь,
я падаю... в глазах темно и зыбко,
и кажется, погибну я, – опоры
не нахожу!..

МОРН:

С тобой Эдмин. Он – счастье...

МИДИЯ:

Я ничего не знаю!.. Только странно:
любили мы – и все ушло куда-то.
Любили мы...

МОРН:

Вот эти две гравюры

твои, не правда ли? И этот пес
фарфоровый.

МИДИЯ:

...Ведь странно!..

МОРН:

Нет, Мидия.

В гармонии нет странного. А жизнь –
громкая гармония. Я понял.
Но, видишь ли, – лепная прихоть фриз
на портике нам иногда мешает
заметить стройность общую... Уйдешь;

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

забудем мы друг друга; но порою
название улицы или шарманка,
заплакавшая в сумерках, напоминают
живее и правдивее, чем может
мысль воскресить и слово передать,
то главное, что было между нами,
то главное, чего не знаем мы...
И в этот час душа почует чудом
очарование мелочи былой,
и мы поймем, что в вечности все вечно –
мысль гения и шуточка соседа,
Тристаново страдание колдовское
и самая летучая любовь{19}...
Простимся же без горечи, Мидия:
когда-нибудь узнаешь, может быть,
причину несказанную моей
глухой тоски, холодного томленья...

МИДИЯ:

Мечтала я вначале, что под смехом
скрываешь тайну... Значит, тайна есть?

МОРН:

Открыть тебе? Поверишь ли?

МИДИЯ:

Поверю.

МОРН:

Так слушай – вот: когда с тобой в столице
мы виделись, я был – как бы сказать? –
волшебником, внушителем... я мысли
разгадывал... предсказывал судьбу,
хрусталь вертя; под пальцами моими
дубовый стол, как палуба, ходил,
и мертвые вздыхали, говорили
через мою гортань, и короли
минувших лет в меня вселялись... Ныне
я дар свой потерял...

МИДИЯ:

И это все?

МОРН:

И это все. Берешь с собою эти
тетради нот? Дай всуну, – нет, не лезут.
А эту книгу? Торопись, Мидия,
до поезда осталось меньше часу...

МИДИЯ:

Так...

Готова я...

МОРН:

Вот твой сундук несут.

Еще. Гроба...

(Пауза.)

Ну что ж, прощай, Мидия,
будь счастлива...

МИДИЯ:

Все кажется мне – что-то
забыла я... Скажи – ты пошутил
насчет столов вертящихся?

МОРН:

Не помню...

не помню... все равно... Прощай. Иди.
Он ждет тебя. Не плачь.

Оба выходят на террасу.

МИДИЯ:

Прости меня...

Любили мы – и все ушло куда-то...
Любили мы – и вот любовь замерзла,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и вот лежит, одно крыло раскинув,
поднявши лапки, – мертвый воробей
на гравии сыром... А мы любили...
летали мы...

МОРН:

Смотри, выходит солнце...
Не оступись – тут скользко, осторожно...
Прощай... прощай... ты помни... помни только
блеск на стволе, дождь, солнце... только это...

Пауза.

Морн на террасе один. Видно, как он медленно поворачивает лицо
слева направо, следя за уезжающей. Затем возвращается в гостиную.

МОРН:

Так. Кончено...
(Вытирает платком голову.)

На волосах остался

летучий дождь...
(Пауза.)

Я полюбил ее
в тот самый миг, когда у поворота
мелькнули шляпа, мокрое крыло
коляски, – и в аллее кипарисной
исчезли... Я теперь один. Конец.
Так, обманув свою судьбину, бесу
корону бросив на потеху, другу
возлюбленную уступив...
(Пауза.)

Как тихо

она по ступеням сходила, ставя
вперед все ту же ногу, – как дитя...
Стой, сердце! Жаркий, жаркий клекот, гул
встает, растет в груди... Нет! Нет! Есть способ:
глядеться в зеркало, чтоб удержать
рыданье, превращающее в жабу
лицо... А! Не могу... В пустынном доме
и с глазу на глаз с ангелом холодным
моей бессонной совести... как жить?
что делать? Боже мой...
(Плачет.)

Так... так... мне легче.

То плакал Морн; король совсем спокоен.
Мне легче... Эти слезы унесли
соринку из-под века – точку боли.
Я Гануса, пожалуй, не дождусь...
Душа растет, душа мужает, – к смерти,
что к празднику, готовится... Но втайне
пускай идут приготовления. Скоро
настанет день – я Гануса, пожалуй,
и не дождусь, – настанет, и легко
убью себя. А мыслью напряженной
не вызвать смерти; смерть сама придет,
и я нажму курок почти случайно...
Да, легче мне, – быть может, это – солнце,
блестящее сквозь дождь косой... иль нежность –
сестра меньшая смерти – та, немая,
сияющая нежность, что встает,
когда навеки женщина уходит...
А эти ящики она забыла
задвинуть...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
(Ходит, прибирает.)

...Книги повалились на бок,
как мысли, если вытянет печаль
и унесет одну из них; о Боге...
Рояль открыт на баркарале: звуки
нарядные она любила... Столик,
что скошенный лужок: тут был портрет
ее родных, еще кого-то, карты,
какая-то шкатулка... Все взяла...
И – словно в песне – мне остались только
вот эти розы{20}: ржавчиною нежной
чуть тронуты их мятые края,
и в длинной вазе прелью, смертью пахнет
вода, как под старинными мостами.
Меня волнует, розы, ваша гниль
медовая... Воды вам надо свежей.
(Уходит в дверь направо.)

Сцена некоторое время пуста. Затем – быстрый, бледный, в лохмотьях – с террасы
входит Ганус.

ГАНУС:

Морн... Морн... где Морн?.. Тропою каменистой,
между кустов... Какой-то сад... и вот –
я у него в гостиной... Это сон,
но до того как я проснусь... Здесь тихо...
Неужто он ушел? На что решиться?
Ждать? Боже, Боже, Боже, ты позволь мне
с ним встретиться наедине!.. Прицелюсь
и выстрелю... И кончено!.. Кто это?..
Ах, только отражение оборванца...
Я зеркалов боюсь... Что делать дальше?
Рука дрожит, напрасно я вина
там выпил, в той таверне, под горою...
И шум в ушах... А может быть? Да, точно!
Шуршат шаги... Теперь скорей... Куда бы...

И прячется слева за угол шкафа, выхватив пистолет. Возвращается Морн. Возится с
цветами у стола, спиной к Ганусу. Ганус, подавшись вперед, дрожащей рукой
целится.

МОРН:

О, бедные... дышите, пламенейте...
Вы на любовь похожи. Для сравнений
вы созданы; недаром с первых дней
вселенной в ваших лепестках сквозила
кровь Аполлона{21}... Муравей... Смешной:
бежит, как человек среди пожара...

Ганус целится.

Занавес

АКТ V

Сцена I

Комната старика Дандилио. Клетка с попугаем, книги, фарфор. В окнах – солнечный
летний день. По комнате тяжело мечется Клян. Слышна отдаленная стрельба.

КЛЯН:

Как будто умолкает... Все равно:
я обречен! Ударит в мозг свинец,
как камень в грязь блестящую – раз – мысли

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
разбрызгаются! Если б можно было
жизнь прожитую сочно отрыгнуть,
прожвакать{22} вновь и проглотить, и снова
воловьим толстым языком вращать,
выдавливает из этой вечной гущи
былую сладость трав хрустящих, пьяных
от утренней росы, и горечь листьев
сиреневых! О, Боже, если б вечно
смертельный ужас чувствовать! И это –
блаженство, Боже! Всякий ужас значит
«я есмь», а выше нет блаженства! Ужас –
но не покой могильный! Стон страданья –
но не молчанье трупа! Вот где мудрость,
и нет другой! Готов я, лягнув лирой,
ее разбить, мой звучный дар утратить,
стать прокаженным, ослабеть, оглохнуть, –
но только помнить что-нибудь, хоть шорох
ногтей, скребущих язву, – он мне слаще
потусторонних песен! Я боюсь,
смерть близится... тугое сердце тяжело
подскакивает, как мешок в телеге,
гремящей под гору, к обрыву, к бездне{23}!
Не удержать! Смерть!

Из двери справа входит Дандилио.

ДАНДИЛИО:

Тише, тише, тише...

Там Элла только что уснула; кровью
бедняжка истекла; ребенок умер,
и мать второй души лишилась – главной.
Но лучше ей как будто... Только, знаешь,
не лекарь я, – какие книги были,
использовал, но все же...
КЛИЯН:

Дандилио!

Мой добрый Дандилио! Мой прекрасный,
мой светлый Дандилио!.. Не могу,
я не могу... меня ведь тут поймают!
Я обречен!
ДАНДИЛИО:

Признаться, я не ждал
таких гостей; вчера меня могли бы
предупредить: я клетку попугая
украсил бы – он что-то очень мрачен.
Скажи, Клиян, – я Эллою был занят,
не понял хорошенько, – как же это
ты спасся с ней?
КЛИЯН:

Я обречен! Ужасно...

Какая ночь была! Ломились... Элла
все спрашивала, где ребенок... Толпы
ломались во дворец... Нас победили:
пять страшных дней мы против урагана
мечты народной бились; в эту ночь
все рухнуло: нас по дворцу травили –
меня и Тременса, еще других...
Я с Эллою в руках из зала в залу,
по галереям внутренним, и снова
назад, и вверх, и вниз бежал и слышал
гул, выстрелы, да раза два – холодный
смех Тременса... А Элла так стонала,
стонала!.. Вдруг – лоскут завесы, щелка
за ней, – рванул я: ход! Ты понимаешь, –
ход потайной{24}...
ДАНДИЛИО:

Я понимаю, как же...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Он, думаю, был нужен королю,
чтоб незаметно улетать – и, после
крылатых приключений, возвращаться
к трудам своим...
КЛИЯН:

...и вот я спотыкался
в могильной тьме и шел, и шел... Внезапно
стена: толкнул – и оказался чудом
в пустынном переулке! Только выстрел
порой стучал и разрывался воздух
по шву... Я вспомнил, что живешь ты рядом,
и вот... к тебе... Но что же дальше делать?
Ведь оставаться у тебя – безумно!
Меня найдут! Ведь вся столица знает,
что с сумасшедшим Тременсом когда-то
ты дружен был и дочь его крестил!..
ДАНДИЛИО:

Она слаба: еще такой прогулки
не вынесет. А где же Тременс?
КЛИЯН:

Бьется...

Не знаю, где... Он сам мне накануне
советовал, чтоб я к тебе мою
больную Эллу... но ведь тут опасно,
я обречен! Пойми, – я не умею,
я не умею умирать, и поздно –
не научусь, нет времени! За мною
сейчас придут!..
ДАНДИЛИО:

Беги один. Успеешь.
Дам бороду поддельную, очки{25}...
пойдешь себе.
КЛИЯН:

Ты думаешь?..

ДАНДИЛИО:

А хочешь

есть у меня и маски, что носили
на масленицу в старину...
КЛИЯН:

...Да, смейся!

Ты знаешь сам, что никогда не кину
моей бессильной Эллы... Вот где ужас –
не в смерти, нет, – а в том, что в кровь вселилось
какое-то рыдающее чувство,
смесь ревности неведомой и жажды
отверженной и нежности такой,
что все закаты перед нею – лужи
малярной краски, – вот какая нежность!
Никто не знал! Я – трус, гадюка, льстец,
но тут, – вот тут...
ДАНДИЛИО:

Друг, будет... успокойся...

КЛИЯН:
Любовь в ладони сжала сердце... держит...
не отпускает... Потяну – сожмет...
А смерть близка... но как мне оторваться
от своего же сердца? Я – не ящер,
не отращу...
ДАНДИЛИО:

Ты бредишь, успокойся:
тут безопасно... Улица пустынна
и солнечна... Ты где же смерть приметил?
На корешках моих уснувших книг –
улыбка. И спокоен, как виденье,
мой попугай святой.
КЛИЯН:

От этой птицы
рябит в глазах... Пойми, сейчас нагрянут –

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
нет выхода!..

ДАНДИЛИО:

Опасности не чую:

слепая весть, повеявшая с юга,
что жив король, так опьянила души
неслыханною радостью, – столица
от казней так устала, – что, покончив
с безумцем главным, с Тременсом, едва ли
начнут искать сообщников его.

КЛИЯН:

Ты думаешь? Да, правда, светит солнце...
И выстрелы умолкли... Не открыть ли
окно, не посмотреть ли? А?

ДАНДИЛИО:

К тому же

есть у меня одна вещица... хочешь,
я покажу? Вот тут, в футляре мягком...
Мой талисман... Вот, посмотри...

КЛИЯН:

Корона!

ДАНДИЛИО:

Постой, уронишь...

КЛИЯН:

Слышишь?.. Боже... Кто-то...

По лестнице... А!

ДАНДИЛИО:

Говорил – уронишь!

Входит Тременс.

ТРЕМЕНС:

Гром золотой! Я тронут. Но напрасно
вы собрались меня короновать.
Поздравь, Клиян: обещано полцарства
за плешь мою!..
(К Дандилио.)

Скажи-ка, светлый старец,
как и когда тебе достался этот
кусочек сверканья?

ДАНДИЛИО:

Продал за червонец

один из тех, кто некогда дворец
обыскивал.

ТРЕМЕНС:

Так, так... Давай-ка. Впору.

Но я сейчас, признаться, предпочел бы
ночной колпак. Где Элла?

ДАНДИЛИО:

Рядом. Спит.

ТРЕМЕНС:

А... хорошо. Клиян, чего ты стонешь?

КЛИЯН:

Я не могу... Зачем я, Тременс, Тременс,
шел за тобой?.. Ты – смерть, ты – бездна! Оба
погибнем мы.

ТРЕМЕНС:

Ты совершенно прав.

КЛИЯН:

Мой друг, мой вождь... Ведь ты мудрее всех.
Спаси меня – и Эллу... Научи –
что делать мне?.. Мой Тременс, что мне делать?

ТРЕМЕНС:

Что делать? Спать. Я снова зябну; снова
наложница нагая – лихорадка –
льнет к животу холодной ляжкой, спину
ладонью ледяной мне гладит, гладит...

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Дай на плечи мне что-нибудь накинуть,
старик. Вот так. Да, милый мой Клиян,
я убедился – правы были наши
друзья, когда предупреждали... Кстати,
всех четверых я истребил – предать
они меня пытались... Очень нужно!
я буду спать. Пускай солдаты сами
найдут меня.

КЛИЯН:
(кричит)

А!..

ДАНДИЛИО:

Не кричи... не надо...

Вот. Так и знал.

Входит Элла, справа.

ТРЕМЕНС:

Дочь, Элла, ты не бойся:
все хорошо! Клиян тут распевает
последние свои стихи...

ЭЛЛА:

Отец,

ты ранен? Кровь...

ТРЕМЕНС:

Нет.

ЭЛЛА:

У тебя рука

опять, опять холодная... а ногти,
как будто ел ты землянику... Я
останусь, Дандилио, здесь... Прилягу,
подушку дайте... Право, лучше мне...
Всю ночь палили... мой ребенок плакал...
А где же ваша кошка, Дандилио?..

ДАНДИЛИО:

Шутник какой-то каменной бутылкой
хватил ее... Иначе попугая
я б не купил...

ЭЛЛА:

Да, огненный... Да, помню...

Мы пили за его здоровье... Ах!..

(Смеется.)

«...И все же я тебя боюсь... Как смерть,
бываешь страшен ты...» – откуда это?
Откуда? Нет, забыла.

КЛИЯН:

Полно... Элла...

моя любовь... Прикрой глаза...

ЭЛЛА:

...Ты – белый,

как свежая сосновая доска...
и капельки смолы... Мне неприятно...
ты отойди...

КЛИЯН:

Прости меня... не буду,
я только так... Хотел тебе подушку
поправить... Вот...
(Он поникает у ее изголовья.)

ТРЕМЕНС:

Что бишь я говорил?

Да: плохо ищут; там, вокруг сената,
вокруг дворца народ толпится: чистят
покои королевские, ковры
вытряхивают – и мои окурки,

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и шпильки Эллы выметают... Очень занятно! И какой занятный слух, что будто бы грабитель – где-то там на юге, видите ли, в дом забрался и бац в башку хозяина, – а тот – извольте – объявился властелином, свою столицу кинувшим полгода тому назад... Я знаю, знаю, – это все выдумки. Но выдумкой такой меня смели... Вот Элла спит. Мне тоже пора бы... Гладит, крадетсЯ озноб вверх по спине... А жалко, Дандилио, что вымышленный вор не уничтожил придуманного короля!.. Смеешься? Что, славно я шучу?

ДАНДИЛИО:

Да – бедный Ганус!

Не повезло...

ТРЕМЕНС:

Как – Ганус?..

ДАНДИЛИО:

Он письмо

ведь получил... Мне Элла говорила... Как хорошо бедняжка спит... Клян, прикрой ей ноги чем-нибудь... ТРЕМЕНС:

Послушай,

послушай, Дандилио, может быть, есть у тебя среди твоих игрушек старинных, безделушек пыльных, книг магических – полдюжины хороших горячечных рубашек? Одолжи...

ДАНДИЛИО:

Давно бы дал, да были бы они – малы тебе... Но что сказать ты хочешь?

ТРЕМЕНС:

Когда-то, Дандилио, мы дружили, о живописи спорили... Потом я овдовел... потом мятеж – тот, первый, – увлек меня, – и мы встречались реже... Не склонен я к чувствительности праздной, но я прошу во имя этой дружбы, такой далекой, расскажи мне ясно, что знаешь ты – о короле!..

ДАНДИЛИО:

Как, разве

не понял ты? Все очень просто было. Однажды я – тому четыре года, – зайдя к тебе, замешкался в передней средь вешалок, в шершавой темноте, и входят двое; слышу быстрый шепот: «Мой государь, опасно: он мятежник безудержный...» Другой в ответ смеется и – шепотом: «Ты обожди внизу, недолго мне...» И снова смех негромкий... Я спрятался. Через минуту – вышел и, хлопая перчаткою, сбежал по лестнице – твой легкий гость... ТРЕМЕНС:

Я помню...

конечно... Как же я не сопоставил...

ДАНДИЛИО:

Ты погружен был в сумрачную думу. Я промолчал. Мы виделись не часто: я хмурых и холодных не люблю. Но помнил я... Прошло четыре года – все помнил я; и вот, встречаясь с Морном на вечерах недавних, я узнал

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
смех короля... Когда же в день дуэли
ты подменил...

ТРЕМЕНС:

Позволь, позволь, и это

заметил ты?

ДАНДИЛИО:

Да, к мелочам случайным
мой глаз привык, исследуя прилежно
ходы жучков и ссадины на теле
старинной мебели, чешуйки красок,
пылинки на полотнах безымянных.

ТРЕМЕНС:

И ты молчал!..

ДАНДИЛИО:

Из двух – то сердце было
дороже мне, чья страсть была острее.
Есть третье сердце: посмотри – с печалью
и нежностью, не свойственной ему,
Кляян глядит на дремлющую Эллу,
как будто с ней и страх его уснул...

ТРЕМЕНС:

О, мне смешно, что втайне от меня
работали моя же мысль и воля,
что как-никак я сам, своей рукою
смерть королю – хоть мнимую – послал!
И в Ганусе я втайне не ошибся:
он был слепым орудием слепца...
Не сетую! С холодным любопытством
разглядываю хитрые узоры –
причины и последствия – на светлом
клинке, приставленном к груди... Я счастлив,
что хоть на миг людей я научил
уничтоженья сладостному буйству...
Да, не пройдет урок мой без следа!
И то сказать, нет помысла, мгновенной
нет слабости, которые в грядущем
поступке не сказались бы: король
еще обманет явно...

Кляян:

Ты проснулась?

Спи, Элла, спи... Так страшно думать, Элла...

ТРЕМЕНС:

О, мне смешно! Когда б я знал все это,
народу бы я крикнул: «Ваш король –
пустой и слабый человек. Нет сказки,
есть только Морн!»

ДАНДИЛИО:

Не надо, Тременс, тише...

ЭЛЛА:

Морн и... король? Ты так сказал, отец?
Король в карете синей – нет, не то...
Я танцевала с Морном – нет... позволь...
Морн...

ДАНДИЛИО:

Полно, он шутил...

ТРЕМЕНС:

Кляян, молчи,

не всхлипывай!.. Послушай, Элла...

ДАНДИЛИО:

Элла,

ты слышишь?

ТРЕМЕНС:

Сердце бьется?

ДАНДИЛИО:

Да. Сейчас

пройдет.

ТРЕМЕНС:

Глаза открыты... видит... Элла!

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Столб соляной{26}... Не знал я, что бывают
такие обмороки...

КЛИЯН:

Голоса!

На улице... Они!

ТРЕМЕНС:

Да. Мы их ждали.

Посмотрим-ка...

Открывает окно; с улицы внизу слышны быстрые голоса.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС:

...дом.

ВТОРОЙ ГОЛОС:

ладно! Не уйдет он.

Все выходы?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС:

Все...

ТРЕМЕНС:

Можно и захлопнуть...

(Закрывает окно.)

КЛИЯН:

(мечется)

Спаси меня... скорее... Дандилио...

куда-нибудь... я жить хочу... скорей...

успеть бы... А!

(Кидается прочь из комнаты в дверь направо.)

ТРЕМЕНС:

как будто и конец?

ДАНДИЛИО:

Да, кажется.

ТРЕМЕНС:

Я выйду к ним, чтоб Элла

не видела. Ты чем питаешь эту

оранжевую птицу?

ДАНДИЛИО:

Ей полезны

яички муравьиные, изюм...

Хорошая, не правда ли? А, знаешь,

попробуй на чердак, затем – по крыше...

ТРЕМЕНС:

Нет, я пойду. Устал я.

Направляется к двери, открыл ее, но Капитан и четверо солдат оттесняют его
обратно в комнату.

КАПИТАН:

Стой! Назад!

ТРЕМЕНС:

Да, да, я – Тременс; только потолкуем

на улице...

КАПИТАН:

Назад. Так.

(Солдату.)

Обыщи-ка

обоих.

(К Дандилио.)

Ваше имя?

ДАНДИЛИО:

Вот, табак

просыпали, эх вы! Кто ищет имя

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
у человека в табакерке? Можно
вас угостить?

КАПИТАН:

Вы тут хозяин?

ДАНДИЛИО:

Как же.

КАПИТАН:

А это кто?

ДАНДИЛИО:

Больная.

КАПИТАН:

Вы напрасно

скрывали тут преступника...

ТРЕМЕНС:

(с зевком)

Случайно

я забежал...

КАПИТАН:

Вы – Тременс, бунтовщик?

ТРЕМЕНС:

Спать хочется. Скорее...

КАПИТАН:

По приказу,

сенатом изданному нынче,
июня девятнадцатого, будет
на месте... Ба! там кто-то есть еще.
(Солдатам.)

Держите их. Я погляжу...

Уходит в дверь направо. Тременс и Дандилио говорят меж собой, окруженные
безмолвными, как бы неживыми солдатами.

ТРЕМЕНС:

Вот медлит...

Спать хочется...

ДАНДИЛИО:

Да, выспимся...

ТРЕМЕНС:

Мы? Полно,

тебя не тронут. Смерти ты боишься?

ДАНДИЛИО:

Все это я люблю: тень, свет, пылинки
в воронке солнца; эти лужи света
на половицах; и большие книги,
что пахнут временем. Смерть – любопытна,
не спорю...

ТРЕМЕНС:

Элла словно кукла... Что с ней?..

ДАНДИЛИО:

Да, так нельзя.

(К солдату.)

Послушай, братец мой,
снеси-ка, вот, больную рядом, в спальню,
а погода за лекарем пошлем.
Ты что – оглох?

ТРЕМЕНС:

Оставь его. Не нужно.

Меня уложат где-нибудь в сторонке,
она и не увидит. Дандилио,
ты говорил о солнце... Это странно,
мне кажется, мы – схожие, а в чем –
не уловлю... Давай сейчас рассудим.
Ты принимаешь смерть?

ДАНДИЛИО:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Да. Вещество

должно истлеть, чтоб веществу воскреснуть –
и вот ясна мне Троица. Какая?
Пространство – Бог, и вещество – Христос,
и время – Дух. Отсюда вывод: мир,
составленный из этих трех, – наш мир –
божественен...

ТРЕМЕНС:

Так. Продолжай.

ДАНДИЛИО:

Ты слышишь,

какой там топот в комнатах моих?
Вот сапоги!

ТРЕМЕНС:

И все-таки наш мир...

ДАНДИЛИО:

..божественен; и потому все – счастье;
и потому должны мы распевать,
работая: жить на земле и значит
на этого работать властелина
в трех образах: пространство, вещество
и время. Но кончается работа,
и мы на праздник вечности уходим,
дав времени – воспоминанье, облик –
пространству, веществу – любовь.

ТРЕМЕНС:

ВОТ видишь –

в основе я согласен. Но мне рабства
счастливого не нужно. Я бунтую,
бунтую против властелина! Слышишь!
Я всех зову работу бросить! Прямо –
валяй на праздник вечности: там в безднах
блаженных отдохнем.

ДАНДИЛИО:

Поймали. Крик.

ТРЕМЕНС:

Я и забыл Клияна...

Врывается справа Клиян.

КЛИЯН:

А! Западня!

И здесь они!

кидается обратно, в комнату направо.

ЭЛЛА:

(приподнимаясь)

Морн... Морн... Морн... Я как будто
во сне слышала голос: Морн – король...
(Снова застыла.)

ГОЛОС КАПИТАНА:

(в комнате направо, дверь которой осталась открытой)

Довольно вам по комнатам носиться!

ГОЛОС КЛИЯНА:

Я умоляю...

ГОЛОС КАПИТАНА:

Имя!

ГОЛОС КЛИЯНА:

Умоляю...

Я молод... Я так молод! Я велик,
я – гений! Гениев не убивают!..

ГОЛОС КАПИТАНА:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Вы отвечайте на вопросы!

ГОЛОС КЛИЯНА:

Имя

мое Клиян... Но буду королю
служить... Клянусь... Я знаю, где корона...
Отдам... клянусь...

ГОЛОС КАПИТАНА:

Э, не хватай за икры,

я прострелю себе сапог.

ГОЛОС КЛИЯНА:

Поща-а...!

Выстрел.

Тременс и Дандилио, окруженные неподвижными солдатами, продолжают свою беседу.

ТРЕМЕНС:

Пространство – Бог, ты говоришь. Отлично.
Вот объяснение крыльев – этих крыльев,
которыми мы населяем рай...

ГОЛОС КЛИЯНА:

А!.. Нет конца... конца...

ГОЛОС КАПИТАНА:

живуч, бедняга.

ДАНДИЛИО:

Да. Нас волнуют быстрые полеты,
колеса, паруса и – в детстве – игры,
и в молодости – пляски{27}.

<...>

[Сцена II]

[МОРН]:

<...>

Не следует убитых пуль в сердце
бить этой мелкой дробью толков... Ночь
сегодня будет синяя, как триста
июльских дней, сгущенных, потемнелых
от густоты, скрипящих под нажимом
то сладострастьем жабьим на прудах,
то маслянистой судорогой листьев...
Когда б я не был королем, то стал бы
поэтом, жаркой лирой в эту ночь,
насыщенную синевою, в эту
живую ночь, что вздрагивает длинно
под роем звезд, как чуткая спина
Пегаса – вороного... Мы не будем –
не правда ли? – о смерти говорить, –
но светлую беседу о царстве,
о власти и о счастье моем
мне освежайте душу, отгоняйте
широких мягких бабочек от света –
и за глотком вина еще глоток,
чтоб искренней и слаще раздавались
слова души... Я счастлив.

ДАМА:

Государь,

а танцы будут?..

МОРН:

Танцы? Негде, Элла.

ДАМА:

Меня зовут не Элла...

МОРН:

Я ошибся...

так... вспомнилось... Я говорю, что негде
тут танцевать. Но во дворце, пожалуй,
устрою бал – громадный, при свечах,
да, при свечах, под пышный гул органа...

ДАМА:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Король... король смеется надо мною.

МОРН:

Я счастлив!.. Если я и бледен – это
от счастья!.. Повязка... слишком... туго...
Эдмин, скажи... нет, впрочем, сам... поправь..
так... хорошо...

СЕДОЙ ГОСТЬ:

Король устал, быть может?

Быть может, гости...

МОРН:

Ох, как он похож!..

Ты погляди, Эдмин, – похож как!.. Нет,
я не устал. Давно ты из столицы?

СЕДОЙ ГОСТЬ:

Мой государь, я был грозой гоним:
чернь, от тебя шарахнувшись, случайно
меня толкнув, едва не отдала
мне душу. Я бежал. С тех пор я мыслил
и странствовал. Теперь я возвращусь,
благословляя скорбное изгнание
за сладость возвращенья... Но в вине
есть крылышки пчелиные; в отраде –
есть для меня прозрачная печаль:
мой старый дом, где сыздетства я жил,
мой дом сожжен...

ЭДМИН:

Но спасена отчизна!

СЕДОЙ ГОСТЬ:

Как объясню? Отчизна – божество
бесплотное; а наш любимый угол
на родине – вот это зримый образ
бесплотного. Мы только знаем Божью
бородку раздвоенную; отчизну
мы узнаем в чертах родного дома.
От нас никто ни Бога не отнимет,
ни родины. Но теплый образок
жаль потерять. Мой дом погиб. Я плачу.

МОРН:

Клянусь, такой же дом, на том же месте
я для тебя построю. И не зодчий –
твоя любовь проверит чертежи;
не плотники – твои воспоминанья
помогут мне; не маляры – глаза
живые твоего же детства: в детстве
мы видим душу красок...

СЕДОЙ ГОСТЬ:

Государь,

благодарю: я знаю – ты волшебник,
я счастлив тем, что понял ты меня,
но мне не нужно дома...

МОРН:

Клялся я...

Что клятва? Лепет гордости. А смотришь –
смерть тут как тут. Что клятва? И звезда
обманывает душу звездочета,
в условный срок порой не возвращаясь.
Постой... скажи... Ты знал ли старика
такого – Дандилио?

СЕДОЙ ГОСТЬ:

Дандилио?

Нет, государь, не помню...

ВТОРОЙ ПОСЕТИТЕЛЬ:

(тихо)

Посмотри

на короля, он чем-то недоволен...

ТРЕТИЙ ПОСЕТИТЕЛЬ:

(тихо)

Как будто тень – тень птицы – пролетела
по ясному, но бледному лицу...
А это кто?

Налево у двери движение.

ГОЛОС:

Позвольте... ваше имя?

Сюда нельзя!

ИНОСТРАНЕЦ:

Я – иностранец...

ГОЛОС:

Стойте!

ИНОСТРАНЕЦ:

Нет... я пройду... я – так. Я – ничего.

Я только сплю...

ГОЛОС:

Он пьяный, не пускайте!..

МОРН:

А, новый гость! Сюда, сюда, скорее!
Так счастлив я, что принял бы с улыбкой
и ангела, под траурным горбом
сложенных крыл влачащегося скорбно;
и нищего блестящего лжеца;
и палача, в опрятный свой сюртук
затянутого наглухо... Гость милый,
что ж, подходи!

ИНОСТРАНЕЦ:

Вы, говорят, король?

ЭДМИН:

Как смеешь ты!..

МОРН:

Оставь. Он – иноземец.

Да, я король...

ИНОСТРАНЕЦ:

Так, так... Приятно мне:

я хорошо вас выдумал...

МОРН:

Молчи,

Эдмин, – занятно. Ты издалека,
туманный гость?

ИНОСТРАНЕЦ:

Из обиходной яви,

из пасмурной действительности... Сплю...

Все это сон... сон пьяного поэта...

Повторный сон... Однажды вы мне снились:

какой-то бал... какая-то столица...

веселая, морозная... Но только

иначе звались вы...

МОРН:

Морн?

ИНОСТРАНЕЦ:

Морн. Вот, вот...

Нарядный сон... Но знаете, я рад был
проснуться... Помню, что-то было в нем
неладное. А что – не помню...

МОРН:

Все ли

у вас в стране так говорят... дремотно?

ИНОСТРАНЕЦ:

О, нет! У нас в стране нехорошо,
нехорошо... Вот я проснусь – скажу им,
какой король мне грезился прекрасный...

МОРН:

Чудак!

ИНОСТРАНЕЦ:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Но отчего же мне неловко?

Не знаю... Как и в прошлый раз... Мне страшно...
Должно быть, в спальне душно. Отчего-то
страх чувствую... обман... Я постараюсь
проснуться...
(Уходит.)

МОРН:

Стой!.. Куда же ускользнул
мой призрак?.. Стой, вернись...

ГОЛОС:
(слева)

Держи!

ВТОРОЙ ГОЛОС:

Не вижу...

ТРЕТИЙ ГОЛОС:

Ночь...

ЭДМИН:

Мой государь, как можешь

выслушивать...

МОРН:

У прежних королей

шуты бывали: говорили правду
хитро, темно, – и короли любили
своих шутов... А у меня вот этот
сомнительный сомнамбул...

Что же вы

притихли, дорогие гости? Пейте
за счастье мое! И ты, Эдмин.
Эй, прояснись! Все пейте! Сердце Вакха –
граненое стекло: в нем кровь и солнце...

ГОСТИ:

Да здравствует король!

МОРН:

Король... король...

В земном глаголе рокотанье грома
небесного... Так! Выпито! Теперь
я подданных порадую: намерен
я завтра же вернуться!

ЭДМИН:

Государь...

ГОСТИ:

Да здравствует король!

ЭДМИН:

...прошу тебя...

врачи...

МОРН:

Довольно! Я сказал, что – завтра!
Назад, назад, – в гробу летучем! Да,
в стальном гробу, на вычисленных крыльях!
И вот еще: вы говорили «сказка»...
А мне смешно... Со мною Бог смеется!
Не знает одуроченная чернь,
что скованное в сказочные латы
темно и потно рыцарское тело...

ГОЛОС:

(тихо)

Что говорит король?..

МОРН:

...она не знает,

что бедная восточная невеста
едва жива под тяжестью косматой,
но за морем бродяги-трубадуры
о сказочной любви запюют, –
солгут векам, чуть пальцами касаясь
овечьих жил, – и грезой станет грязь!

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
(Пьет.)

ГОЛОС:

Что говорит король?

ВТОРОЙ ГОЛОС:

Он во хмелю!..

ТРЕТИЙ ГОЛОС:

Его глаза безумием сияют!..

МОРН:

Эдмин, налей еще...

ДАМА:

(кавалеру)

Уйдем... Мне страшно...

<...>

[КОРОЛЬ]:

Сон прерванный не может продолжаться,
и царство, плывшее в мечте передо мной,
вдруг оказалось просто на земле
стоящим. Вторглась вдруг реальность. Та,
которая и плоть, и кровь, казалось,
ступала, как эфир прозрачный, вдруг
растопавшись, как грубый великан,
вошла в мой сон, устойчивый, но хрупкий.
Я вижу вокруг меня обломки башен,
которые тянулись к облакам.
Да, сон – всегда обман, все ложь, все ложь.

ЭДМИН:

Она и мне лгала, мой государь.

КОРОЛЬ:

Кто лгал, Эдмин?

(Спохватывается.)

Ах, ты о ней?.. Нет, царство

мое обманом было... Сон был ложью.

<...>

[МОРН]:

Эдмин, отдай!.. Как мне еще просить?
Пасть на колени? Хочешь? Ах, Эдмин,
я должен умереть! Я виноват
не перед Ганусом, а перед Богом,
перед тобой, перед самим собою,
перед моим народом! Я дурным
был королем: незримый, без придворных,
обманом правил я... Вся мощь моя
была в моей таинственности... Мудрость
законов? Творчество и радость власти?
Любовь толпы? Да. Но пуста и лжива,
как бледный гаер в лунном балахоне,
душа у властелина! Я являлся
то в маске на престоле, то в гостинной
у щегольской любовницы... Обман!
И бегство – ложь, уловка – слышишь? – труса!
И эта слава только поцелуй
слепого... Разве я король? Король,
убивший девушку? Нет, нет, довольно,
я падаю – в смерть, – в огненную смерть!
Я только факел, брошенный в колодец,
пылающий, кружащийся, летящий,
летающий вниз, навстречу отраженью,
растущему во мраке, как заря...
Молю тебя! Молю тебя! Отдай мне
мой черный пистолет! Молчишь?
(Пауза.)

Ну, что же,

не надо... В мире есть другие смерти:

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
обрывы и водовороты; яды,
и лезвие, и узел; нет! Не можешь
ты помешать – ни гению родиться,
ни грешнику убить себя!
(Пауза.)

Да впрочем,

я просьбами напрасно унижаюсь...
Скучна такая сложная игра
с такой простой развязкою.
(Пауза.)

Эдмин,

я – твой король. Дай. Понял ты?

Эдмин, не глядя, протягивает ему пистолет.

МОРН:

Спасибо.

Я выйду на террасу. Только звезды
меня увидят. Счастлив я и ясен;
сказать правдивей не могу... Эдмин,
твой легкий лоб легко я поцелую..
Молчи, молчи... Твое молчанье слаще
всех слышанных напевов. Так. Спасибо.
(Идет к стеклянной двери.)

Ночь синяя меня уносит!
(Выходит на террасу. Его фигура, озаренная лучами ночи, видна сквозь стеклянную
дверь.)

ЭДМИН:

.....
.....

...Никто не должен видеть,
как мой король являет небесам
смерть Господина Морна.

Занавес

ПРИЛОЖЕНИЯ
[ИЗЛОЖЕНИЕ]
I ДЕЙСТВИЕ
I Картина

{28}комната. У огня, закутанный в ягуаровый плед, сидит Тременс. Его всегда
трясет лихорадка (...я такого дня не помню, чтоб не ползли змееныши озноба вдоль
по спине, чтоб не стучали зубы, как костяные кастаньеты смерти, танцующей без
роздыху...). Его монолог. Входит дочь его Элла. Говорит, что звана на вечер, что
должна переодеться. Вся она – широко открытые девичьи глаза, а Тременс – груб,
тяжел, но по-своему любит дочь. Она уходит к себе. Слуга приносит вино,
лекарства. Затем докладывает, что пришел неизвестный человек. Входит Ганос.
Тременс плохо видит, не различает его черты. Тот заговорил, и Тременс узнал
одного из той шайки мятежников, которой он, Тременс, руководил. Ганос, как и все
остальные крамольники, кроме вождя их, был сослан на дальние рудники. Ганос
бежал. Тременс рассказывает, что, когда суд вынес приговор над пойманными
мятежниками, он, Тременс, написал королю письмо, в котором отдавал себя
королевской власти. На следующий день вечером в комнату к Тременсу вошел
человек, который себя не назвал и лица которого Тременс не разобрал из-за
сумерек и полуслепоты своей. Человек спокойно объявил Тременсу, что король не
преследует ума, будь он и тлетворен, а карает глупость, слушающуюся чужого ума.
То есть умный вождь прощен, но все его подчиненные сосланы. Пусть же Тременс
продолжает свои незаконные попытки – все будет тщетно, так как он только
помогает королю собирать, сосредоточивать в одно место мятежные части народа,
которые и караются нужным образом. Король поощряет Тременса, как невольного
своего помощника. Сказав все это, человек поклонился и вышел. С тех пор Тременс
все собирается с силами, у него одна мечта: истребить, разрушить, придать стране
красоту развалин. Ганос признается Тременсу, что за время трехлетней ссылки он

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru понял, что напрасно пытался свергнуть власть, что король какой-то волшебной силой своей создал из страны, истерзанной войнами и мятежами, громадное и гармоническое государство, управляемое пристально и твердо. «Ты меня не понял, – говорит Тременс, – я проповедовал власть народную, но разумел под этим безвластие, божественный хаос. Король, – продолжал он, – все по-прежнему никогда не показывается, и эта таинственность дает ему новую силу, какой не имел ни один король». Тременс признает, что король – первый работник в стране, что он один властвует над вялым сенатом, над обществом, над чернью, и что все законы его – глубокие, мудрые; что в стране нет обездоленных; что смертная казнь отменена; что государство подобно исполинской житнице, полной душистого, золотого хлеба. «Но, – повторяет Тременс, – мне беззаконие нужно, а не закон, как бы мудр он ни был, ибо довольство – тупик. Чтоб горел живой огонь человечества, нужно топливо. Разрушать нужно, и тогда будет наслаждение – в страданиях. Говорят, – продолжает он, – что король часто мешается с толпой, посещает кабаки, рынки, мастерские, дабы точно знать, что кому нужно». Ганос замечает, что все это еще больше убеждает его в преступности мятежа. Тременс шагает из угла в угол, дрожа под пледом и проповедуя свою истребительную веру. Ганос сразу же, как прибыл в город, зашел к Тременсу и еще не знает, в том же ли доме, как прежде, живет его – Ганосова – жена и что делала она эти три года. На его вопрос, что делает она, Тременс коротко отвечает: «Блудит». Входит Элла в золотистом газе, готовая ехать, и отец к ней грубо и тяжело обращается с вопросом: «Ведь правда, Мидия блудит?» Элла привычно отделяется шуткой. Ганос, давно знающий Тременса, все же поражен его нарочитой грубостью. С трудом узнает он Эллу, которая за эти три года превратилась, как говорится, из девочки в женщину. Ганос взволнован тем, что она едет на вечер к его же жене, а он сам ехать не может: там много людей, узнают его. Случайный ответ Тременса, который, кстати, у Мидии не бывает, все же смутил Ганоса, но он не решается что-либо спросить у Эллы. Элла, которая учится в драматической школе, предлагает Ганосу загримировать его, и тогда он может поехать – как жених ее, что ли, – и, оставшись после ухода всех гостей, изумить и обрадовать Мидию. Тременс вставляет несколько массивно-грубых замечаний. Га-нос соглашается. Садится перед зеркалом, и Элла начинает мазать ему лицо маслянистыми театральными красками. Между ними шутливый разговор, а между тем Тременс снова заговорил о своей жажде разрушения, о том, что он ждет только предлога, чтобы начать, о том, что Ганос должен ему помогать – и Ганос старается одновременно отвечать шуткам Эллы, мажущей ему губы и глаза, и возражать ее отцу, тяжело шарахающемуся по комнате в припадке огневицы^{29}; из угла в угол хищно и зябко шагает он, барабаня пальцами по столам, по спинкам стульев, шелестя пальцами по корешкам книг, когда проходит он мимо полки. «Готово!» – кричит Элла, и Ганос в зеркале не узнает себя. Тременс сердится на него, что он не загорается ознобом, трясущим его, Тременса – вождя мятежников. Ганос повеселел, зная, что сейчас увидит жену, и вспоминая другие дни, маскарады, танцы. Элла прощается с отцом, который хмуро рухнул в кресло. Ганос обещает его часто посещать и уходит вместе с Эллой. Монолог Тременса.

II Картина

Вечер у Мидии. Поэты, артисты. Звонко, пьяновато, в воздухе пузырьки шампанского. Когда занавес поднимается, только что кончил читать свою поэму длинноволосый человек с сумасшедшими бычьими глазами, встает из-за стола в глубине сцены, говорит: «Конец», – и дрожащими длинными пальцами перебирает листки на столе. Быстрая тишина, затем восторженный всплеск голосов. Молодого поэта сравнивают с тем таинственным поэтом, который живет при дворе, – и потрясает, и нежит страну своими безымянными стихами. Это – неоромантика. И король, и общество, и толпа, и вся жизнь, и самые улицы в этой столице, блистательно очнувшейся после годин гнева и грома, – романтичны. Есть в ней что-то от венецианского XVII столетия времен Казановы^{30} и от тридцатых годов петербургской эпохи. Романтическое уныние перешло в романтическую радость жизни. Разговоры по этому поводу среди гостей. Веселый белый старичок Дэндило, весь мягкий и легкий, как одуванчик, рассказывает о прошлом. Мидия с каким-то искристым волнением ждет главного гостя – Господина Морна. Затем другой писатель – Клян – читает свое произведение, но оно банальное, отжившее, т. е. в стиле Пильняков, Лидиных и т. д.^{31} Его чтение прерывается добродушным смехом гостей. Клян, который сперва отказывался читать, ожидая прихода любимой им Эллы, теперь рад, что чтение произошло без нее. Вот она входит – легкая, прохладная, в золотистом газе, в сопровождении загримированного Ганоса, которого она представляет как своего знакомого актера. Ганос сперва с лукавым и беспечным удовольствием играет свою роль, хотя ему не терпится остаться наедине с Мидией. Говорит он глуховатым голосом, ходит осторожно и не показывает рук, по которым Мидия могла бы его узнать. Мидия счастлива: сейчас придет ее любовник, которому

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru сопутствует всегда тихий, молчаливый человек с мечтательными, но быстрыми глазами – Эдмин. В глубине комнаты – игры, песни. Мидия летает от одного гостя к другому. К ней подходит Элла, наивно замечает: «Как ты можешь быть так весела, когда муж твой томится в тюрьме?» Мидия обнимает ее, целует в лоб, ладонями откинув ей волосы, и отвечает, что Элла маленькая, что, может быть, когда-нибудь она поймет, что бывают в жизни часы, когда потухни солнце, как фонарь, разбитый хулиганом, все равно душа счастлива, слепо мчится куда-то. Наконец за дверью раздался раскат знакомого мягкого смеха и вошел Господин Морн, за ним – тихий Эдмин. Гости еще больше повеселели, и нетрудно заметить, что Мидия и Морн опьянены друг другом. Меж тем Клиян несколько раз подходил к Элле, ревнуя и мучась. Она отделяется летучими движеньями, шутками... А Ганос начинает тускнеть и томиться, смутно понимая, что Мидия от него ушла. Элла мимолетно подошла к нему, кинула: «Я всегда гуляю по утрам до школы в Серебряном саду, вы приходите как-нибудь, я покажу вам мое любимое дерево и статую одну со снегом в складках одежды». Ганос занят думами своими: оба они не заметили, что Клиян подслушал. Господин Морн и Мидия руководят вечером. Морн рассказывает о странах, которые он видал, показывает фокусы, играет на гитаре, со всеми одинаково приветлив – какой-то лучистой приветливостью. Гости начинают расходиться, к тайной радости Морна и Мидии. Клиян, хмурый и тяжкий, увлек с собой Эллу. Старик, похожий на одуванчик, уходит в лавровом венце, который ему нацепили. Один гость – кроме Морна – не уходит: это Ганос. Он сидит у стола, прямой и неподвижный, с лицом лоснистым и восковым из-за душного грима. Морна сперва смешит эта неучтивость гостя, который должен бы понять, что хотят, чтобы он поскорее убрался. Мидия сперва натянуто занимает его. Он отвечает глухо и тихо и сидит как деревянный, заложив руки за сюртук, данный ему Тременсом. Мидия начинает смутно бояться чего-то, как бы подсознательно догадываться. Морн, все еще благодушный, прозрачный, намекает гостю, что, мол, пора и честь знать. Ганос вдруг тяжело задышал, встал, опустив ладонь на стол. Мидия глянула на его руку, в его глаза, мгновенно поняла, обращается к любовнику: «Господин Морн, позвольте вам представить моего мужа». Ганос не знает, что сказать, путается. Господин Морн с улыбкой поклонился. Ганос, тяжело вспыхнув, кинулся к нему, пытается ударить. Борьба между ними. Падает столик. Завернулся край ковра. Мидия кинулась в углубление сцены, распахнула окно, хлынула морозная звездная ночь. Мидия зовет: «Эдвин!» (Она знает, что Эдвин всегда сторожит под окном, когда Морн у нее.) Морн и Ганос дерутся, Ганос – по-мужичьи, Морн – как атлет, и притом смеется отрывисто и беззаботно, словно борется с ребенком. Наконец Ганос, оглушенный прямым ударом, рухнул в угол. Морн, весело блестя глазами, оправляет галстук, белый жилет. Врывается Эдвин с черным револьвером в руке, который он, впрочем, тут же сует себе в задний карман. Мидия закрыла лицо руками, дрожит у окна. Ганос поднимается, вытирает лицо платком, стирая кровавый жир грима. Морн в двух словах объясняет другу положение и шепотом просит быть его секундантом. Затем идет в глубину сцены к Мидии, которая склонилась в полуобмороке. Вбегают слуги, служанки, кладут Мидию на кушетку у окна, над ней нагибается Морн и все смеется, легко и нежно. Ганос, подступив к Эдмину, требует дуэль на пяти шагах. Эдмин, оглянувшись, уводит его в угол и шепотом, тревожно и убедительно говорит ему что-то. Ганос рванулся, смотрит через комнату на Господина Морна в изумлении, в тоске, борется сам с собой. Эдвин продолжает шептать ему что-то. Ганос решился, твердо закачал головой. Морн, когда Мидия очнулась, подошел к другу и к противнику. Ганос подошел вплотную и тихо сказал: «Что ж! Не хочется мне быть убийцей, мы будем драться а la courte paille!» Морн кинул быстрый укоризненный взгляд на друга (тот отвечает: «Простите, долг мой был сказать ему, предупредить»), затем добродушно поклонился. Учтиво простился с Мидией, которая словно хочет удержать его. Он говорит, что он с Ганосом помирился («Не правда ли?» – «Да, сударь...» – отвечает Ганос). Затем Морн и Эдмин уходят. Акт заканчивается сценой между Ганосом и его женой. Он умоляет ее хоть позволить ему иногда видеть ее. Мидия как бы оскорблена тем, что муж ее так слаб, позволил себя избить, а теперь в кротком отчаянии унижается перед ней. Она холодно разрешает ему жить в том же городе, в гостинице, что ли... Поникнув, шатаясь, как хмельной, Ганос уходит. Мидия взглянула, усмехнулась: «Шут!»

III Картина

Городской сад – так называемый Серебряный сад. Чугунные решетки, деревья в узорном снегу, статуи. На скамье сидит человек, уткнув лицо в каракулевый воротник. Поднимает лицо – это Ганос. Его монолог – философский: «Что же, смерть, иди...» Затем о тайне. Проходит Элла, садится рядом с ним. Он рассказывает ей только, что жена его разлюбила. Элла гладит ему руки, предлагает муфту, так как пальцы у него оледенели. Ганос говорит о любви, о своей изломанной неудачной жизни. По синеватой тропинке, по гололедице, окропленной посередине рыжеватым

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru песком, проходят люди с портфелями, школьники, дети, тянущие за собой санки, и т. д. Проходит и старик Дандэлио. Он стучит палкой по статуям, стряхивая снег, смеется, скользит по ледку. (Ганос отсел, уткнув нос в воротник.) Узнает Эллу, мягко и нежно беседует с ней (скрывает, что узнает и Ганоса, которого он несколько раз встречал до тюрьмы. Впрочем, он узнал его еще раньше, на вечере, добродушно и тонко подшутил над ним тогда). Старик говорит Элле, что получил от Тременса приглашение на следующий день, что он придет непременно. Говорит о Тременсе (она тоже все знает про него, но хранит тайну). Дандэлио, объяснив, что ему нужно пойти очистить от снега еще много статуй по бокам других тропинок, уходит. Тут Ганос говорит Элле, что раньше встречал Дандилио, но что он, Ганос, так изменился за эти три года, что вряд ли старик признает в нем его случайного знакомого. Элла любовно говорит о старике; стараясь развеселить Ганоса, подводит его к одной из статуй, рассказывает о ней. Ганос вспоминает, как он на этом же месте встречал когда-то Мидию, и, зарывав, снова садится на скамейку. Элла утешает его, гладит его по рукаву. Он наклонился головой к ее плечу. Элла быстро рассказывает ему что-то, свое, девическое, безотносительное, но в ее словах просвечивает любовь к усталому, оскорбленному человеку. Выходит Кляян{32}. Стараясь казаться непринужденным, он подходит к Элле, здоровается с ней. Холодно и удивленно повернулся к Ганосу, который встал, нервно запахивая шубу. Элла (как бы боясь, что Ганос понесет новое оскорбление, что еще осложнится его положенье) громко говорит, указывая мотком головы на Кляяна: «Мой жених». Ганос грустно и мягко улыбается, кланяется, говорит, что ему нужно уйти. Скользя и горбясь, уходит. Кляян удивленно смотрит ему вслед, спрашивает грубо у Эллы, кому еще она назначает тут свидания. Много ли их, молодцов таких? Встречалась ли она с тем шутком, который тогда был на вечере у Мидии? Элла вдруг разрыдалась. Кляян меняет тон свой. Просит ее объяснить, почему она изменилась к нему и будет ли она его женой. «Буду», – отвечает Элла. Кляян повеселел, безвкусно говорит о славе, ожидающей его как поэта. По набережной, видной в глубине сада, проносится карета, за нею всадники. В окне штора спущена. Карета пронеслась в снеговом вихре. Мелькнула огненная корона на темно-синей дверце. Кляян снял меховую шапку. Говорит: «Это король поехал в сенат». Элла зябко прижимает муфту к подбородку. Кляян поставил одну ногу на скамью, говорит о том, что жаль, Элла не приехала на вечер раньше, а то услышала бы, как он великолепно читал, как рукоплескали ему. Элла говорит: «Мне холодно». Кляян продолжает говорить, кашляя, – курит на морозе. Элла повторяет: «Мне холодно, пойдём». Кляян уходит с ней, говорит, как он счастлив – счастлив как вот король, что только что проехал.

Н.В. Иногда в карете никого не бывает. Это для виду – король ходит пешком.

II АКТ

[I Картина]

Та же комната, что в первом действии. Так же закутанный в пестрый плед, сидит Тременс у огня. У ног его на шкуре лежит плашмя Элла и, подперев лицо руками, читает. Ганос, очень бледный, с прядью волос на лоснистом лбу, раскладывает пасьянс. Тременс доканчивает фразу – все о том же: о хаосе. Элла захлопывает книгу, встает, потягиваясь; говорит, ни к кому не обращаясь: «А я невеста». Искоса взглянула на Ганоса. Он мешает колоду, смотрит на часы. Элла обращается к нему: «Что же вы меня не поздравите?» Ганос рассеянно улыбается ей. Снова тревожно взглянул на часы. Встал, прошелся по комнате. Тременс заговорил о любви – грубо и пламенно, как всегда. Ганос, хрустя пальцами, ходит по комнате. Повернулся на каблуке к Элле, которая устало поправляет прическу, глядясь в наклонное зеркало. «Элла, принесите мне стакан воды, прошу вас...» Тременс засмеялся трескучим смехом, встал перед камином, сильно забило его. Как только Элла вышла, Ганос обращается к Тременсу, прося его, умоляя услать дочь, ибо сейчас должны прийти Господин Морн, Эдвин и Дандилио, арбитр дуэли, о которой он, старик, не знает. Тременс, дрожа от вечной своей лихорадки, пожимает трясущимися плечами, отвечает: «Пусть она привыкнет видеть смерть». Ганос смотрит на часы, осталось десять минут до назначенного срока, умоляет Тременса. Тот качает головой, потирает руки перед огнем. Входит обратно Элла, осторожно неся на подносе стакан воды и изображая театральную субретку{33}. Ганос судорожно пьет, умоляюще смотрит на Тременса, на часы стенные и опять на Тременса, который сел снова в кресло и прикрыл глаза... Элла быстро подходит к Ганосу, старается успокоить его, думая, что причина его тоски – уход жены. Рассказывает, что читала только что, как женщина ушла от любившего ее, а затем вернулась. Тременс, не открывая глаз, нехорошо улыбнулся. Ганос сел у стола, ерошит волосы, сыплет сквозь пальцы карты. Элла тоже стала волноваться, тоже смотрит на часы, на мигающий маятник. Тихо спрашивает у Ганоса: «Да? Нет?» Ганос, барабаня пальцами по стулу, отвечает: «Да... да... да». Элла быстро и тихо

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru говорит ему: «Знаете, что я загадала? Меня ждет Кляйн у себя. Если я пойду, то уже неизбежно стану его женой. Понимаете? И вот вы сказали: да! Так. Я пойду». Ганос просветлел, странно просиял. Повторяет: «Да, да, да, идите... пока не проснулся Тременс». Элла взглянула на Ганоса, изменилась в лице. «Нет, – говорит, – отец меня не отпустит. Папа, я должна уйти». Тременс открыл глаза, снова улыбнулся, говорит, зябко потягиваясь: «Останься, Элла. Почитай мне что-нибудь». Элла обернулась к Ганосу. Тот, вцепившись в стол, жарко шепчет ей: «Да... да... так нужно». Тременс повторил: «Я говорю тебе, останься». Но Элла сорвалась с места. Посмотрела на отца, кинула: «Нет, папа, я должна», – и вышла. Ганос тяжело дышит, говорит: «Теперь легче». Тременс кричит: «Элла, Элла...» Ганос: «Нет, дверь внутрь захлопнулась». Тременс: «Что же, будь по-твоему». Снова закрыл глаза. Пауза. Монолог Ганоса. Пауза. Входит слуга, вводит Господина Морна и Эдмина. Тременс встал, Ганос отошел к камину, греет руки, стоя спиной к остальным. Тременс, дрожа и шурясь, здоровается с Морном и Эдмином. Эдмин спрашивает: «Что же старика еще нет <?> Пора». Тременс, вглядываясь в Господина Морна, говорит: «Странно, я как будто где-то видел вас, не знаю...» Проводит ладонью по лбу. Отходит к огню, сел в кресло. Морн искоса усмехнулся, сказал: «Что же, подождем». Тихо ходит по левой стороне комнаты, заложив руки за спину, осматривает темные картины на стенах. Все четверо ждут. Налево – Господин Морн и Эдвин. Направо – Тременс и Ганос. Морн и Эдвин тихо переговариваются между собой о стихах, о картинах и т. д. Стрелка часовая движется. Тременс, зевнув, спрашивает: «Что же, видно, судьба ваша не придет», Морн спокойно засмеялся. Тременс опять зевнул. Стал говорить о смерти. Ганос почти крикнул: «Перестань, прошу тебя». Он и Эдвин волнуются больше всех. Стук в дверь, все взглянули. Входит слуга. Ганос вздрогнул, напрягся. Тременс затрещал смехом. Слуга ставит на стол вино, рюмки. Тременс приглашает отпить. Один Ганос не пьет. Снова входит слуга, впускает Дандэлио. Старик весел, как дитя, радостно и доверчиво щурится на всех, здоровается. Ставит на стол белую коробку, перевязанную цветной лентой, – конфеты, принесенные им для Эллы. Спрашивает, где она. Тременс отвечает: «Ушла, и все тут». Старик пьет вино, шутит, лукаво поглядывает на всех. Морн шутит вместе с ним. Тременс наслаждается напряженным состоянием Ганоса и Эдвина. Эдвин не выдержал. Подходит к старику. Говорит: «Тут у нас вышел спор, кому платить за ужин и т. д. Будьте добры завязать узел на платке и протянуть господину Морну и господину Ганосу два ушка, зажав платок в кулаке». Старик блеснул на всех очками, говорит беспечно: «Нет, что вы, я сам заплачу...» Тременс грубо говорит: «Коли просят они, слушайся их, старик». Дандэлио вытаскивает просторный платок в клетку, повернулся спиной к зрителям, обернулся, протягивает кулак: «Ну что же, тащите». Ганос сорвался с места, вытащил, хрипло крикнул: «Пустое, Морн, узел ваш». Морн схватился за ручку стула, но продолжает улыбаться. Тременс привстал, зевая, и, сгорбленный, поправляет на плечах плед. Ганос, шатаясь, отошел к камину, бормочет что-то: «Я не могу... <не> могу». Эдвин схватил Морна за руку, заглядывает ему в глаза нежно. Старик, стоявший посередине комнаты, вдруг рассмеялся, показывая платок, на котором узла и не было. Закружился на одной ноге, помахивая платком, смеется: «А узла и нет, узла и нет...» Эдвин кинулся вперед, страстно говорит, обращаясь к Морну и к Ганосу: «Господа, это сама судьба, слепая судьба, не знающая, что она делает. Она пощадила вас, послушайте ее». Морн сложил руки на груди. Ганос закрыл голову руками. Тременс тяжело вскочил: «Давай платок<!>». Старик: «Простите, у меня насморк» (сморкается). Ганос истерически захохотал, захлебывается. Тременс оттолкнул старика. Плед с плеч его сполз. Он очень худ. Вынул свой платок. У всех на виду завязал крупный узел. Протянул костлявый кулак. Морн и Ганос оба разом подошли, выхватили ушки. Ганос, посмотрев, закачался, рухнул в обмороке, стянув скатерть со стола. Посыпались карты. Господин Морн, держа в руке платок, говорит: «Узел у меня». Тременс: «Он больше вас испугался». Старик под руки держит Ганоса (говорит: «Ганос, Ганос, успокойся. Ты был спокойней, когда жена твоя... да, да, я знаю все, я знаю все»), который сразу очнулся. Тременс к Морну: «Не стреляйтесь, пожалуйста, здесь». Морн поклонился. «Сегодня в полночь я выполню условия дуэли». Швырнул скомканный платок на пол. Вышел с Эдмином. Тременс сел в кресло, прикрыл глаза. Старик сидит у стола, бережно раскладывает пасьянс. Ганос ме-чет<ся> по комнате – сумасшедший диалог{34}: «Я погубил мир целый за тебя...» Входит Элла, снимая шляпу на ходу, вяло встряхнула головой. Дандэлио потянулся к ней. Она всхлипывает, говорит: «Все кончено, я отдала свой дивный мир». Тременс улыбается во сне. Ганос поник в кресле налево.

II Картина

Кабинет короля во дворце. Три громадных окна. В проймах тяжелых штор морозная звездная ночь, черные тонкие сучья среди звезд. Дубовый письменный стол посередине, боком. Налево и направо двери. Когда занавес поднимается, на сцене

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru темно. Затем дверь, что налево, открывается, и входят две фигуры. Та, что поменьше и потоньше, зажигает электрическую лампу на столе, под опаловым куполом абажура. Видно: это Господин Морн и Эдмин, оба в шубах. Эдмин обращается к Господину Морну как подданный к королю. Морн во всех движениях своих – властителен. Их разговор. Господин Морн (король) твердо и почти весело отдает последние приказания относительно наследника – племянника его, которого воспитывают мудрые старые сенаторы, – относительно Мидии, относительно государственных бумаг и т. д. Затем все так же бодро прощается с Эдмином, просит его пройти в спальню направо. Теперь Господин Морн один. И внезапно вся его бодрость исчезает. Он из особой породы трусов. Трус, который на людях, в минуты волнения и блеска способен на величайшие подвиги, на веселье безумца. Но теперь в пустой, одинокой, огромной комнате он чувствует, что сил нет в нем исполнить условие поединка. Сперва с какой-то брезгливой решительностью – еще играя перед самим собой – он выхватывает из ящика стола небольшой черный пистолет и тотчас же опускает его на стол. Монолог Морна. Он вспоминает то громадное, романтическое царство, которое он создал, вспоминает простую сладость жизни. Знает, что если он себя не убьет, то не сможет остаться королем. Мысль о том, не подослать ли убийцу к Ганосу или попросту схватить его – как беглеца из ссылки, приходит к нему, но сразу же исчезает. Морн – трус благородный. Снова он берется за пистолет, снова опускает его. Просматривает бумаги на столе, говорит о них с любовью. Ходит по комнате. Схватил телефонную трубку, звонит к Мидии, держа в другой руке пистолет. Если б Мидия откликнулась, то он нашел бы в себе силы застрелиться, ибо это было бы подвигом в ее глазах. Но ответа не следует (номеров телефонных нет в столице, вместо них как бы названия стихотворных сборников – «светлое озеро», «белая ночь» и т. д.). Он бросает трубку, снова садится за стол, прикладывает в третий раз дуло к виску... и затем решительно встает, подходит к двери направо, зовет: «Эдмин!» Снова зовет – плачущим голосом: «Эдмин!» Эдмин входит. Господин Морн стоит спиной к нему посреди сцены, говорит, словно дитя: «Я не могу...» И затем начинает объяснять Эдмину, почему. Но дает не истинную, коренную причину (боязнь и т. д.), а причину побочную: любовь к Мидии. Эдмин понимает его, так как сам волнуем глубоко возлюбленной своего короля и друга. Он даже видит великолепное геройство, неслыханную доблесть в том, что король готов пожертвовать царством ради жизни, то есть ради Мидии, которая умерла бы без него. Эдмин просит Морна взять его с собой, несмотря на то, что Морн просит его остаться, ибо опытом своим он поможет государству, – быть может, предотвратит мятеж и развал. Просьбу же его Морн, конечно, понимает так, как Эдмин хочет быть понятым, то есть как желание не покидать короля; личность ставится выше целой страны в обоих случаях: Морн, по понятию Эдмина, отдает царство за женщину, Эдмин, по понятию Морна, отказывается от долга своего по отношению к государству ради друга. Оба лгут. Эдмин просто не может жить без Мидии. И Господин Морн медленно наполняется обычной своей радостной бодростью, как бы убедив себя, что все именно так, как понял Эдмин, а это – подвиг. Господин Морн решил бежать. Эдмин должен будет тотчас же отправиться к Мидии (которая к тому же давно молила Морна увести ее) и с ней приехать на вокзал, где будет ждать их Господин Морн. Морн решил никаких объяснений не оставлять и как бы предаться молве. Он берет только чемодан, заполняет его бумагами, ценностями, украдкой сует туда же пистолет – и вот готов. Но тут – Эдмин прислушался. Слева, за дверь (то есть с той стороны, откуда вошел он, и там тайный выход прямо на улицу. Такой выход избирает король, когда не хочет пройти через главную дверь, где всегда стоит дворцовая стража), послышались шаги. Господин Морн потушил свет, метнулся к окну. Он и Эдмин прыгают в звездный сумрак. Слева входит старый лакей в пышном фраке, в белых чулках. Говорит, что послышались ему голоса – словно король дома и вот надо его «уложить». Зевает в ладонь. Прикрывает раму окна, качая головой: стар, мол, забыл запереть. Его сонный монолог. Он подходит к двери спальни – направо. Слушает <стоя> боком. Ему кажется, что король уже спит. Тихо и дремотно проходит обратно, справа налево, через сцену.

III Картина

Мутная полоса зари, но еще темно. Горят газовые фонари. Часть станционной платформы. Холодный длинный блеск рельсов. Снег на шпалах, на навесе. Господин Морн с чемоданом, в черной шубе. Его монолог. Он понимает весь ужас того, что он делает – но старается забыть, что он король, говорит себе: «Я просто Господин Морн, бегущий на юг с чужой женой». И, как преступник, он долго и невнятно объясняет носильщику, который предложил свои услуги, что он деловой человек, что едет туда-то и вот ждет международного. Носильщик заспанный, озябший, глуховатый, но Господину Морну кажется, что он на него посматривает подозрительно. Резко гонит его. Проходят двое других ожидающих поезда – господин

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru и дама, – господин вежливо спрашивает у Морна: «Позвольте закурить». Морн бегонется опять. Те проходят. До поезда осталось всего несколько минут. Морн бесконечно волнуется. Уже носильщики прокатывают сундуки на железных тележках. Начальник станции прошел, зевая в кулак... (№3. Дворец короля находится за городом, так что это не столичный вокзал, а просто платформа под навесом). Толчками движется стрелка станционных часов. Черные тучи заволокли узкую зимнюю зарю. Морн ходит взад и вперед. Его монолог. Неужели Мидия и Эдвин не приедут? (Это опять ожидание – мотив первой картины.) Мелодично пролетел звонок. Далече вспыхнули два круглых желтых огня и третий, повыше их, – алый. Это поезд. Морн засмеялся безнадежным смехом. Кругом обычное станционное волнение, но притушенное сумерками, холодом. Круглые огни растут, близятся. Внезапно пробегают по платформе Мидия и Эдвин. Мидия кидается к Морну, обнимает его. Быстрый, страстный разговор. Огни растут.

III АКТ

I Картина

Угол площади. Солнечный морозный день. В отдалении легкая тугая трескотня перестрелки. Вдоль углового дома крадутся встревоженные люди. Голоса. Никто ничего не может понять. Порхают нелепые слухи. Пробегают солдаты, ложатся, стреляют вдоль площади. Скрываются. Суматоха горожан. Старичок Дандилио семенит бесстрашно через площадь, приговаривая что-то свое и бережно неся в руках конус, обернутый рогожей. Рогожа сползает, видно – это большая клетка и в ней громадный, невозмутимый яблочко-зеленый попугай. Старичок торопливо поправляет рогожку, приговаривая что-то, и проходит. Бегут навстречу испуганные горожане, один без шапки. Их возгласы. Перестрелка вдали смолкла. Вдоль стены проходят Клиян и Элла. Клиян крепко трусит. Дать почувствовать разницу между его трусостью и трусостью Морна. Элла радостно встревожена. Кровь отца как бы восклицает в ней. Из их слов – так же, как из предыдущих возгласов – только одно понятно: где-то стреляют, где-то мятеж. Клиян тянет Эллу обратно домой. Она сопротивляется. Их догоняет Тременс, весь пылающий, взволнованный, в распахнутой шубе. Он молча машет Элле и Клияну, уходите, мол, и радостно пробегает по направлению вновь застучавшей перестрелки. Элла рвется за ним, но Клиян, решительно сгорбясь, уводит ее направо. Сцена пуста, затем слева, размахивая тростью, не обращая никакого внимания на спящих людей и на дальние звуки барабанного боя и выстрелов, машистой, но неверной походкой проходит Га-нос – пьяный. Он всходит по ступеням крыльца (углового дома), садится на каменный выступ, чертит снег тростью, судорожно закидывает голову. Его монолог. Он только что был у Мидии, жены своей, хотел было в последний раз умолить ее (ведь Морн теперь убит – Морн! Морн! – а вовсе не король. Кто говорит, что Морн – король? Бред! Бред! Просто Господин Морн, осужденный на смерть. И Ганос бросает шапку оземь, как мужик во хмелю...), умолить хотел ее, а нашел пустой дом и письмо Мидии, в котором она пишет ему, что вот уехала одна, навсегда, навеки, просит не разыскивать ее... Отчаяние Ганоса как бы снутри разогрето и окрашено вином. Его несколько раз прерывают всполошенные прохожие, стараются его убедить, что вот стреляют – опасно... Он в громадной пьяной тоске отмахивается. Он ничего не признает, кроме личного своего горя. Снова вбегает Тременс, потный, медно-блестящий, с прядью черно-седых волос, выбившейся из-под бобровой шапки. С ним взволнованные солдаты и офицеры, которых он посылает куда-то. Повернулся на каблуке, как человек, у которого тысяча дел, которые надо быстро разрешить. Заметил Ганоса. Тот припал к его плечу, выпаливает рассказ об окончательном уходе жены. Тременс еле слушает его, не замечает сперва, что Ганос пьян, и в радостной тревоге начинает говорить о том, что происходит. Дело сводится к следующему. По слухам, короля задушили честолюбивые старики-сенаторы. Толпа восстала за своего короля против дворянства и сановников. И вот Тременс улучает момент, чтобы пустить восстание по тому пути, о котором он давно мечтал. Тременс дышит полнее в этом воздухе смуты и суеты, он освободился от своей лихорадки, как бы передав ее городу. Он знает, что добьется того, что каждый будет против каждого, и тогда великолепно рухнет стройное государство. Ганос сразу трезвеет, сразу сообразил это, о чем он раньше как-то не думал, ибо Морн для него был просто соперник, а не король. Он сообщает теперь, что король застрелился, скрывшись куда-нибудь. И так <как> Ганос человек единой мысли, то, уцепившись за одну мысль, он развивает, углубляет ее, а отнюдь не старается найти каких-либо противоположных мыслей: он не умеет сомневаться. И весь его путь был таков: 1) он верил, что жена ждет его, любит его; 2) он сразу понимает, что она ему изменила; 3) он, говоря с Эллою, верит, что жена «перебесится» и позволит пока хотя бы видеть ее; 4) он понял, что она совершенно для него потеряна (во время этих четырех стадий король был, главным образом, соперник, и Ганос подавлял в себе те чувства благоговения перед гениальным властелином, которые вызывала в

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru нем просто внешняя причина – голос, вид, походка, весь облик яркого господина Морна). А теперь еще одна стадия: 5) жена забыта – все заглушает новое чувство, исполинское какое-то чувство, что вот из-за него, Ганоса, погибла его дивная, мелодичная родина. Таким образом, он сперва видит только следствие, и в этой картине его, главным образом, занимает именно оно. А через него, то есть через следствие, он приходит к причинам, и это стадия 6) Ганос понимает, что он преступник, так как заставил застрелиться того человека, который столько сделал для отчизны и еще рос, обещал новые достижения. Находясь в пятой стадии, он и отшатывается от Тременса, предлагающего ему помочь разрушенью – и тут, когда Ганос отрезвился, Тременс видит, что он пил – и вскользь упомянув о поединке и Мидии, покидает его, спешит куда-то, сказав, что, когда Ганос выпится, пусть придет он туда-то. Ганос остается один на площади. Опять вдали вспыхнула перестрелка. Ганос вступил в свою шестую стадию. Безмерное отчаяние. Снова пробежала толпа (со знаменами). Толпа захлестнула его.

III Картина

Большая комната в вилле. В глубине налево большая стеклянная дверь, выходящая на открытую белую террасу. Направо высокое окно с подушками на очень низком подоконнике. За стеклами видны тусклые, озябшие пальмы, качающиеся на ветру. Серая морось южной зимы. Утро. Спиной к зрителям, показывая белый нежный затылок, сидит Мидия у столика с выгнутыми ножками и пишет. Ее слова. Стук. Входит с террасы благодушный почтальон – принес газеты. Мидия дает ему запечатанное письмо, которое при нем же dokonчила. Почтальон ушел. Мидия заламывает руки перед окном. Ее слова (она все написала мужу): тоска и новая надежда. Входит Эдвин. (Слуга принес кофе, поставил на стол <который> стоит посередине комнаты.) Войдя, Эдвин издала здороваается с ней (он живет в той же вилле и вот сошел к утреннему завтраку), долго и молча взглянув сперва{36} на Мидию, стоящую к нему спиной. Она не ответила, не обернулась, застыла с раскинутыми, как крылья, локтями (она в легком кружевном просторном платье с широкими открытыми рукавами). Эдвин рывком берет газету, разворачивает, восклицает, читая вслух о том, что на родине небывалый мятеж и у власти стоит безумный Тременс. Мидия круто оборачивается и, вовсе не вникая этим страшным вестям, начинает говорить о своей тоске. Эдвин пытается занять и ее и себя чтением газеты. Она прерывает его. Он не выдерживает, предупреждает ее, что она, мол, давно знает, что ему очень трудно спокойно говорить с ней. Она опять прерывает его. Эдвин, потеряв голову, обнимает ее. Она блаженно изогнулась, выпал гребень. Эдвин, как человек, который долго и напряженно сдерживался, <весь согрелся?>, умоляет Мидию бежать с ним, наступил на газету, вспомнил, спохватился, сжал голову, восклицает, как низко он поступает по отношению к Морну, к другу своему. Мидия пламенно говорит о том, как Морн опустился, потускнел непонятно; то, как ребенок, сердится, то мрачно поникает, как старик, и кричит во сне, даже ходит. Входит Морн. Мидия отошла от Эдвина, дрожащей рукой разливает кофе. Морн – в халате, неряшлив, небрит. Берет газету, пробегает глазами, бросил, в тоске сел у накрытого стола, мнет волосы рукой. Эдвин не глядит на него. Мидия деланно и быстро говорит о пустяках. Морн заметил гребень на полу и бледность Эдвина, и блеск в глазах Мидии. Как все люди с нечистой совестью, он болезненно подозрителен. Сказал: «Тут словно возился кто-то». Эдвин встал, не отвечая на странный взгляд Морна, сказал: «Я уезжаю». Мидия, встретив взгляд Морна, говорит: «Я уезжаю тоже...» И начинает ему признаваться во всем: в том, что ошиблась, не может жить в какой-то унылой дыре с ипохондриком и т. д. Эдвин отошел к двери террасы, стал спиной. Морн все понял. Говорит Мидии: «Уезжай тотчас». Она выходит из комнаты, спокойно согласившись. Эдвин все стоит у окна. Морн говорит: «Спасибо, Эдвин». Тот бросается к нему, объясняет, просит прощения. Морн понимает, что это – кара. Кроток и спокоен. Но говорит: «Прошу тебя, уходи, я не могу, ведь мне очень тяжело видеть тебя». Эдвин, зарывав, уходит (он тоже – обманщик). Морн один. Вдруг превратился в зверя – топчет газеты, мечется по комнате. В дорожном платье, в синей вуали, входит Мидия с открытым чемоданом, сует в него разные безделушки с этажерок и т. д., не глядя на Морна. Затем Морн, снова как-то светло и лирически поникнув (не униженно, как Ганнос), начинает ей помогать. Их тихий разговор. Одно мгновение Морн открыл было Мидии, кто он, но спохватился, промолчал. Продолжают тихо собирать вещи. Через комнату горничная и лакей проносят сундук. Снова Морн и Мидия одни. Тихо прощаются. Мидия склонилась, просит прощения, говорит о глазах Эдвина. Уходит. Морн постоял посередине комнаты. Затем быстро вышел на мокрую от дождя террасу. В глубине, в проеме открытой белой двери виден он, стоящий на балюстраде: он глядит вниз, медленно поворачивая голову слева направо, как человек, следящий за уходящим. Затем, бережно закрыв за собой стеклянную дверь, он возвращается в комнату, платком вытирает волосы, намоченные косым дождем, начинает аккуратно

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
прибирать комнату, задвигает ящики и т. д. Его монолог: тихая и бесконечная
скорбь. Все рухнуло. Но убить себя он не в силах.

III Картина

Кабинет короля во дворце. Яркая оттепель. В углу окна видны крученые прозрачные бирюзовые сосульки. С них стекают алмазные капли. В прежнем королевском кабинете, в сизых волнах папиросного дыма сидят пятеро: Тременс, Клиян и еще трое. Только что окончилось чрезвычайное заседание. Разговор о том, что романтика в стране еще осталась: ходит в народе легенда, что король жив, вернется. Ее нужно вытравить, задушить – романтику эту, Тременс уверен, что он это сделает. Ему возражают: мечту убить невозможно. Трое уходят. Клиян говорит Тременсу о том, что Ганнес, когда-то самый рьяный из заговорщиков, теперь не желает принимать никакого <участия> в делах. Тременс отвечает, что он как раз послал за Ганнесом. Клиян – всецело орудие Тременса. Это слабый, трусливый, речистый человек. Тременс ему дает поручение, тот уходит. Тременс один. Его монолог. Он достиг своего, только вот эта сказка, что живет в глубинах народа, тревожит пламенного истребителя. Входит Ганнес. Он находится в шестой своей стадии: в экстатическом и скорбном настроении, он волнуем раскаяньем и громадной любовью к королю, им погубленному. Слушая смутную его речь, Тременс приходит к заключению, что Ганнес сошел с ума (сперва пьяный, теперь безумный). Ганнес просит Тременса простить его. Входит Элла и, слыша обидные и жестокие слова Тременса, закрывает ему ладонью рот. Входят к Тременсу люди, зовущие его на собрание. Ганнес и Элла остались одни. Ганнес в стадии 7). Он говорит о том, что собирается в монастырь, ибо на душе его громадный грех. Он чувствует милосердную нежность ко всему: к легкой, взволнованной Элле, к бирюзовому текучему льду в окне – и даже к грозному Тременсу. Элла просто и почти спокойно признается ему в том, что она любит его, говорит, что искала забвения в гражданской буре – но вот теперь поняла: 1) как не прав, как преступен отец; 2) как некрасив, незвучен мятеж; 3) и как глубоко и беззаветно любит Ганнеса. Он говорит ей, какую нежность он к ней чувствует, но объясняет, что жизнь его кончена. В жизни для него осталась только лучистая печаль, мучительная прозрачность. Элла, как бы вспомнив, вынимает из мешочка письмо: «Я к вам заходила, захватила письмо, которое вам пришло, лежало на вашем столе». Ганнес берет: почерк Мидии! Короткий монолог Ганнеса. Он рвет письмо, не читая. Элла чудесно повеселела, а Ганнес потух. Возвращается Тременс, разгоряченный, довольный. Элла к нему весело ластится. Ганнес хмуро отвечает на шутки Тременса. Тременс сел у стола, пишет. Элла смотрит через его плечо. Входят другие корявые возбужденные люди. Внезапно Ганнес кидается к столу, хватает из-под него корзину, роется в ней, находит и складывает вместе разорванные лоскутки. Его обступили. Он кидается вперед – он все понял. Кричит бессвязные слова, что он обманут, что прольется, прольется кровь!.. Обращается к Тременсу. Говорит, что уезжает за границу. Тременс пожимает плечами, говорит друзьям: «Уберите этого буйно помешанного». Ганнес уходит – он в 8) стадии, тождественной с 2), но еще более острый: опять жена, опять соперник, только соперник, которого нужно убить. Тременс заговорил с подчиненными о делах. Клиян косится на Эллу, которая поникла, плачет.

IV ДЕЙСТВИЕ

I Картина

Сад, облитый металлическими потоками луны. Синеватый гравий, черные кусты. В глубине – терраса виллы, белесая балюстрада и справа ступеньки, веером заворачивающие вниз. За террасой – стеклянная дверь. Из сочной черноты цветущих кустов выходит на лунный гравий фигура Ганнеса. Он принужден ждать утра, чтобы войти в дом и убить Господина Морна. Проникнуть в спящий дом он не решается – слишком рискованно, примут за грабителя, расположение комнат он не знает – разбудит челядь. А ждать у себя в гостинице он не может – слишком привлекает его эта белесая каменная вилла, где (по словам им встреченного по пути почтальона) живет его соперник – не король, а хищный и хитрый соперник – этот Господин Морн, который сперва увлек, а затем бросил (так, по крайней мере, Ганнес понял из довольно смутного письма, им разорванного на клочки), бросил Мидию. Монолог Ганнеса. Его ожидание. Лунное наводнение. И вдруг, тихо поблескивая, медленно раскрывается стеклянная дверь на меловой террасе, появляется фигура Господина Морна в легких, светлых ночных одеждах (белые шелковые штаны и такая же рубашка) и, с медленной гибкостью поднявшись на белую балюстраду, что тянется вдоль довольно высокой террасы, ступает босыми серебристыми ногами по балюстраде этой – блаженно и дико улыбаясь полной луне и чуть покачивая раскинутыми руками. Ганнес гакнул и выстрелил. Господин Морн засадался и соскользнул по ту сторону балюстрады. Пуля звонко вывездила стекло двери за террасой. Господин Морн, скрытый балюстрадой, свежо смеется, поняв, что вот он ходил во сне, что-то

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru разбудило его – и как хорошо, что он упал налево, а не направо, вниз, на крепкий гравий садовой площадки. Ганнес окликает его, подбежав к лестнице. Смех Морна затих. Он подымается из-за балюстрады и медленно и твердо начинает спускаться по ступеням к Ганнесу. Как все люди, только что проснувшиеся, Морн ясен и безбоязнен. Ганнес говорит ему: «Я смерть твоя, я пришел за тобой». Морн внезапно попятился назад, кричит: «Стреляй, стреляй, пока я не проснулся!» Меж тем на террасу из стеклянной двери выбежали двое полуодетых слуг. Ганнес спрашивает: «Ты боишься?» Морн: «Да, но я готов. Стреляй». Ганнес метнулся, выстрелил и тотчас же скрылся в лунной черноте. Господин Морн рухнул на ступень. К нему кидаются слуги. Поднимают его. Тревожно и суетливо переговариваясь, уносят в дом.

II Картина

Комната Дэндилио. Клетка с попугаем в глубине между двух окон. Голубые розы стенных обоев. По комнате, по серому ковру, шагает, мечется Клиян. Монолог из междометий. Он в безудержном, откровенно животном ужасе. Заглядывает в окно. Осторожно прикрыв за собой дверь справа, входит на цыпочках Дэндилио. Клиян, дрогнув, круто обернулся. Дэндилио: «Элла уснула». Клиян: «Что же это такое... Боже мой... Что же это такое...» Из их диалога выясняется: вспыхнул новый мятеж – против Тременса. Ибо пришла весть, что король жив, собирается вернуться и, по слухам, уже в пути. Романтической бурей чернь хлынула на диктаторов. Клиян и Элла бежали и вот нашли приют у тихого, ясного Дэндилио. Тременс еще борется где-то. Но бури не остановить. Народ уже занял дворец, выметает сор, моет окна, рассыпает цветы, готовя дворец к въезду страстно ожидаемого короля. Дэндилио мало занимает все это. Он весел и легок, как всегда, и только заботится о том, чтобы Клиян своими вскриками – вскриками затравленного, кружащегося зверя – не разбудил бы Эллы, уснувшей после бессонной ночи в соседней комнате. Дверь налево вылетает: в разорванном, окровавленном пальто тяжело врывается Тременс. Тременс: «Все кончено». Дэндилио: «Тсс... Элла спит». Тременс рассказывает, как ему удалось бежать от законных мятежников; как старики уже собрались в сенате; как толпы на площадях поют песни, сочиненные королем. Клиян жалок Тременсу в своей трусости. Сам Тременс холодно принимает неудачу и почти неизбежную гибель. Лихорадка снова трясет его. Выходит из двери направо Элла. Бросается к отцу. В первый раз за всю трагедию он обращается с нею, как отец с дочерью. Продолжает рассказывать: пришла достоверная весть, что король, бежав с женщиной, им любимой, но имени которой не знает никто, прожил вот эти три месяца за границей, и теперь объявился и будет назад. Элла начинает в глубокой тоске соображать что-то. У ней вырывается имя Морна. Тременс мучительно дрожит от лихорадки, трет лоб рукой. Дэндилио спокойно и весело рассказывает, что однажды в передней у Тременса он видел двоих вошедших, из которых один обращался к другому «Ваше величество», не заметив Дэндилио, который зашел за вешалку. Тот, к которому так обратился говоривший, рассмеялся чему-то и стал подниматься по лестнице, другой остался внизу на улице{37}. Дэндилио оста<ва>лся спрятанным, пока «его величество» не сошел вниз. Тогда, как, может быть, Тременс вспомнит, он, Дэндилио, зашел к нему, но Тременс ничего не сказал ему о своем госте. Теперь Тременс, слушая беспечный рассказ Дэндилио, начинает все понимать. «Морн, Морн!» – кричит Элла. Дэндилио весело кивает. Тременс вдруг проясняется, тихо говорит старику: «Но ведь помнишь дуэль? Он ведь должен <был> убить себя». Дэндилио спокойно кивает головой: «Жизнь сильнее смерти». Клиян, за все время этих разговоров – не принимая в них никакого участия – мечется по комнате, подходя то к одному, то к другому – спрашивал, заклиная бежать. И все по-своему отталкивают его. Элла, поняв, что Морн завлек жену Гануса (и теперь узнав об их столкновении), прониклась сразу женским истерическим презрением к личности короля (перед которым она благоговела, несмотря на ее участие в работе отца – каковое участие имело другую подкладку: забыться). У Эллы только одно – любовь к Ганусу. У Тременса: холодная улыбка, холодное сознание гибели и вот теперь какое-то злорадное чувство, основанное на том, что король такой же слабый человек, как все, и что рано или поздно эта слабость скажется и в управлении его, ибо каждая духовная черта в человеке должна – хоть будь она ревностно таима – выразиться когда-то в каком-нибудь действии – в действии дурном, если черта эта дурная, в хорошем, если наоборот. У Клияна – все растущий страх перед смертью. У Дэндилио – спокойное и как бы лучистое отношение ко всему: для него все в мире – игра, всегда одинаково занятая, всегда одинаково случайная. Вот Клиян шарахнулся от окна. Кричит: «Идут, идут!» Метнулся в дверь направо. Тременс говорит спокойно дочери: «Только помни – молчи. И тебя тогда не тронут». Дэндилио сыплет зерно попугаю, щелкает пальцами сквозь решетку. Слева вошли пятеро солдат с офицером. Офицер подходит к Тременсу. Офицер: «Оружие». Тременс пожал плечами. Офицер обратился к солдатам: «Расстрелять». Дэндилио все играет с попугаем. Офицер с

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru пистолетом в руке подходит к нему. Спрашивает: «Вы кто?» Старик отвечает спокойной шуткой, объясняет наивно, что вот он, Тременс, его друг. Элла метнулась к отцу, который стоит посреди комнаты. Офицер, указав на Дэндилио: «Расстрелять». Элла, захлебываясь, закричала, что народ обманут, что король просто пошлый искатель приключений, похититель чужих жен, трус. «Расстрелять», – говорит офицер тем же тоном. Те втроем стоят посреди комнаты, вокруг – спокойные солдаты. Офицер толкает дверь, что направо, дулом пистолета, выходит. Через мгновение слышен отчаянный лепет Клияна, который клянется, что хоть он и принадлежал к мятежникам, но всегда стоял за короля. Офицер зовет солдат и пленных. Солдаты, Тременс, Элла и Дэндилио проходят направо. Слышен опять голос офицера: «Всех четверых расстрелять». Офицер затем выходит, проходит справа налево. Сцена пуста. За дверью направо слышно: дикий, нестерпимый вопль Клияна, который захлебывается, молит, клянется, рыдает. Два-три раза Тременс прерывает его холодным окриком. Нараспев вдруг заговорила Элла, выливая свою тоску, словно она одна и вот бредит. Выстрел – голос Эллы оборвался. Снова кричит Клиян. Выстрел. Клиян продолжает неистово вопить. Выстрел. Голос Клияна что-то тихо и как-то буднично говорит. Выстрел. Все тихо. Выходят и, как офицер, проходят справа налево солдаты, хмуро-спокойные. Сцена опять пуста. Затем слышно: стон справа, и ползком из открытой двери, зажимая грудь, тянется Тременс. Его прерывистый монолог: «Мечта, ты победила...» Упал ничком. Умер.

III Картина

Комната в вилле Господина Морна – только теперь в стеклянной двери, ведущей на террасу, звездообразная дыра от выстрела Гануса. Широкий солнечный день. Пальмы лоснятся. На террасе пятна солнца. Одна половина стеклянной двери – цельная – открыта. На кушетке у распахнутого окна лежит Господин Морн в черном шелковом халате с белыми отворотами. Голова – в черной повязке. У кушетки с бюваром в руке стоит Эдмин. Господин Морн необычайно весел и бодр, как человек, переживший тяжелую болезнь. Из их разговора выясняется следующее: Морн был только слегка ранен в голову пулей Гануса. Узнав о том, что будто бы грабитель напал на Морна (так поняли слуги), Эдмин сразу же пришел к нему и нашел прежнего, лучезарного властелина своего, который решил открыть тайну о том, кто он, и оповестить мир о своем возвращении. Эдмин тотчас же принял надлежащие меры. И вот на родине короля ждут, и весь мир потрясен романтическим подвигом короля, отдавшего царство за женщину (и при этом причину того, что вспыхнул мятеж видят не в этом побеге, а в нерешительности сената, который вместо того, чтобы... и т. д.). Король говорит Эдмину, что после выстрела Гануса (а с тех пор прошла неделя) он – свободен. А у бедного Эдмина горе, которое, однако, как бы заглушено радостью видеть в Морне опять короля и знать, что, как только доктора позволят, Морн как король вернется в свою страну, где снова налажен порядок, хоть и тут и там жестокость смирителей еще вызывает мятежи. Горе же Эдмина заключается в том, что Мидия, лукавая и лживая, ищущая в жизни только блеска и смеха, не любит его, хотя с ним и ушла. А Морну теперь Мидия не нужна, он весь полон новым планом, весь охвачен славой своего возвращения и едва слушает Эдмина, когда тот говорит о Мидии. Начинают являться посетители, сановники других дворов, изгнанники, бежавшие от буйства Тременса, а также и журнальные прониры, фотографы и т. д. Эдмин и слуги помогают Господину Морну перебраться на солнечную террасу, а в комнате толпятся люди, по одному впускаются к королю. Их разговор, расспросы. Эдмин рассказывает им о том, как король бежал, невольно приукрашивая действительность, и когда его тихо спрашивают, а где же она – героиня царского романа, он говорит, что она отказалась от любви короля, дабы он мог спокойно возвратиться и царствовать. Затем доктор говорит, что королю еще нужен покой, и посетители расходятся. На террасе видны: Эдмин у кушетки Морна, который продолжает отдавать приказы. В комнате пусто. Вдруг справа выходит дама в синей вуали – Мидия. Ее монолог. Она долго боролась с собой, раньше, чем <прийти?>. Эдмин замечает ее, идет к ней с террасы, где Морн задремал. Мидия говорит Эдмину, что ей нужно видеть Морна. Эдмин спрашивает: «Но скажи, любишь ли ты меня?» Она машет головой. У Мидии такая душа: она снова по-своему полюбила Морна, когда узнала, что он будто бы сделал ради нее. Тут, конечно, есть мысль, что вот король на ней женится и она станет королевой. Эдмин понимает это. Меж тем король на террасе своей проснулся, поднялся, входит в комнату. Одну минуту вид Мидии пробудил в нем соленое, острое воспоминание, любовь, музыку прошлого, но сразу же величавое и радостное настроение возвращается к нему. Эдмин, поникнув, уходит на террасу. Морн говорит Мидии о том, что будет делать, приехав обратно. Мидия говорит: «Я ошиблась. Я вернулась к тебе. Прости меня. Я только тебя люблю». Морн качает отрицательно головой: «Поздно, Мидия, я слишком горько думал о тебе, любовь моя умерла, не возбуждай ее опять. Мы будем оба несчастны». Мидия растерялась, заплакала, говорит о письме, которое получила от Гануса из

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru дальнего монастыря, куда он навсегда скрылся после неудачного (он знает, что он был неудачный, и об этом не жалеет) встрела. Король, видя ее растерянность, окончательно умиленный, обнимает ее. Говорит: «Пойди в свою комнату, в нашу комнату, там все осталось по-прежнему. Подожди меня там, я должен подумать». Мидия целует ему руку. Уходит, вся повеселев. Король зовет: «Эдмин!» – и опять: «Эдмин!» – и звучит та же плачущая нота, что звучала тогда, когда, не будучи в силах убить себя, <он> звал друга. Эдмин с террасы вернулся в комнату (он сидел на балюстраде, лихорадочно курил и глядел в сад во время разговора короля и Мидии) и молчит, не глядя на Морна. Морн стоит посреди комнаты, затем метнулся, замер вновь. Говорит: «Эдмин, ведь это все ложь!..» Эдвин: «Да, государь». Король: «Ты что сказал?» Эдвин: «Я говорю: она теперь влюбилась в твою корону». Король: «Я не про то, Эдвин, пойми, все ложь... ложь, не только любовь Мидии. Все». Эдмин: «Успокойся, государь...» Король: «Все ложь, обман необычайный...» Бесконечное отчаяние, непонятное Эдмину, завладевает королем. Эдмин не знает, что сказать. Монолог короля. Он говорит, что он, король-обманщик, обманул смерть, обманул судьбу и теперь будет тайно обманывать свою страну. «Ты создал мечту, государь...» – говорит Эдмин. «Мечта, – повторяет король тоскливо, – трусы мечты не создают». Он сел у стола. Эдмин не смотрит на него, занятый другой тоской – своей любовью к Мидии. Начинает о ней говорить – говорит, что и он обманывает теперь короля тем, что вернулся к нему, ибо, благодаря любви своей к Мидии, он тайно возненавидел соперника. Король отвечает ему односложно, занятый тем, что, вынув пистолет из ящика стола, вкладывает патроны; втолкнул обойму. Что-то щелкнуло. Эдмин быстро обернулся. Король улыбнулся, сказал последние свои слова, приложил дуло к груди – глухой выстрел – выпрямился король – и рухнул. Эдмин кинулся к нему. В дверях появилась Мидия, говоря что-то свое, житейское. Оцепенела, увидев.

[ЛИНИИ ПЕРСОНАЖЕЙ]

{38}Линия Морна – необычайно богата изломами – и душа его всегда искрится, играет, смотрит во все глаза: в минуту высшего отчаяния замечает смешную мелочь.

Линия Гануса – изломана тоже, но душа Гануса видит только данное свое чувство, данную мысль – как сложный глаз мухи видит только то{39}, на что обращена одна клетка глаза.

Линия Эдмина – глухая борьба благородства и лукавой любви – и все изломы ее построены на этих двух чувствах.

Линия Эллы – любовь, ищущая себе приюта или прикрытия – и не находящая ни того ни другого.

Линии остальных четырех типов куда проще, цельнее.

Тременс – весь – бунт, пламенный, бесстрашный, грузный.

Клян – краснобай и трус, но по-своему умеющий любить. Человек доморного времени. Скверный поэт.

Дэ<н>дилио – лучистый и легкий старичок, с душой, как одуванчик. Для него все – игра, всегда занятая, всегда случайная.

Мидия – лукавая любовница, льнущая к блеску" и к веселью.

[РАЗВИТИЕ ЛИНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ]

Линия Гануса

1) Вера – после тяжелого опыта – в гармонию жизни, в счастье и в людей. Душевная страстная легкость (I картина I акта и начало II картины);

2) Крутой перелом – боль от острых углов жизни, разочарование в счастье и страстная злоба против людей (середина II картины I акта);

3) Попытка вернуть счастье при помощи кротости и покорности. Любовь, победившая злобу (конец II картины I акта);

4) Скорбь, согретая кроткой надеждой и слепое желание как-нибудь удалить то, что надежде мешает (вся III картина I акта);

5) То же слепое желание уничтожить помеху – соперника–и борьба между этим

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
чувством и сознанием несказанной и бесконечной по своим последствиям
преступности такого уничтожения. Внешний упадок при внутренней борьбе (I картина
II акта);

6) Слепой хмель отчаяния: счастье ушло, несмотря на уничтожение помехи (начало I
картины III акта);

7) Сознание преступления при созерцании его последствий (середина I картины III
акта);

8) Сознание преступления как таково, сознание блистательной сущности
устраненной «помехи» (конец I картины III акта и начало III картины III акта);

9) Расширение этого чувства в экстатическое раскаяние, в лучистую безнадежность
(середина III картины III акта);

10) Вспышка прежнего желания счастья, прежней страстной любви и внешний упадок
(эпизод с письмом в III картине III акта);

11) Полное торжество страстной злобы, вызванной прежней помехой не как таковой,
а как воспоминание таковой. <Дух> борьбы <как в?> I картине II акта (конец III
картины III акта и вся I картина IV акта);

12) Освобождение духовное. Религиозная лучистость, как естественное продолжение
настроения в середине III картины III акта (его письмо в III картине IV акта).

Линия Эдмина

1) Чувство любви, заглушаемое благородством дружбы и верности королю (II картина
I действие);

2) Боязнь за жизнь друга и короля <и>

3) <Боязнь> уступок чувству любви к Мидии и внутренняя ложь под прикрытием все
того же благородства (конец II картины II действия);

4) Борьба меж чувством долга и любовью – и быстрое торжество последней, но
глубокое сознание вины (II картина III действия);

5) Попытка вернуться к другу, к королю – при сознании потери быстрого счастья
любви Мидии (начало и середина III картины IV акта);

6) «Он делает чистую грудь всего»{40}, как говорят англичане. Признается в
обмане, но ничего изменить не может (конец III картины IV акта).

Линия Эллы

1) Легкая девичья душа, цепкая, как цветень, летит к человеку, много
испытавшему, страстному и смелому (I картина I действия);

2) Борьба между воздушным влечением этим и влечением другим – острой, несладкой
страстью к грубому красивому мужчине с крикливой душой (II картина I действия);

3) Мечтательное влечение углубляется, переходит в жертвенную любовь при виде
чужого незаслуженного страдания (III картина I действия);

4) Но душа, видя, что любовь ее не нужна и безответна, закрывается, и горько
торжествует то другое чувство – прищуренная страсть, – которое живет в Элле, как
черта, переданная ей отцом (I картина II действия);

5) И в другом заговорила отцовская кровь и ж<ж>ение ее пытается заглушить любовь
к Ганусу (I картина III действия);

6) Но любовь прорвалась – и рухнуло отцовское наследие. Любовь эта беззаветна и
очень проста (III картина III действия);

7) Другая отцовская черта тоже нарушена благодаря жалкой трусост<и> Клияна, и
осталась только громадная любовь и неистовое презрение к тому, кто принес
столько горя Ганусу (II картина IV действия).

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
[ПЛАН РАННЕГО ВАРИАНТА]
<Действующие лица>
Господин Морн.

Возлюбленная его.

Друг.

Муж.

Предатель.

Легкий старик.

Министры, придворные и т. д.

I ДЕЙСТВИЕ

I Картина

Комната Предателя. Муж возвращается из ссылки – бежал. Является сразу к Предателю (Предателя всегда трясет лихорадка). Их разговор – о короле. Муж понял, что все они, то есть остальные крамольники, находящиеся в ссылке, и Предатель, их неуловимый вождь, поступают неправильно, идя против короля и его стройной и твердой власти. Предатель пытается снова зажечь в нем огонь мятежа.

II Картина

Вечерний праздник у Возлюбленной. Среди гостей – легкий старик. Наконец – беззаботный хохот за дверью, и входит Господин Морн – жданный гость. С ним его Друг. Идет кутеж. Затем гости расходятся. Морн и его Возлюбленная одни. Столкновение между Господином Морном и Мужем. Врывается Друг, который сторожил внизу, старается удержать Мужа. Господин Морн все весел. Друг шепчет Мужу о том, кто Господин Морн. Душевная борьба Мужа.

II ДЕЙСТВИЕ

I Картина

Дуэль «à la courte paille». Комната Предателя – секунданта Мужа. Сидят по двум сторонам комнаты – Муж и Предатель с одной стороны – Господин Морн с другой. Ждут. Является приглашенный – легкий старик, ничего не знающий о дуэли. Он шутит с Господином Морном, который беззаботен как всегда. Просят старика разрешить какой-то пустячный спор – для этого он должен завязать узел на платке и т. д. Тянут. Муж в порыве смертной тоски рухнул в кресло. Морн недвижим: это он вытянул узелок, т. е. должен стреляться. Говорит, что покончит с собою дома у себя в ту же ночь – должен еще привести в порядок кое-какие дела. Уходит с Другом. Разговор между Предателем и Мужем: второй все знает, но хранит тайну.

II Картина

Кабинет короля во дворце. Входят: Господин Морн (Король) и Друг его. Их разговор. Король еще бодрится. Затем прощается с Другом, который уходит в соседнюю комнату. Господин Морн вынимает пистолет из письменного стола. Монолог его. Он не может решиться. Звонит к Возлюбленной своей – но не может доб-иться?>. Ходит по комнате. Несколько раз приставляет дуло к виску. Садится писать, рвет, опять берет пистолет и т. д. Наконец зовет в дверь Друга – детским голосом говорит, что застрелиться не может. Осталось одно – бежать, покинуть тайком трон, царство. Еще раз он звонит к Возлюбленной, говорит, что он, Господин Морн (она ничего не знает кто он на самом деле – и о дуэли тоже не знает), решил увести ее. Она соглашается. Господин Морн назначает ей быть на вокзале в условный час. Затем, как вор, король с Другом своим бежит из дворца.

III Картина

На вокзале Друг просит его взять с собой. salle d'allente.[1] часы, пыльный ананас, кожаные диваны и т. д. Уезжают втроем.

III ДЕЙСТВИЕ

<I Картина>

Встреча Мужа и Предателя у решетки сада (зима, иней). Они случайно столкнулись. Муж говорит, что жена его бежала, оставив письмо, <где> говорит, что будет жить одна. Предатель сообщает ему то, что уже знает весь город, вся страна: король исчез, власти нет, все внезапно потеряли голову. То, прежнее царство, которое король создал после войн и мятежей, теперь должно рухнуть. Муж продолжает

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru хранить тайну. Он еще верит, что король застрелился – где-нибудь за городом. Предатель говорит, что пора начать действовать, забирать власть на <слово нрзб>. Муж отклоняется от какой-либо мятежной деятельности.

II Картина

За границей. Вилла на юге Земли. Большая комната с видом на веранду. Идет дождь, ветер. Пальмы зябли. Господин Морн, его Возлюбленная, Друг. Он несчастлив. Возлюбленная к нему охладела – оказывается она и Друг полюбили друг друга. Любовь в нем сильнее дружбы. Господин Морн делает последнюю попытку ее удержать – рассказывает правду, смешанную с ложью, т. е. открыв ей, что он король, он скрывает истинную причину своего бегства, представляя ей заключить, что он отдал царство за нее. Друг печально и твердо подтверждает эти слова. Но Возлюбленная после таинственных колебаний говорит, что все-таки она от него уйдет. Говорит также, что написала мужу письмо, в котором она во всем сознается и просит его простить ее и согласиться на ее второй выбор. Морн понимает, что теперь Муж узнает, где он и потребует исполнения дуэльного решения. Друг и Возлюбленная уходят – он кротко отпускает их. Теперь совершенно один. Но убить себя он не в силах. Дождь, ветер, пальмы качаются за стеклами, зябко и тускло.

III Картина

Бунт, развал... Предатель забрал власть. Цветущая страна испепелила<ла>сь. Кабинет во дворце. Муж всеми презираем за свое бездействие – хотя он является причиной всего. Он получил письмо от прежней жены. Он думает, что Господин Морн сам охладил и бросил ее. Он понимает из письма, что Морн еще жив и адрес тоже узнает – по штемпелю. Говорит Предателю, что он не может оставаться в стране бунта и крови. Его пытаются арестовать{41}.

IV ДЕЙСТВИЕ

I Картина

Металлически светлая лунная ночь. Кричат лягушки. Вид виллы со стороны сада – высокая терраса, ступени. Из цветущих кустов, хрустя гравием, выползает Муж. Его монолог. Ему удалось бежать из родной страны – и теперь он пришел совершить то, что король сам не в состоянии сделать. Он понимает{42}, что проникнуть в дом он не может и потому ждет дня, чтобы войти. Вдруг стеклянные двери, тихо блеснув, распахиваются, и на террасе появляется Господин Морн, босой, в легкой ночной одежде – белые шелковые штаны и открытая у шеи сорочка. Он ходит во сне. Тихо поднимается на балюстраду террасы и ступает по ней, раскачивая <?> рук<ами>, словно призрак. Муж стреляет. Звон разбитого стекла. Господин Морн, очнувшись, соскользнул с балюстрады на террасу – и заливается хохотом, поняв, что он ходил во сне. Муж окликает его. Господин Морн появляется на ступенях – прислушался. Их диалог. Морн говорит, что он готов. Муж стр<еляет>. Меж тем, уже выбегают слуги, слыша<в> выстрел. Муж, торопясь, стреляет опять – и скрывается в лунный сумрак. Господин Морн падает. Слуги обступают его, уносят в виллу.

II Картина

Комната в вилле с выходом на террасу. Ясный голубой и серебряный день. На кушетке, с головой, повязанной черным шелком, лежит Король – Господин Морн. Рана его уже заживает. Он очень весел и бодр – как человек, перенесший тяжкую болезнь. Теперь он свободен и может вернуться. Рядом с ним его Друг, который сообщил теперь всем кто Господин Морн. Из родной страны приходят вести о новых восстаниях – за короля – и весь мир потрясен тем, что открылось. Конечно, все видят в бегстве короля лишь волнующую романтическую любовь. Народ толпится в дверях – своеземцы-изгнанники, корреспонденты и т. д. Приходит Возлюбленная, которая просит прощения, говорит, что счастлива с Другом. Она же больше теперь не нужна Морну. Друг читает письмо, присланное тем, кто стрелял – письмо благородное и как бы извинительное. Морн уже начал рассылать приказы. Но в самый разгар его новой славы, он вдруг вскакивает (он один с Другом) и говорит: «Ведь это все ложь»{43}. Господин Морн стоит у стола. Друг говорит, глядя в сад. Господин Морн стреляет себе под левую грудь, падает меш<ком> на стол.

Примечания

Единственный раз «Трагедия» с ее прозаическим изложением была напечатана в журнале «Звезда» (1997. № 4) по тексту, подготовленному к публикации Сереной Витале и Эллендеей Проффер. Печатается по светокопии машинописного текста, имеющего несколько рукописных вставок и исправлений, и рукописному беловику, хранящихся в архиве Набокова (LCNA.[2] Box 12, fo1. 14–18), с учетом журнального текста.

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Первыми публикаторами была проделана большая работа по подготовке текста «Трагедии», однако сверка журнального текста с архивными текстами «Трагедии» выявила многочисленные искажения и пропуски, допущенные при ее публикации, что в первую очередь относится к рукописному изложению «Трагедии», представляющему собой подробный рабочий план пьесы. Несколько страниц из первого акта, отсутствующие в машинописном тексте, восстановлены по рукописи (беловик первых двух актов), также несущей следы незначительной правки. «Трагедия» сохранилась не полностью, отсутствуют фрагменты двух последних сцен (см. заключительный комментарий к «Трагедии»).

Для публикации в настоящем издании нами были подготовлены следующие тексты: план более раннего варианта «Трагедии» и рабочие материалы по разработке линий отдельных персонажей (рукопись).

Автограф страницы беловика "Трагедии господина Морна"

Сведения об источнике замысла Набокова, ходе работы над «Трагедией» немногочисленны и содержатся по большей части в пражских письмах Набокова в Берлин, адресованных Вере Слоним. Поскольку «Трагедия» во многом определила дальнейшие пути всего сирийского периода творчества Набокова и занимает совершенно особое место как в его поэзии и драматургии, так и в ряду других крупных произведений, написанных им в 20–30-х гг., а с другой стороны, о сложностях, с которыми столкнулся Набоков при ее создании, обстоятельствах ее написания, планах публикации и постановки известно очень немного (что объясняется крайне неудачно сложившейся судьбой этого произведения, не опубликованного при жизни автора и частично утраченного), нам представляется уместным изложить ее краткую историю, восстановленную по архивным материалам.

Начало работы над «Трагедией» приходится, по-видимому, на осень 1923 г. 25 декабря 1923 г. в берлинской газете «Дни» сообщалось, что Сирий работает над пятиактной драмой в стихах «Трагедия господина Морна». Набоков продолжил работу над пьесой в Праге в конце декабря 1923 – январе 1924 г. «Сейчас я работал, сидел у меня Морн, – писал он Вере Слоним в Берлин, – он просит передать тебе "сердечный привет"» (ВСНА. [3] Letters to Vera Nabokov. 30 декабря 1923 г.). К началу января 1924 г. у Набокова вчерне была готова большая часть «Трагедии»: «...я отсюда выберусь только 17-го – хочу кончить моего Морна – а то еще один переезд и он рассыплется. Это человек, который совершенно не переносит чувства новоселья. Вчера за весь день я написал всего две строчки, и то я их вычеркнул сегодня. Сейчас пошло неожиданно хорошо, так что завтра кончу первую сцену третьего акта. Я почему-то очень touchy [4] относительно этой вещи. Зато с каким наслаждением я читал ее двум людям – тебе и вот на днях маме. Третий человек, который понимал каждую запятую, оценивал мне дорогие мелочи – был мой отец. <...> Автомобили Карамаржа <sic!>, [5] его мраморная ванна, слуги – меня бесят <...> Мне, понимаешь, нужны удобства не ради удобств, а затем, чтобы не думать о них – и только писать, писать, и развернуться, гроыхнуть... А, в конце концов, кто знает, может быть оттого, что я пишу "Господина Морна" сидя в шубе на арестантской кровати при свете огарка (это, впрочем, почти поэтично) он выйдет еще лучше. Не терпится мне прочесть тебе пятую сцену. <...> Я за последнее время столько говорю пятистопным ямбом, что трудно писать прозу» (Там же. Письмо ошибочно датировано 3 декабря 1923 г., вместо, по-видимому, 3 января 1924 г.). Несколько дней спустя «Трагедия» уже близилась к завершению: «"Морн" растет, как пожар в ветреную ночь! У меня осталось всего две сцены сочинить, причем уже есть самый конец последней – восьмой – сцены. Я пишу Лукашу, что это все – блистательный пустяк – но не верю... Впрочем...» (Там же. 8 января 1924 г.); вскоре, однако, работа затормозилась: «Мне приходится отложить мой приезд в Берлин на неопределенный срок, ввиду бесконечной медлительности, с которой я работаю. Иногда после целого дня творческих потуг мне удастся написать всего две-три строки. Я выкинул из второй сцены рассказ Клияна и все, что относится к этому месту. Сейчас барахтаюсь в мутной воде сцены шестой. Устаю до того, что мне кажется, что голова моя кегельбан – и не могу уснуть раньше пяти-шести часов утра. В первых сценах – тысяча переделок, вычерков, добавок. И в конце концов буду награжден очередной остротой: "...не лишен поэтического дара, но нужно сознаться..." и т. д. <...> Но – дудки! Так развернусь, что, локтем заслонившись, шарахнутся боги... Или голова моя лопнет или мир – одно из двух» (Там же. Позднее 8 и ранее 17 января 1924 г.). В письме Вере Слоним от 10 января Набоков рассказывает о своей прогулке к Вышеграду, подробно описывает церковь Святых Петра и Павла и

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru «католическую скудельницу», после чего вновь возвращается к «Трагедии»: «Шел я по краю крепостной стены. Внизу в густом тумане лежала старая Прага. Громоздко и смутно теснились снежные крыши; дома казались свалены кое-как, в минуту тяжелой и фантастической небрежности. В этой застывшей буре очертаний, в этой снежной полумгле горели фонари и окна теплым и сладким блеском, как обсосанные пуншевые леденцы. В одном месте только виднелся алый огонек: капля гранатового соку. И в тумане кривых стен, дымных углов я угадывал древнее Гетто, мистические развалины, переулочек Алхимиков... А на обратном пути я сочинил небольшой монолог, который Дандилио скажет в предпоследнем действии <...> Все эти дни я нахожусь в напряженном и восторженном настроении, так как сочиняю, "буквально", не переставая» (Там же). 17 января Набоков сообщает: «Мне осталось полторы сцены до конца моей пресловутой трагедии; в Берлине попробую издать», – затем пишет о берлинской жизни, между прочим, предвосхищая свой будущий отъезд в Америку: «Когда же заработок мой лопнет – америкну, с тобою вместе» (Там же). Наибольший интерес представляет собой письмо Набокова от 24 января 1924 г., посвященное «Трагедии». Рассказав о хлопотах, связанных с переездом семьи на другую квартиру, он пишет: «Одно меня радует: послезавтра застрелится Морн – мне осталось каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят строк в последней – восьмой – сцене. Конечно, придется еще долго подпиливать и лакировать всю вещь – но главное будет сделано. <...> Я неизменно устал от своей работы. Мне снятся ночью рифмованные сны и весь день ощущаю привкус бессонницы. Толстая моя черновая тетрадь пойдет к тебе – с посвящением в стихах. Косвенно, извилистыми путями – подобными историй мидян – эту вещь внушила мне ты; без тебя я бы этак не двинул, говоря языком цветов. Но я устал. Когда мне было семнадцать лет, я в среднем писал по два стихотворения в день, из коих каждое отнимало у меня минут двадцать. Качество их было сомнительное, но я лучше писать и не старался, считая, что я творю маленькие чудеса, а при чудесах думать не надобно. Теперь я знаю, что действительно разум при творчестве – частица отрицательная, а вдохновение – положительная, но только при тайном соединении их рождается белый блеск, электрический трепет творенья совершенного. Теперь, работая по семнадцати часам, я в день могу написать не больше тридцати строк (которых я после не вычеркну) и это одно уже есть шаг вперед. <...> Я все тверже убеждаюсь в том, что the only thing that matters[6] в жизни есть искусство. Я готов испытать китайскую муку за находку единого эпитета, – и в науке, в религии меня волнует и занимает только краска, только человек в бачках и в цилиндре, опускающий – за веревку – трубу первого смешного паровоза, проходящего под мостом и влачащего за собой вагончики, полные дамских восклицаний, движений маленьких цветных зонтиков, шелеста и скрипа кринолина; или же – в области религии – тени и красные отблески, скользящие по напряженному лбу, по жилистым дрожащим рукам Петра, греющегося у костра на холодной заре...» Далее Набоков пишет о прочитанном им в газетах известии о смерти Ленина и о том, что он собирается пойти «проветриться к Марине Цветаевой. Она совершенно прелестная» (Там же).

Закончив «Трагедию» 26 января 1924 г., Набоков, по его словам, ощущал себя «как дом, откуда с тихим громом / громадный унесли рояль» (посвящение к «Трагедии господина Морна», цит. по: Б01.[7] С. 261). Вернувшись в Берлин, он пишет матери, что, помимо заказов на пантомимы и оперетты, у него появилась «еще одна театральная надежда – боюсь, менее сбыточная, чем остальные. Дело в том, что у Гессена будет устроено чтение "Трагедии господина Морна" в присутствии – между прочим – Шмитта <sic!> и Полевицкой, которая будто бы может в ней играть» (BCNA. Letters to Elena Ivanovna Nabokov. 31 января 1924 г.). Чтение, которое И. В. Гессен предложил устроить у себя на дому перед избранной публикой, включавшей театрального режиссера И. Ф. Шмидта и актрису Елену Полевицкую, не состоялось. Вместо этого в начале марта 1924 г. Набоков читал пьесу на другой квартире в кругу литераторов, критиков (Ю. Айхенвальд, М. Алданов, Л. Львов и др.) и знакомых, затем состоялось чтение в кафе «Леон» на очередном собрании Литературного клуба, образовавшегося вокруг Ю. Айхенвальда. Параллельно планам постановки «Трагедии», Набоков пытался (безуспешно) заинтересовать ею издателей: «Сунул я с моей трагедией к Гржебину... но оказалось, что он печатает по новому правописанию, что, конечно, мне не подходит. Тогда я обратился к Ладыжникову и есть надежда, что он примет. Ответ мне будет в понедельник – так как нужно четыре дня, чтобы прочесть эту махину» (BCNA. Letters to Elena Ivanovna Nabokov. 6 марта 1924 г.).

6 апреля в «Руле» появилась заметка, подписанная «Е. К-н» «Евгения Каннак», с цитатами из текста пьесы, которые мы опускаем:

«Трагедия господина Морна»

Под таким названием прочел В. Сирин на очередном собрании Литературного клуба свое новое драматическое произведение – трагедию в пятистопных ямбах, в пяти актах и восьми картинах.

Трагедия господина Морна – трагедия короля, который, подравшись инкогнито на дуэли а la courte paille с мужем возлюбленной, принужден застрелиться, но вместо этого, после страшных колебаний, решает бросить царство. Вместо покоя, бывшего короля встречают душевное смятение, измена Мидии, его возлюбленной, чудовищный мятеж, охвативший страну, и, наконец, выстрел прежнего соперника, настигшего господина Морна в его уединении. Раненный в голову, Морн оправляется и, уверив себя, что теперь он выполнил дуэльный долг, решает вернуться на царство. Романтическим блеском окружено его воскресение, но слишком много зла наделал его побег, и в мгновение наибольшей напряженности блеска и счастья он кончает самоубийством. Вся вещь так построена, что каждое драматическое движение того или иного лица отражается на всех остальных. Трагедия самого короля увлекает и Эдмина, нежного и безвольного друга Морна, с которым Мидия, пустая и страстная женщина, изменяет королю, и Гануса, мужа Мидии, <...> и Тременса, вождя крамольников, огненного разрушителя, и слабую светлую Эллу, дочь его – невесту, а затем жену страстного и трусливого Клияна, – и, наконец, старичка Дандилио, похожего на одуванчик, – ясного старичка, любящего весь мир и малейшие пылинки мира. Все они – косвенно через господина Морна – сталкиваются со смертью, и все по-разному принимают ее. Сам Морн трус, но из породы великолепных трусов...

В прямом отличии от психологического труса – Морна – является Клиян – трус животный <...>. Тременс, верный своей теории разрушения <...> и Дандилио, знающий, что «вещество должно истлеть», встречают смерть каждый по-своему, – последний, задумчиво проговорив: «прибрать бы вещи»...

Наконец сам Морн после сложных переживаний принимает смерть, как король принял бы царство. Король в нем победил блестящего труса.

Вот в самых общих чертах канва этой трагедии. Она происходит в небывшую эпоху и на фоне несуществующей столицы, где, по словам таинственного иностранца, приехавшего из века двадцатого, из обиходной яви: «Я нахожу в ней призрачное сходство – / с моим далеким городом родным».

Трагедия эта – трагедия личностей, индивидуальностей, аристократических, как всякая индивидуальность. Толпа остается где-то на втором плане, как далекий гул моря. Только страсти человеческие движут героями, являясь либо всепоглощающими (Ганус, живущий только мучительной любовью к жене, или Элла, жена Клияна, живущая ясной любовью к Ганусу), либо разносторонними, олицетворением которых является король, господин Морн, – смесь великолепия, смеха и вдохновенной трусости, и Клиян – смесь животной боязни смерти и всецельной нежности к Элле.

Господин Морн прежде всего – натура романтическая; но, создав сказку, он сам разрушает ее...»

Потерпев неудачу с постановкой «Трагедии» в русских эмигрантских театрах, Набоков предпринял попытку увлечь ею театры немецкие: в июне он пишет матери о том, что посылает «Трагедию» в немецкий театр в Кенигсберге «для перевода и постановки» (BCNA. Letters to Elena Ivanovna Nabokov. 14 июня 1924 г.). Из этих планов также ничего не вышло, и «Трагедия господина Морна» так и не получила – до настоящего времени – сценического воплощения. Не удалась также планы К. Проффера издать «Трагедию» в 1976 г.: перечитав пьесу, Набоков решил, что публиковать ее не следует (см.: Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок, С. Швабрина // Звезда. 2005. № 7. С. 163–166).

Публикация «Трагедии» в 1997 г. заставила исследователей, обратившихся к ней, по-новому оценить весь ранний период творчества Набокова и определить то место, которое она занимает в корпусе его oeuvres.

Б. Бойд, прочитавший «Трагедию» задолго до ее опубликования и метко назвавший ее «трагедией о счастье», предположил, что дуэльная тема в ней имеет биографическую подоплеку: в конце 1923 г. знакомый Набокова литератор А. Дроздов опубликовал в просоветской берлинской газете «Накануне» «подлую» статью о поэзии Набокова, в которой набросал карикатурный портрет Набокова-человека, якобы возникающий из его стихов. При этом Дроздов сделал вид, что лично с Набоковым не знаком.

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Посчитав себя оскорбленным, Набоков вызвал Дроздова на дуэль, но ответа не получил. Через неделю после выхода статьи редакция газеты сообщила, что Дроздов отбыл на постоянное жительство в Москву (Б01. С. 259). Профессору Бойду принадлежит и первый содержательный анализ пьесы: «Несомненно, самое значительное из всех написанных к тому времени произведений Набокова в любом жанре <...> В четырех коротких пьесах, предшествовавших "Морну", Набоков идет вслед за пушкинскими стихотворными трагедиями, в "Морне" же он, несомненно, тянется за Шекспиром <...> Хотя действие пьесы происходит в неопределенном будущем – почти синхронном условному времени шекспировской Венеции, Вероны или Вены, Набоков как бы проецирует на циклограме за спинами актеров события русской революции <...> Тем не менее "Морн" заново открывает шекспировские возможности, которые, казалось, давно уже исчерпаны: царство – завоеванное, утраченное и обретенное вновь, король-инкогнито, переодевание, пересекающиеся любовные линии на колоритном фоне охватившего страну мятежа, в изображении которого сочетаются мерцание фантазии и смертный ужас реальности <...> "Трагедия господина Морна" полемизирует с приемами Шекспира и других драматургов и придает им тонкую огранку. Набоков не принимает фатализм трагедии, неумолимость рока, которая очевидна с самого начала, железную логику причины и следствия <...> Он возражает против того, чтобы характер рассматривался как набор изначально заданных возможностей, и добивается, чтобы его персонаж полностью обманывал все ожидания, – и не один раз, а дважды и трижды» (Там же. С. 261–264).

В интересном очерке, посвященном «Трагедии», Г. Барабтарло пишет, что в этом произведении «Набоков обнаруживает зрелое владение всеми художественными планами <...> словесным, тематическим, композиционным, психологическим и даже метафизическим. Такой сложности не предполагалось у него до "Защиты Лужина"... Пьеса эта представляет собою скороходную, полноразмерную, пяти-актную лирическую трагедию белым пятистопным ямбом, невероятно высокого драматического и поэтического достоинства. По чисто выразительной своей силе она гораздо выше всего, что Набоков сочинил в стихах до нее, и в смысле общей художественной ценности она превосходит и его тогдашнюю прозу <...> Непрерывный поток богатых метафор; то тут, то там вспышки свежих каламбуров и звуковых эффектов; ровное и скорое качество; отличная координация трех основных частей сюжета (дилемма Морна, мучение Гануса, лихорадка Тременса); осложнение в виде сверхъестественного ревизора (Иностранца) и все-охватывающего и все-разрешающего учения (Дандилио) – все эти и другие особенные черты и тематические линии трагедии Набоков потом перенес в свою прозу...» (Г. Барабтарло. Сверкающий обруч. О движущей силе у Набокова. С. 233–234, 235).

А. Бабилов

Сноски

1

Зал ожидания (фр.).

2

Vladimir Nabokov Archives // Collection of the Manuscript Division, The Library of Congress. Washington, D. C.

3

Vladimir Nabokov Archives // The W. Henry and A. Albert Berg Collection of English and American Literature. The New York Public Library.

4

Чувствителен (англ.).

5

Имеется ввиду Карел Крамарж, чешский государственный деятель и русофил, помогавший Набоковым устроиться в Праге.

6

Единственное, что имеет значение (англ.).

7

Б.Бойд. Владимир Набоков. Русские годы: биография. М.; СПб.: Независимаягазета, Симпозиум, 2001.

8

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 4.

9

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 3.

10

В. Набоков. Американский период. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 2.

Комментарии

1

Тременс <...> лихорадка... – имя бунтовщика, образованное от лат. tremens («дрожащий»), намекает на delirium tremens (букв.: «дрожательный бред»), медицинское название белой горячки. Г. Барабтарло в этой связи заметил: «Одна из слабостей пьесы та, что она кишит так называемыми говорящими именами, более или менее прозрачными: Морн акустически соотносится с английским утром (но и с горестным плачем), Тременс – со своей хронической лихорадкой, Мидия (ударение на втором слоге) – с английским произношением Медеи, Эдмин (ударение на последнем слоге) – с английским корнем слова "прислуживающий" ("администратор"), Ганус значит "светлый", и может быть здесь имеется в виду какое-то соотнесение с Янусом и даже Ясоном. Старик Дандилио своим именем (и отчасти видом) напоминает одуванчик (dandelion по-английски), о чем упоминается в прозаическом изложении, где он назван "Дандэлио"» (Г. Барабтарло. Сверкающий обруч. О движущей силе у Набокова. С. 261–262). К этим наблюдениям остается добавить, что Мидия – царство в Иране (VII в.), в имени Тременса, помимо латинского значения, содержится русская анаграмма «смертен», а имя поэта Клияна, прославляющего в одах Тременса, напоминает о Клио, которую также называли Клия (первоначально – муза, которая прославляет).

2

«Но все же я тебя боюсь <...> / и все же чувствую, что я боюсь». – Перевод слов Дездемоны, обращенных к Отелло в финальной сцене трагедии Шекспира («Отелло», акт V, сц. 2). Ср. пер. Б. Пастернака: «Но ты меня пугаешь. Ты зловец, / Когда вращаешь в бешенстве глазами, / И, как я ни чиста перед тобой, / Мне страшно».

3

Кто этот – / похожий на коня? <...> Поэт Клиян. – В «Изложении» «Трагедии» этот образ еще раздвоен: помимо Клияна в «Изложении» действует и другой поэт, безымянный, «длинноволосый человек с сумасшедшими бычьими глазами». В итоге Клиян вобрал в себя черты этого персонажа, представ, с одной стороны (во сне Эллы), в образе Минотавра, а с другой, – «громоголосым сумасшедшим», как его называет далее Морн. Безымянный поэт «Изложения» возникает вновь, уже как тип дурного поэта, в «Человеке из СССР»: ср. «Какой-нибудь длинногривый кретин читает стихи».

4

Баута (ит. bautta – домино) – венецианская маска, первоначально – смерти, изображавшаяся на средневековых миниатюрах. Подробное описание бауты приводит П. П. Муратов: «Венецианская "баутта" состояла из белой атласной маски с резким треугольным профилем и глубокими впадинами для глаз и из широкого черного плаща с черной кружевной пелериной. К маске был прикреплен кусок черного шелка, совершенно закрывавший нижнюю часть лица, шею и затылок. На голову надевалась треугольная черная шляпа, отделанная серебряным галуном. При "баутте" носили белые шелковые чулки и черные туфли с пряжками» (П.П. Муратов. Образы Италии. М.: Республика, 1994. С. 24). В commedia dell'arte в бауту облачен Капитан – образ трусливого бахвала.

5

Войти в тебя <...> кости проломить / <...> сжать между ладоней сущность / твою! – Самое раннее проявление мотива, получившего у Набокова развитие в двух планах, «физическом» и «метафизическом», ср. в «Даре»: «Он старался <...> вообразить внутреннее прозрачное движение другого человека, осторожно садясь в собеседника, как в кресло, так чтобы локти того служили ему подлокотниками и душа бы влегла в чужую душу» (Н4.[8] С. 222); в «Музыке» (1932): «Она была вся бархатистая, ее хотелось сложить <...> а что потом? Как овладеть ею полностью? "Я люблю твою печень, твои почки, твои кровяные шарики"» (НЗ.[9] С. 589). Ср. также в «Лолите»: «Упрекаю природу только в одном – в том, что я не мог, как хотелось бы, вывернуть мою Лолиту наизнанку и приложить жадные губы к молодой маточке, неизвестному сердцу, перламутровой печени, морскому винограду легких, чете милостивых почек!» (Н97.[10] С. 204).

6

Великолепные блаженны!.. – Смысловая инверсия библейского «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3).

7

Что счастье? Волненье крыльев звездных. / Что счастье? Снежинка на губе... – Определения Морна, по-видимому, полемически обращены к стихотворению А. Блока «Миры летят. Года летят. Пустая...» с его финальным восклицанием «Как страшно все! Как дико!», ср.: «Что счастье? Вечерние прохлады / В темнеющем саду, в лесной глуши? / Иль мрачные, порочные услады / Вина, страстей, гибели души? / Что счастье? Короткий миг и тесный, / Забвенье, сон, и отдых от забот... / Очнешься – вновь безумный, неизвестный / И за сердце хватающий полет...» (А. Блок. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 41).

8

..Отелло заскучал по Дездемоне. / О, демон в этом имени... – Ср. в «Уроках английского» (сб. «Сестра моя – жизнь», 1922) Б. Пастернака: «Когда случилось петь Дездемоне / И голос завела, крепясь, / Про черный день чернейший демон ей / Псалом плакучих русл припас...» (Б. Пастернак. Собр. соч.: в 5 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 133). 20 октября 1922 г. Пастернак читал стихи из «Сестры» на литературном вечере в берлинском кафе «Леон» (см.: Е.Пастернак. Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997. С. 349–350), где два дня спустя, на вечере содружества «Веретено», со своими произведениями выступил Набоков (Б01. С. 236). Сборник «Сестра моя – жизнь» комплиментарно упомянут в рассказе Набокова «Тяжелый дым» (1935).

9

..давно ли / покинули Венецию? – В шекспировской трагедии Отелло отправляется на Кипр из Венеции.

10

«Крюк» – т. е. «хук», короткий боковой удар левой в боксе (от англ. hook – крюк); ср. в заметке Набокова «Брайтентретер – Паолино» (1925), посвященной боксу: «Но Паолино, вбрав в плечи голову, отвечал короткими крюками снизу вверх...» (Н1. С. 753).

11

A la courte paille (букв.: по короткой соломинке – фр.) – дуэль по жребию: вытянувший жребий должен застрелиться. Противоположная форма – дуэль a volonte? – т. е. по желанию, когда противники стреляли по команде или по собственному усмотрению.

12

..вы мне наемни обещали дать... – Эти слова есть в беловике, однако в машинописном тексте «Трагедии» они пропущены («Да: / конверт и марку»).

13

Картель (фр. cartel) – письменный вызов.

14

...вспрыснет зверь. – Так в машинописном тексте и в рукописи. Вероятно, написано и перепечатано ошибочно вместо «вспрыгнет». В журнальной публикации неоправданное «вспорскнет» (Звезда. 1997. № 4. С. 39).

15

Дрема долит. – Одолевает (арх.). Выражение «дремота долит» (которое встречается у Набокова впервые в переводной книге «Николка Персик», 1922) почерпнуто, очевидно, из песни второй пушкинской «Полтавы», где описывается Кочубей перед казнью: «Заутра казнь. Но без боязни / Он мыслит об ужасной казни; / О жизни не жалеет он. / Что смерть ему? желанный сон. / Готов он лечь во гроб кровавый. Дрема долит...» (А. С. Пушкин. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 199). То же выражение Набоков использует в «Приглашении на казнь» (гл. XIV), указав тем самым на «Полтаву» как на один из источников романа и сопоставив двух узников, Кочубея и Цинциннату, ожидающих смерти. В журнальной публикации «Трагедии» ошибочно: «давит» (с. 40).

16

Уйти бы – а? – туда, в картину эту... – Мотив перехода в мир картины как ухода от действительности развивается в рассказе Набокова «Венецианка», написанном вскоре после «Трагедии», и затем в романе «Подвиг» (1932).

17

Он умер. Кость осталась / холодная. На ней распято что-то – лохмотье, дух... – В беловике можно разобрать предыдущий (вымаранный) вариант фразы: «На ней распято что-то – и смотрит в ночь».

18

Морн <...> заря взойдет без моего участия. – На выбор «говорящего» имени для героя «Трагедии», возможно, повлияла персонификация утра в «Гамлете» У. Шекспира (акт I, сц. 1), ср.: «But, look, the morn, in russet mantle clad, / walks o'er the dew of yon high eastern hill...» («Но вот и Утро, в мантии багряной, / Ступает по росе восточных гор»; пер. М. Лозинского). Ср. название «предутренней стражи» на вымышленном Набоковым языке некой северной державы в неоконченном романе «Solus Rex» (1940): «morndammer wagh» (Н5. С. 85). Не исключено также, что, создавая образ Морна-короля, Набоков исходил из отождествлений Короля и зари в драме А. Блока «Король на площади» (1918), в третьем действии которой Дочь Зодчего говорит: «Король! Я не хочу убивать тебя. Если ты угаснешь, угаснет и вот та узкая полоса зари» (А. Блок. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1961. Т. 4. С. 57).

19

...Тристаново страданье колдовское / и самая летучая любовь. – В журнальной публикации ошибочно: «Тристромово старанье...» (с. 69). Имеется в виду легенда о Тристане, рыцаре «Круглого стола» короля Артура, и дочери короля Ирландского Изольде. Выпив по ошибке любовного зелья, Тристан оказался навек связан с Изольдой страстью. Изольда становится женой короля Марка, но изменяет ему с Тристаном, любить которого ей суждено до самой смерти. Любопытно, что в предыдущем акте Тременс прочитывает имя Морна в письме Мидии, как «Марк». Этому предшествуют слова Мидии «и я несчастна». Таким образом, Морн соотносится не с Тристаном, а с королем Марком, с которым Изольда была несчастна; роль же Тристана в «Трагедии» отводится Эдмину. Образу влюбленного и скитающегося Тристана посвящено стихотворение Набокова «Тристан» (1921); в 1922–1923 гг. Набоков входил в литературный кружок «Братство Круглого Стола».

20

И – словно в песне – мне остались только / вот эти розы... – Имеется в виду

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru известный романс «Две розы» (сл. Д'Актиля, муз. С. Покрасса), в котором есть следующие слова: «Счастья было столько, сколько влаги в море, / Сколько листьев юных на седой земле. / И остались только, какemento more, / Две увядших розы в синем хрустале...»

21

...с первых дней / вселенной в ваших лепестках сквозила / кровь Аполлона... – Возможно, имеется в виду миф об Аполлоне и юноше Гиакинфе, которого Аполлон, соревнуясь с ним в метании диска, смертельно ранил. Из крови Гиакинфа (а не Аполлона) выросли цветы, но не розы, а гиацинты, – как бы обогранные кровью (см.: Овидий, «Метаморфозы», X, 162–219).

22

Прожвакать – согласно Словарю Даля, синоним к «прожамкать», «прочавкать», «прожевать».

23

...в телеге, / гремящей под гору, к обрыву... – Реминисценция пушкинской «Телеги жизни», ср.: «Но в полдень нет уж той отваги; / Порастрясло нас; нам страшней / И косогоры и овраги...» (А. С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. 1977. Т. 2. С. 148).

24

...ход потайной... – Г. Барабтарло обратил внимание на развитие этого мотива бегства короля через потайной ход в «Бледном огне» (1962) Набокова (см.: Г. Барабтарло. Сверкающий обруч. О движущей силе у Набокова. С. 239).

25

Дам бороду поддельную, очки... – Трису Клияну наследовал Трощейкин в «Событии», который подумывал бежать от Барбашина в накладной бороде.

26

Столб соляной... – Имеется в виду ветхозаветное предание о Лоте и его жене. Когда ангелы, посланные истребить погрязших в грехе жителей Содома и Гоморры, выводили семью Лота из обреченного города, жена его, нарушив запрет, оглянулась на испепеляемый город и превратилась в соляной столп (Быт. 20–33). Это же предание об истреблении Содома и Гоморры, вероятно, подразумевается в «Парижской поэме» (1943) Набокова, в зачине которой поэт просит ангелов пощадить всех русских, как в воюющей России, так и тех, кто «у чужого огня», т. е. в эмиграции и оккупации, – спасти «всю ораву», включая и самого патриарха евреев Авраама, чье имя неожиданно возникает в ряду русских имен.

27

...и в молодости – пляски. – На этих словах в машинописном тексте (с. 15) обрывается сцена I заключительного акта. По сохранившемуся «Изложению» «Трагедии», в финале этой сцены следует расстрел Клияна, Эллы, Тременса и, предположительно, Дандилио. Сколько страниц утеряно в конце этой сцены, установить невозможно. Однако сопоставление «Трагедии» с «Изложением» показывает, что здесь утрачен небольшой фрагмент текста; сцена должна была, по-видимому, завершаться монологом смертельно раненного Тременса «Мечта, ты победила...». Поскольку каждая сцена в машинописном тексте имеет свою пагинацию, легко установить, что восемь страниц текста (не менее 200 строк) в начале сцены II отсутствуют. Следующая страница машинописного текста начинается с обрывка реплики Морна, со слов, относящихся, по-видимому, к Тременсу и его сподвижникам. Действие в сцене II, сохранившейся в отрывках, перенесено из столицы на виллу Морна, где он оправляется после ранения от выстрела Гануса.

28

Рукопись «Изложения» «Трагедии» носит рабочий характер и отражает этапы становления замысла перед его окончательным стихотворным воплощением. Первоначально Набоков задумал трагедию в четырех действиях из десяти сцен, и

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru составил развернутый план; затем, в настоящем «Изложении», при сохранении деления на четыре акта, расширил ее до двенадцати сцен. Свой окончательный вид «Трагедия» обрела в пяти актах и восьми сценах, существенно отличающихся по разработке сюжета и характеров от «Изложения». Некоторые сцены в «Изложении» не вошли в «Трагедию», другие, напротив, получили развитие. То, что журнальными публикаторами «Изложения» было принято за плод авторской небрежности, в действительности есть не что иное, как результат колебаний Набокова в выборе и написании имен некоторых персонажей, часто в пределах одной сцены (Ганус – Ганос – Ганнос – Ганнес; Дэндилюэ – Дандилио – Дандилио; Эдмин – Эдвин); поскольку сам ход работы над «Трагедией» представляет большой интерес, написание имен нами не унифицируется. Помимо «Изложения» «Трагедии», сохранились записи с детальной разработкой психологической динамики отдельных персонажей, а также подробный план более раннего замысла «Трагедии», тяготеющий к лаконичному изложению.

29

Огневица – «огневой недуг», горячка (Словарь Даля).

30

Есть в ней что-то от венецианского XVII столетия времен Казановы... – Описка Набокова: венецианский авантюрист Джакомо Казанова жил в XVIII столетии (1725–1798). Венецианская жизнь XVIII в., ярко изображенная Казановой в «Мемуарах», представляется вечным праздником; П. Муратов назвал XVIII век в Венеции «веком романтизма, музыки и маски». «Маска стала почти что государственным учреждением, одним из последних созданий этого утратившего всякий серьезный смысл государства» (П.П. Муратов. Образы Италии. С. 23).

31

...банальное, отжившее, т. е. в стиле Пильняков, Лидиных и т. д. – Одно из самых ранних проявлений резко отрицательного отношения Набокова к советской беллетристике. Б. А. Пильняк (Воган) (1894–1938) был известен к тому времени как автор романа «Голый год» (1922), вышедшего одновременно в Москве и Берлине (в издательстве Гржебина) и получившего известность как авангардистское изображение быта революционной эпохи, повести «Иван-да-Марья» (Берлин, 1922) и рассказов, отличающихся экспрессивной манерой. На излишнюю манерность, нарочитую небрежность, стилизованность языка Пильняка неоднократно указывал М. Горький, оценивший его следующим образом: «Пильняк характерен для современной литературы русской только как явление болезненное, как неудачный подражатель Ремизова и Белого» (М. Горький и И. Ф. Каллиников. Переписка / Публ. Л. А. Спиридоновой // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 710; 731). В 1922 г. Пильняк побывал в Берлине, выступал с чтением своих рассказов, агитировал за возвращение в Россию. Ко времени начала работы Набокова над «Трагедией» в Берлине вышли также «Повести о многих днях» (1923) плодовитого беллетриста В. Г. Лидина (Гомберга) (1894–1979), который, как и Пильняк, приезжал в Берлин в 1922 г. Позднее, в 1926 г., Набоков выступил на собрании Берлинского литературного кружка с докладом «Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины одного». В этом докладе, разбирая сочинения Пильняка «Мать сыра-земля», «Английские рассказы» и повесть «Заволочье», Набоков замечает: «Но как не придти в уныние, как даже у писателя, как, например, Пильняк, у которого так хочется найти что-нибудь хорошее, – оттого, что у него есть по крайней мере известный размах – как не придти в уныние, когда у него читаешь такой нелепый, ненужный, лживый рассказище, как, например, его "Мать сыра-земля"» (В. Набоков. Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины одного / Публ. А. Долинина // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. СПб.: Феникс, 2001. С. 15–16). Знакомство Набокова с книгами Лидина подтверждается этим же докладом: «Я, например, даже не упомянул о Лидине и об Яковлеве, хотя читал их» (Там же. С. 21). Готовясь к докладу, Набоков читал также Л. Леонова и Л. Сейфуллину; в письме Vere Набоковой он пишет: «до обеда читал "Барсуков" Леонова. Немного лучше, чем вся остальная труха – но все-таки не настоящая литература» (В. Набоков. Letters to Vera Nabokov. 6 июня 1926 г.). В заключение доклада Набоков приводит пять причин «временного упадка российской литературы»: вера в исторические катаклизмы, классовое мировосприятие, узость поля зрения, некультурность, цензура (В. Набоков. Несколько слов об убожестве советской беллетристики... С. 20). В памфлете «Торжество добродетели», написанном в 1930 г., Набоков назвал советскую литературу «в лучшем случае второсортной», сравнив ее с «елейной»

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru тюремной библиотекой – «для просвещения и умиротворения заключенных» (Н2. С. 685). В письме З. Шаховской от 15 октября 1934 г. Набоков признался: «Мне противна вся советская беллетристика (Леонов и лубочный А. Толстой включительно), с ее правительственным фаршем...» (LCNA. Box 22, fol. 1).

32

Выходит Кляян. – В рукописи сохранился первоначальный вариант этого предложения: «Из-за статуи выходит Кляян, который юркнул за нее еще раньше, когда он, проходя по дорожке, заметил на скамье Эллу, старика и человека, уткнувшегося в поднятый воротник».

33

Субретка – тип бойкой и хитрой плутовки в комедиях.

34

...сумасшедший диалог... – вероятно, описка; следует читать: «сумасшедший монолог».

35

...никаких объяснений... – в рукописи описка: «никогда объяснений».

36

...долго и молча взглянув сперва... – в рукописи описка: «взглянув» вместо «поглядев».

37

...в передней <...> стал подниматься по лестнице <...> на улице. – Несообразность возникла из-за сохранения в рукописи двух вариантов описания прихода Морна к Тременсу: в первом Дандилио услышал изобличающее Морна обращение Эдмина на лестнице, ведущей к Тременсу, когда эти двое обогнали его, во втором – в передней Тременса.

38

Сохранившиеся заметки, в которых Набоков описывает психологическую динамику характеров, относятся к четырехактному варианту «Трагедии», но составлены позднее «Изложения», либо непосредственно перед окончательным (так как были и предыдущие пробы) стихотворным воплощением замысла, либо даже в ходе его. План раннего замысла «Трагедии», напротив, написан прежде «Изложения» и, возможно, является первичным наброском к «Трагедии». Если в «Изложении» Набоков еще колеблется в выборе и написании имен некоторых персонажей, то в заметках все они, за исключением Дандилио, определены окончательно; в плане раннего варианта «Трагедии» персонажи, за исключением Морна, еще безымянны, и их всего шесть. Таким образом, последовательность сопутствующих «Трагедии» материалов следующая: 1) план раннего замысла «Трагедии»; 2) «Изложение»; 3) линии персонажей и их развитие.

Материалы публикуются впервые.

39

...глаз мухи видит только то... – После слова «только» следовало «одним факетом», вычеркнутое Набоковым.

40

«Он делает чистую грудь всего...» – Подразумевается выражение «to make a clean breast of it» (англ.), т. е. «чистосердечно раскаяться».

41

Его пытаются арестовать. – Далее следовало «Он опять бежит...», зачеркнутое Набоковым.

Трагедия господина Морна. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

42

Он понимает... – Первоначально было написано: «Он ждет первого луча рассвета...».

43 «Ведь это все ложь». – Далее следовали две вычеркнутые фразы: «Просит показать письмо <одно слово – нрзб.> его. В нем – новые угрозы».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!